68 9/80

4614
8-20

68 9/80

3.23
464

68 9/80
Е-22
1938г.
58708
Ф

Г. А. Евреиновъ.

НАЦІОНАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

НА ИНОРОДЧЕСКИХЪ ОКРАИНАХЪ РОССІИ.

Схема политической программы.

Малороссы.—Царство Польское.—Бѣлоруссы и Литва.—
Прибалтійскія губерніи.—Финляндія.—Кавказъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Бенке, Новый переулокъ № 2.
1908.

4614

323
Б-22

Ин-та русского языка
БИБЛИОТЕКА
МО. яз. и мышления АН СССР

12909

Государственная публичная
историческая
библиотека РСФСР

881404 М

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Общія положенія	1
II.	Малороссы	11
III.	Царство Польское	18
IV.	Бѣлоруссы и Литва	30
V.	Прибалтійскія губерніи	48
VI.	Финляндія	70
VII.	Кавказъ	97

I.

Общія положенія.

Чѣмъ объяснить, что у насъ еще существуютъ національные вопросы несмотря на давнее присоединеніе инородческихъ окраинъ къ Россіи?

Неопредѣленность ихъ положенія въ составѣ Имперіи зависитъ прежде всего отъ шаткости и непослѣдовательности правительственной политики, объясняемыхъ свойствами государственнаго строя, открывавшими до послѣдняго времени широкій просторъ личному усмотрѣнію, преходящимъ вліяніемъ, безотвѣтственности властныхъ органовъ правящей власти, отличительной чертой которыхъ было ихъ разобщеніе, своего рода автономія отдѣльныхъ вѣдомствъ и мѣстныхъ правителей, исключавшая всякую возможность единства направленія и стойкости въ правительственной политикѣ.

Осложненію и обостренію нашихъ окраинныхъ вопросовъ въ значительной степени содѣйствовала наступившая послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ всесторонняя въ правительственной политикѣ реакція. Власть, ставшая было на вѣрный путь прогрессивнаго развитія матеріальныхъ и культурныхъ силъ государства, уступила вліянію реакціонныхъ общественныхъ элементовъ, выступившихъ подъ національнымъ флагомъ, но русскую національную обособленность отъ остальнаго культурнаго міра полагавшихъ въ отсталыхъ формахъ государственнаго и общественнаго быта, пережитыхъ въ свое время и другими народами. Въ этихъ

общественныхъ кругахъ русскій патріотизмъ отождествлялся съ отрицаніемъ живительныхъ для всякаго государственнаго организма, въ извѣстной стадіи его развитія, началъ свободы, равноправности и общественной самодѣятельности. Въ ихъ программу входила искусственная руссификація пріемами не искусными, грубыми, оскорбительными для національнаго или религіознаго чувства иноплеменниковъ и иновѣрцевъ.

Вызванная реакціей отсталость оставила въ коренной Россіи уровень культуры болѣе низкій того, котораго достигли нѣкоторыя изъ ея инородческихъ окраинъ (Финляндія, Царство польское, Прибалтійскія губерніи). Въ этомъ отношеніи нельзя не указать на то обстоятельство, что эти окраины или не знали крѣпостнаго права совсѣмъ или освободились отъ него значительно ранѣе насъ. Это преимущество болѣе совершенной культуры оправдывало до извѣстной степени стремленія этихъ окраинъ къ національной обособленности, въ размѣрахъ часто преувеличенныхъ, не считаясь ни съ достоинствомъ, ни съ интересами русскаго государства.

Неопредѣленности положенія, которое должна занимать та или иная окраина въ составѣ государства россійскаго, помимо непослѣдовательности правительственной политики содѣйствовало и неизбѣжно вліявшее на нее общественное настроеніе, — а въ русскомъ обществѣ, въ которомъ отрѣшеніемъ его отъ практической политики, подавленъ былъ самый духъ государственности, настроеніе это могло выражаться только въ отвлеченной тенденціи, а не въ трезвомъ пониманіи практическихъ задачъ политики, преслѣдующей полезныя цѣли.

Національная идея, въ качествѣ отвлеченной тенденціи, а не идейной основы практической политики, направила политическое настроеніе нашихъ ретроградовъ въ сторону ограниченія правъ инородцевъ или уравненія всѣхъ въ общемъ безправіи. Съ другой стороны, у радикаловъ либерализма, національная идея повидимому совершенно изчезла въ увлеченіи политической программой, представляющей сочетаніе совершеннѣйшихъ по гуманности и либерализму по-

ложеній государственной теоріи, но въ ихъ полномъ отрѣшеніи отъ практическихъ требованій времени и мѣста, при старательномъ изъятіи изъ нее всякаго народнаго и національнаго содержанія. Въ такомъ видѣ она столько-же пригодна для Россіи, какъ и для любого изъ государствъ земнаго шара, такъ какъ нигдѣ эта во всѣхъ подробностяхъ передовая государственная теорія еще не облеклась окончательно въ плоть и кровь исторически сложившихся въ разныхъ странахъ порядковъ и учрежденій.

Въ видѣ отвлеченныхъ формулъ политическаго радикализма былъ предложенъ и вопросъ о правахъ національностей на обсужденіе московскихъ земскихъ съѣздовъ въ 1905 г., когда возвѣщено было всестороннее обновленіе нашего государственнаго строя[1]). Вопросъ этотъ обсуждался съѣздомъ въ слѣдующей широкой постановкѣ: чѣмъ быть Россіи въ будущемъ — свободной-ли федераціей самостоятельныхъ штатовъ или кантоновъ, или совокупностью автономныхъ областей и провинцій, или-же остаться единымъ нераздѣльнымъ государствомъ?

Вопросъ разсматривался принципіально и бюро прямо заявило, что основанія и условія автономіи тѣхъ или иныхъ областей въ отдѣльности не могутъ быть предметомъ сужденій съѣзда.

Въ пользу федеративнаго устройства Россіи въ докладѣ были приведены записки объ автономіи Грузіи и Украйны, а также заявленія многихъ общественныхъ дѣятелей и профессоровъ. Оно нашло горячихъ защитниковъ на самомъ съѣздѣ, причемъ однимъ профессоромъ изъ украйнофиловъ было высказано что „Россія не станетъ спокойной и свободной пока въ ней не осуществится на широкихъ началахъ федеративное устройство“. Другіе сторонники обращенія Россіи въ федерацію доказывали, что федеративное государство гораздо сплоченнѣе и могущественнѣе централистическаго, что общее представительство достаточно гарантируетъ

[1]) Вопросу этому было посвящено въ сентябрѣ и октябрѣ 1905 г. три засѣданія.

сохраненіе единства государства, а блага, даваемыя федеративнымъ строемъ неисчислимы,—только при немъ національная культурная самостоятельность не обращается въ миражъ. Представитель отдаленнаго Иркутска, находя, что федеративное устройство соотвѣтствуетъ „протяженности“ Россіи, отстаивалъ автономію якутъ, бурятъ и другихъ сибирскихъ инородцевъ.

Большинствомъ голосовъ съѣздъ, относительно правъ инородцевъ и автономіи окраинъ, принялъ слѣдующія положенія:

Основной законъ долженъ гарантировать всѣмъ народностямъ право культурнаго самоопредѣленія.

Русскій языкъ долженъ остаться языкомъ центральныхъ государственныхъ учрежденій, арміи и флота.

Употребленіе въ мѣстныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, а также въ учебныхъ заведеніяхъ мѣстныхъ языковъ регулируется общими и мѣстными законами.

Кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправленія распространяется на всю область мѣстнаго управленія, включая полицію безопасности и благочинія.

Дѣятельность мѣстныхъ представителей центральной власти должна сводиться къ надзору за законностью дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Органамъ мѣстнаго самоуправленія должна принадлежать широкая власть изданія обязательныхъ постановленій.

Имѣя въ виду, что образованіе мѣстныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти по извѣстнымъ предметамъ, является потребностью нѣкоторыхъ частей Имперіи, съѣздъ постановилъ: послѣ установленія правъ гражданской свободы и правильнаго народнаго представительства съ конституціонными правами для всей Имперіи, долженъ быть открытъ законный путь для установленія мѣстной автономіи.

Относительно автономіи Царства Польскаго, съѣздъ, признавая, что оно „въ большей своей части представляетъ собою совершенно однородное въ національномъ и культурно-бытовомъ отношеніяхъ и рѣзко обособленное отъ

остальныхъ частей Имперіи цѣлое, признаетъ необходимымъ немедленно, по установленіи обще-имперскаго, демократическаго представительства, съ конституціонными правами, выдѣлить Царство Польское въ особую автономную единицу съ сеймомъ, избираемымъ на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, при условіи сохраненія государственнаго единства Имперіи и установленія возможности исправленія границъ между Царствомъ Польскимъ и сосѣдними губерніями, по обоюдному соглашенію, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, въ соотвѣтствіи съ племеннымъ составомъ и желаніями мѣстнаго населенія. При этомъ въ Царствѣ Польскомъ должны дѣйствовать общеимперскія гарантіи гражданской свободы и права національностей на культурное самоопредѣленіе и должны быть обезпечены права меньшинства".

Вопросъ объ автономіи Финляндіи на съѣздѣ не обсуждался, по всей вѣроятности потому, что руководители съѣзда раздѣляли точку зрѣнія финляндскихъ сепаратистовъ о томъ, что Финляндія составляетъ самостоятельное государство, состоящее съ Россіей въ династической уніи.

Эти постановленія съѣзда вошли, по вопросу объ автономіяхъ, въ политическую программу кадетской партіи.

Для опредѣленія настроенія инородческой интелигенціи любопытно отмѣтить резолюцію съѣзда автономистовъ и федералистовъ, засѣдавшаго въ С.-Петербургѣ 19, 20 и 21 ноября 1905 г. (въ составѣ 115 членовъ). „Собравшіеся въ С.-Петербургѣ представители адербейджанцевъ, армянъ, бѣлоруссовъ, грузинъ, евреевъ, киргизовъ, латышей, литовцевъ, поляковъ, татаръ, украинцевъ и эстовъ, — выслушавъ доклады о положеніи перечисленныхъ народностей, въ связи съ современнымъ политическимъ состояніемъ Россіи, пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ.

1) Освободительное движеніе, постепенно расчищающее почву для переустройства государства на демократическихъ началахъ, есть общее дѣло всѣхъ народностей Россіи.

2) Народности эти кровно заинтересованы въ томъ, чтобы грядущій строй обезпечилъ всѣмъ и каждой изъ нихъ

и всѣмъ вмѣстѣ свободу и полноту ихъ духовнаго и матеріальнаго развитія.

3) Съѣздъ признаетъ несостоятельность и недопустимость централизаціи законодательства и управленія въ государствѣ столь обширномъ, столь разнообразномъ и сложномъ въ экономическомъ, религіозномъ и національномъ отношеніяхъ, какъ Россія.

4) Съѣздъ признаетъ, что въ децентрализаціи государственной власти и въ организаціи народовластія на началахъ федеративнаго строя заинтересованы всѣ народы Россіи.

5) Въ интересахъ народностей, не сосредоточенныхъ на одной опредѣленной территоріи, а также въ интересахъ національнаго меньшинства въ каждой изъ такихъ территорій должны быть установлены общегосударственной конституціей такія нормы, которыя обезпечивали бы каждому такому меньшинству и всякой народности неприкосновенность ея національныхъ правъ и интересовъ. Одной изъ мѣръ для достиженія этой цѣли является, по мнѣнію съѣзда, система пропорціональнаго представительства какъ въ общегосударственномъ парламентѣ, такъ и въ мѣстныхъ сеймахъ.

Для осуществленія намѣченныхъ задачъ съѣздъ считаетъ необходимымъ созданіе *союза народностей* въ цѣляхъ взаимной поддержки въ борьбѣ за національныя права".

Политика есть область чисто практическая. Въ ней не у мѣста ни доктринерство, ни этическій идеализмъ, — а въ дѣлѣ автономнаго обособленія составныхъ частей государства еще менѣе, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ практической политики. Здѣсь на первомъ планѣ долженъ, конечно, стоять интересъ всего государства и его кореннаго населенія, опредѣляющаго его національную личность среди другихъ народовъ, имѣющихъ самостоятельное государственное существованіе.

Государственный интересъ долженъ быть понимаемъ въ данномъ случаѣ въ широкомъ смыслѣ сохраненія, укрѣпленія и преумноженія матеріальной и духовной мощи государства. Мѣстные національные интересы инородцевъ должны уступать пользѣ всего государства, съ которою всегда и во всемъ должны сообразоваться нетолько размѣры и

свойство обособленности инородческаго населенія, но и самая его допустимость. Значеніе въ этомъ отношеніи стратегическаго положенія окраины не требуетъ доказательствъ, но первостепенную важность имѣютъ и соображенія экономическаго свойства. Обладаніе инородческими окраинами должно быть выгодно для Россіи и въ узкомъ значеніи выгодъ экономическихъ. Въ условіяхъ капиталистическаго строя, въ которомъ живутъ нынѣ всѣ культурные народы, степень богатства страны опредѣляетъ и его относительное могущество на міровой международной сценѣ, а Россія, при ея неисчислимыхъ естественныхъ богатствахъ, благодаря продолжительной реакціи, задержавшей большую часть кореннаго русскаго населенія въ отсталыхъ формахъ сословнаго и хозяйственнаго строя, въ связанномъ и безправномъ состояніи, — среди другихъ государствъ относительно самое бѣдное. [1]) Этимъ опредѣляется высокое государственное значеніе соображеній экономическихъ въ нашей внутренней политикѣ. Автономія инородческихъ окраинъ не должна пасть на рамена русскаго народа новою тяжестью. Отъ сдѣланныхъ имъ территоріальныхъ пріобрѣтеній онъ вправѣ ожидать себѣ пользы, выгоды а не убытка.

Съ другой стороны здравая политика должна избѣгать всякихъ напрасныхъ ограниченій національной самобытности присоединенныхъ народностей и при этомъ условіи польза государственная и требованія справедливости рѣдко расходятся.

Согласованіе общихъ государственныхъ и окраинныхъ инородческихъ интересовъ зависитъ отъ множества самыхъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій и соображеній общегосу-

[1]) По исчисленію статистика Мюльгаля, если богатство страны раздѣлить на число ея жителей, то каждый британецъ получилъ бы 247 фунт. стер., французъ — 224, нѣмецъ — 140, а русскій — только 55 фунт. стер. Это наименьшая цифра народнаго богатства въ Европѣ, — Сербія имѣетъ на душу населенія 108 фун. и Болгарія 70 фун. Въ соотвѣтствіи съ такой бѣдностью, — въ Россіи каждый житель платитъ на войско и флотъ 3 р. 40 к., и расходъ въ этомъ размѣрѣ составляетъ для него непосильное бремя. Французъ-же и англичанинъ уплачиваютъ на тотъ-же предметъ, относительно легко, первый — 9 рублей съ души, а второй—8.

дарственной политики, а потому вопросы объ автономіяхъ и предѣлахъ самобытности инородцевъ и окраинъ въ составѣ государства вовсе не поддаются единообразному и принципіальному разрѣшенію. Такъ въ дѣйствительности они и разрѣшаются въ отдѣльныхъ государствахъ. Англія, напримѣръ, относится различно къ автономіи Ирландіи и Канады, Индіи и Австраліи. Тоже разнообразіе въ разрѣшеніи вопросовъ о племенныхъ автономіяхъ отдѣльныхъ частей государства и политическихъ правахъ отдѣльныхъ народностей мы видимъ и въ Австро-Венгріи.

Автономіи и инымъ видамъ національной обособленности противополагается единство, единообразіе законовъ и порядка ихъ изданія, суда, управленія, повсемѣстное употребленіе государственнаго языка въ дѣлопроизводствѣ, въ школьномъ преподаваніи, — и какъ высшее проявленіе этого единенія, — равноправіе. Объединяютъ разнородные элементы только общія права, а общія обязанности, при различномъ объемѣ правъ, ихъ разъединяютъ. Ограниченіе правъ по происхожденію неизбѣжно обращаетъ обездоленныхъ инородцевъ во внутреннихъ враговъ.

Убѣдительнымъ доказательствомъ благотворнаго объединяющаго значенія равноправности можетъ служить наша Бессарабія. Она была присоединена къ Россіи въ условіяхъ совершеннаго полноправія и равноправія [1]) и очень скоро слилась съ Имперіей органически, не смотря на почти сплошное инородческое населеніе. Никакихъ мѣстныхъ національныхъ вопросовъ въ Бессарабіи никогда не возникало.

Сторонники ограниченія правъ инородцевъ въ Россіи, ставя основнымъ принципомъ національной политики въ Россіи афоризмъ „Россія для русскихъ“ жалуются на то, что и при существующей у насъ неравноправности инородцевъ, коренное населеніе нашей страны находится отъ нихъ въ полной экономической зависимости. Оспаривать этого нельзя. Наиболѣе производительными источниками суще-

[1]) Въ Бессарабіи были весьма мудро сохранены только нѣкоторыя особенности аграрныхъ порядковъ и законовъ о наслѣдованіи.

ствованія и обогащенія овладѣли въ Россіи нетолько русскіе инородцы, но даже иностранцы. Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что помочь этому горю можно новыми ограниченіями правъ инородцевъ. Причина этого явленія лежитъ глубже и притомъ въ тѣхъ именно условіяхъ нашего соціальнаго строя, которые русскіе реакціонеры еще недавно признавали за „святая святыхъ“ русской національной самобытности. Мнѣ уже приходилось не разъ указывать на нихъ въ печати.

Неблагопріятныя въ этомъ отношеніи бытовыя и соціальныя особенности въ исторической жизни русскаго народа въ томъ заключаются, что „благодаря крѣпостному праву, продолжительному господству бюрократизма и податнымъ порядкамъ, — населеніе Россіи раздвоилось на привилегированное и податное. Привилегированные классы, — дворяне, чиновники и придуманное въ 1832 году сословіе почетныхъ гражданъ, а также купцы, пока уплачиваютъ торговые сборы, — живутъ по общему праву, а для податного народа, состоящаго подъ опекой и въ личной зависимости отъ чиновниковъ въ силу своего сословнаго происхожденія, — сохраняются стародавніе порядки общиннаго быта, насколько они соотвѣтствуютъ удобству управленія этимъ народомъ. [1])

И въ другомъ мѣстѣ [2]) „не стѣсненіями или ограниченіемъ правъ иностранцевъ и инородцевъ на промышленность и торговлю въ Россіи можно, конечно, ослабить нашу отъ нихъ экономическую зависимость. Пострадали-бы отъ этого только русская промышленность и торговля безъ всякой рѣшительно выгоды для кореннаго населенія имперіи.

Надо поставить массу русскаго народа, его крестьянское населеніе, въ такія соціальныя и экономическіи условія, чтобы оно выдѣляло изъ себя въ верхніе слои людей состоятельныхъ и просвѣщенныхъ въ количествѣ, соотвѣтствующемъ его численному превосходству. Люди эти, сосре-

[1]) Моя статья въ „Вѣстникѣ Европы“ февраль 1904 г. „Самобытность или отсталость“.

[2]) „Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ“. Изд. 2-ое Спб. 1904.

доточивъ въ своихъ рукахъ народный капиталъ, безъ всякихъ мѣропріятій правительства, поощрительныхъ для однихъ и ограничительныхъ для другихъ, вытеснятъ съ поля отечественной производительности иностранцевъ и будутъ на немъ съ полнымъ успѣхомъ конкурировать со своими инородными согражданами. Только тогда станетъ возможной и самая ассимиляція этихъ инородцевъ съ кореннымъ населеніемъ Россіи".

Здѣсь вся суть въ экономическомъ безсиліи глубокихъ массъ русскаго народа, вызванномъ общественной неволей и чиновничьей опекой, а совсѣмъ не въ объемѣ политическихъ и экономическихъ правъ русскихъ подданыхъ иностраннаго происхожденія.

Въ мѣстностяхъ не пользующихся политической автономіей, всѣмъ народностямъ должна быть предоставлена свобода употреблять родные языки и мѣстныя нарѣчія въ богослуженіи, въ содержимыхъ на ихъ средства учебныхъ заведеніяхъ, на собраніяхъ учрежденныхъ ими обществъ и союзовъ. Всякіе по этому предмету запреты только усиливаютъ и обостряютъ національную рознь въ государствѣ не отличающемся однородностью племеннаго состава населенія.

Соединенные штаты Сѣверной Америки представляютъ образецъ страны, въ которой широкая свобода и полное равноправіе при посредствѣ единаго государственнаго языка, сплотили самые разнородные этнографическіе элементы кореннаго и пришлаго населенія въ единую націю и вполнѣ однородное государство.

Взявъ эти общія положенія за основаніе полезной и справедливой, по нашему мнѣнію, политики въ отношеніи иноплеменниковъ, которымъ историческія судьбы судили стать гражданами государства россійскаго, намъ уже будетъ не трудно разобраться въ великомъ разнообразіи и крайней неопредѣленности нашихъ національныхъ и окраинныхъ вопросовъ.

II.

Малороссы.

Инородцами въ Россіи иные считаютъ малороссовъ, а также бѣлоруссовъ. Для такого изверженія ихъ изъ среды великаго русскаго народа нѣтъ рѣшительно никакого справедливаго основанія. Въ составѣ единаго народа русскаго бѣлоруссы и малороссы не пасынки, а великороссамъ родные, единородные и единоутробные братья, они не перестали ими быть только потому, что на своемъ вѣку подпадали власти чужеземцевъ.

Считать-ли рѣчь малороссовъ языкомъ или нарѣчіемъ,— безразлично, но съ языкомъ великороссовъ и бѣлорусовъ она составляетъ одно цѣлое, которое объединилъ единый русскій литературный языкъ. Эти три народныхъ говора отличаются одинъ отъ другого гораздо менѣе чѣмъ различные діалекты итальянскаго языка или провансальское нарѣчіе отъ французскаго языка. Провансальцы имѣютъ притомъ такого-же популярнаго, какъ Шевченко, народнаго поэта въ лицѣ Мистраля, пишущаго на мѣстномъ провансальскомъ языкѣ. Шотландія до возсоединенія съ Англіей въ 1603 г. составляла самостоятельное королевство. Однако, какъ миланцы съ неаполитанцами, такъ и провансальцы, подобно шотланцамъ не отвергаютъ своей итальянской, французской и англійской національности, съ гордостью именуются итальянцами, французами и англичанами и не домогаются политическихъ автономій для своихъ родныхъ мѣстностей.

Племенное и политическое обособленіе малороссовъ не соотвѣтствовало-бы ихъ національному міросозерцанію. Малорусскій крестьянинъ хотя и отличаетъ себя отъ „кацапа“ но сознаетъ себя русскимъ. Всѣ три отрасли русскаго народа, сознавая свое національное единство, непрерывно все болѣе и болѣе сближаются, какъ родичи, на почвѣ общерусской государственности и общерусскаго государственнаго и литературнаго языка. Въ городахъ все простонародье говоритъ на общерусскомъ языкѣ и малорусскимъ сепаратизмомъ увлекается только незначительная часть интеллигенціи, незначительная настолько, что эти сепаратисты не рѣшались выставлять кандидатовъ въ члены Государственной Думы подъ лозунгомъ автономіи, а входили по этому предмету въ соглашеніе съ кадетами.

Обвиненіе правительства въ преслѣдованіи инородцевъ, къ которымъ причислялись малороссы, весьма часто входило въ программу рѣчей кадетскихъ ораторовъ на предвыборныхъ собраніяхъ въ Малороссіи. Другіе болѣе ярые сепаратисты, сознавая, что идея автономіи не способна воодушевить большинство населенія, ей несочувствующаго,—возлагали надежды для осуществленія своихъ сепаратическихъ идеаловъ на всероссійскую соціальную революцію, къ которой и примыкали.

Сепаратическому движенію въ Малороссіи значительно содѣйствовало еще въ недавнее время правительство своими запретительными мѣрами по отношенію къ малороссійскимъ: языку, литературѣ и театру. Этимъ отчасти объясняется, что „самостійность“ Украины, помимо неуравновѣшенныхъ интеллигентовъ и незрѣлой молодежи, вызвала сочувствіе среди части мѣщанства и отличающагося скуднымъ образованіемъ духовенства.

Только люди лишенные самаго инстинкта государственности и у которыхъ въ самомъ корнѣ атрофировано благородное чувство патріотизма могутъ сочувствовать расчлененію единаго великаго русскаго народа на великоросовъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ, не понимая того, что такое его четвертованіе нетолько колеблетъ, расшатываетъ, ослабляетъ

матерьяльную мощь русскаго государства, но поражаетъ народъ русскій въ самомъ высокомъ проявленіи его духовныхъ силъ—въ его художественномъ творчествѣ.

За что эти близорукіе политиканы областного сепаратизма хотятъ лишить своихъ сородичей возможности стать участниками славы, которая отражается на народѣ русскомъ отъ такихъ міровыхъ свѣтилъ, какъ Пушкинъ, Толстой, Тургеневъ, Достоевскій и многіе другіе, которые въ области литературы, искусства и наукъ внесли вкладъ русскаго народнаго генія въ общую сокровищницу культурной жизни человѣчества. Въ условіяхъ узкаго провинціализма не могутъ развернуть свой геній во всю его ширь такіе гиганты художественнаго творчества какъ Гоголь,—для этого имъ нужно обширное поле наблюденій, которое представляетъ сложная жизнь народа создавшаго міровую державу и, какъ орудіе творчества, литературный языкъ облагороженный нѣсколькими поколѣніями художниковъ слова. Попробуйте-ка, гг. украйнофилы, какъ это недавно предлагали въ печати, перевести великаго „хохла“ Гоголя на малоросійское нарѣчіе и посмотрите что изъ этого выйдетъ.

Мѣру соотвѣтствія автономіи Малороссіи государственнымъ интересамъ Россіи даетъ отношеніе къ этому вопросу Австріи, которая ей сочувствуетъ и всемѣрно содѣйствуетъ отщепенству малороссовъ отъ коренного ствола русскаго народа. Отсюда въ сущности и пошло ученіе украинофильства.

Всякій языкъ первоначально относительно бѣденъ, воспроизводя обыденныя понятія и несложный укладъ частной и общественной жизни народа на первобытныхъ ступеняхъ его развитія. Затѣмъ онъ непрерывно обогащается новыми словами и выраженіями соотвѣтственно усложняющимся условіямъ жизни общественной, болѣе богатому и разнообразному содержанію умственныхъ представленій и психическихъ ощущеній, и всестороннему развитію культуры. Но народъ въ своихъ низшихъ слояхъ, въ особенности въ сельскомъ быту сохраняетъ свои стародавнія нарѣчія, которыя удовлетворяютъ его несложному домашнему и общественному обиходу, причемъ нарѣчія эти часто отлича-

ются по мѣстностямъ, несмотря на одинаковое племенное происхожденіе населенія. Историческія судьбы рускаго народа имѣли своимъ послѣдствіемъ, что русскій государственный и литературный языкъ развился на основѣ великорусскаго говора, а на простонародныхъ нарѣчіяхъ малороссовъ и бѣлоруссовъ до извѣстной степени отразились инородческія вліянія. Явленіе это общее, какъ указано выше, весьма многимъ народамъ и богатый, прекрасный русскій литературный языкъ вполнѣ понятенъ русскому простонародію, какъ бѣлорусскаго такъ и малороссійскаго корня.

Тѣмъ не менѣе, въ цѣляхъ обособленія отъ Россіи, австрійскіе украинофилы сочинили свой украинскій языкъ, взявъ за основаніе лингвистически бѣдное простонародное малоросійское нарѣчіе и уснастивъ его едва-ли не болѣе чѣмъ наполовину словами польскими и латинскими. Понятно, что такое сочинительство не могло замѣнить вѣковое послѣдовательное творчество литературнаго языка независимыхъ народовъ, слѣдящее по пятамъ за ихъ историческимъ развитіемъ. Получился въ результатѣ уродливый, неблагозвучный жаргонъ, не имѣющій ничего общаго съ языкомъ, на которомъ писалъ Шевченко и малороссы его не понимаютъ.

Но что-же представляютъ изъ себя эти русскіе люди, которые такъ настойчиво и злобно рвутъ свои родственныя связи съ великимъ русскимъ народомъ?

Не смотря на почти шестисотлѣтнее чужеземное иго русскій національный духъ не угасъ въ рускомъ населеніи Галиціи, но проявленія его не допускались Австрійскимъ правительствомъ, которое всѣми мѣрами старалось порвать всякую связь галицкихъ русскихъ со стомилліоннымъ населеніемъ ихъ родичей въ сосѣдней имперіи, причемъ русскій литературный языкъ въ Галиціи считался опаснымъ для самой цѣлости государства и строго преслѣдовался. Избирательный законъ фактически лишалъ галицкихъ русскихъ возможности провести своихъ кандидатовъ въ законодательное собраніе. При этихъ условіяхъ матерьяльныя выгоды или соображенія политическаго честолюбія побуждали наименѣе стойкихъ въ своихъ національныхъ чув-

ствахъ русскихъ галичанъ къ угодливости нѣмцамъ и полякамъ. Изъ этихъ угодниковъ полякамъ и нѣмцамъ и образовалось ядро украинцевъ, объединившее при властной и денежной поддержкѣ австрійскаго правительства, всѣхъ отщепенцевъ отъ подвластныхъ Австріи малороссовъ въ сообщество, партію. Содѣйствіе австрійскаго правительства украйнофиламъ выразилось открытіемъ кафедры украинской исторіи въ Львовскомъ университетѣ и предоставленіемъ средствъ на сочиненіе особаго украинскаго языка. Теперь украйнофилы отвергаютъ всякую свою національную связь съ русскимъ народомъ и признаютъ себя самостоятельной „украинской“ націей, имѣющей свой языкъ и считающей въ одной Россіи болѣе двадцати пяти милліоновъ населенія. Это даетъ имъ основаніе доказывать, что въ россійскомъ государствѣ русскій народъ находится въ меньшинствѣ, и утверждать, что Россія представляетъ изъ себя „имперію народовъ“ чѣмъ предрѣшается ее федеративный строй. Украйнофилы стремятся порвать ту связь между различными отраслями русскаго народа, которую установляетъ между ними общій славянскій богослужебный языкъ и выдвигаютъ вопросъ объ автокефаліи малоросійсской церкви. Украйнофилы не скрываютъ своего враждебнаго отношенія къ славянской взаимности. Не тая своего пристрастія къ пруссакамъ, которые во многихъ органахъ періодической печати выражаютъ сочувствіе украйнофильскому движенію, депутаты ихъ партіи не приняли участія въ демонстраціи австрійскаго парламента противъ мѣръ направленныхъ къ экспропріаціи польскихъ земель въ Пруссіи. Изъ всѣхъ славянъ они одни рѣшительно и безусловно отказались отъ участія въ созываемомъ въ Россіи обще - славянскомъ съѣздѣ.

Въ составѣ русскаго населенія въ Галиціи украйнофилы составляютъ незначительное меньшинство. Остальные русскіе галичане, какъ крестьяне, такъ и значительная часть интеллигенціи почитаютъ себя отторгнутою отъ общерусскаго цѣлаго частью единаго русскаго народа, считая своимъ и литературный русскій языкъ. Въ политическомъ

отношеніи это большинство русскихъ въ Галиціи объединилось въ русско-народную партію.

Несмотря на явную поддержку оказываемую правительствомъ украинцамъ, русско-народная партія забираетъ въ Галиціи силу, умѣло пользуясь благопріятнымъ для нее новымъ избирательнымъ закономъ. Въ парламентѣ принадлежащіе къ ней депутаты настойчиво требуютъ признанія за русскимъ литературнымъ языкомъ значенія областного языка въ Галиціи. На послѣднихъ выборахъ въ галицкій сеймъ, несмотря на энергичную поддержку украинцамъ изъ Вѣны, на содѣйствіе имъ всего польскаго чиновничества, на всевозможныя притѣсненія русско-народной партіи областными властями, на безнаказанность самыхъ грубыхъ насилій по отношенію къ ней со стороны украйнофиловъ, кандидаты русско-народной партіи вошли въ сеймъ въ такомъ большинствѣ, которое обезпечиваетъ имъ въ сеймѣ самое вліятельное положеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у русскихъ галичанъ обнаруживается теперь небывалый подъемъ русскихъ патріотическихъ чувствъ. Вотъ что сообщалъ объ этомъ въ „Нов. Времени“ извѣстный знатокъ галиційскихъ дѣлъ профессоръ Филевичъ.

„Одинъ Богъ на небѣ, одна Русь на свѣтѣ! Мы родились и умремъ Русскими, не были и не будемъ украинцами!“ Такъ заявили многочисленныя народныя вѣча въ Угорцахъ, Серетѣ, на Княжей горѣ древняго Галича и другихъ мѣстахъ.

На вѣчѣ въ Галичѣ (12 авг.) австрійскіе жандармы должны были защищать украинскихъ депутатовъ (Левицкаго и Бачинскаго) отъ весьма чувствительныхъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, проявленій народнаго негодованія.

26 ноября украинскій депутатъ М. Петрицкій устроилъ народное вѣче въ гор. Скалатѣ. Но лишъ только онъ произнесъ: „Мы, украинскій народъ“... какъ раздались громкіе крики: „Вонъ съ Украиною! Мы не позволимъ украсть у себя русское имя.“

Съ началомъ новой парламентской сессіи стали поступать въ Вѣну на имя русскихъ депутатовъ письма, петиціи,

заявленія отъ отдѣльныхъ лицъ и отъ цѣлыхъ общинъ о признаніи правъ гражданства за общерусскимъ языкомъ. Списокъ однѣхъ общинъ занимаетъ въ „Галичанинѣ“ (23 дек.) почти цѣлый столбецъ. Многія заявленія составлены на литературномъ русскомъ языкѣ. На этомъ же языкѣ поступили на имя депутата Маркова и формальныя петиціи о мѣстныхъ дѣлахъ. Такого рода петиціи приходится заносить въ парламентскіе протоколы. Но въ какомъ видѣ? Въ переводѣ на „украинскій“ языкъ? Какимъ правописаніемъ—офиціальной австрійско-польской фонетикой?“

Въ Россіи во время пережитой нами революціонной смуты, украйнофилы дѣйствовали въ союзѣ съ лѣвыми партіями, продолжавшими революцію послѣ манифеста 17 окт. 1905 г. и пропаганда ихъ пользовалась сочувствіемъ части професоровъ кіевскаго университета, причемъ одинъ изъ ихъ вождей, профессоръ Грушевскій, домогался даже занять въ этомъ университетѣ кафедру русской исторіи, для него исторіи чужестранной.

Ознакомившись съ значеніемъ украинофильства у насъ и въ Австріи, на поставленный выше вопросъ, что изъ себя представляютъ украинцы, надо отвѣтить такъ: украинцы австрійскаго толка—это русскіе люди, которые измѣнили русской національной идеѣ, политиканы, которые преслѣдуя личныя выгоды, передались на сторону чужеземцевъ, политическіе интересы которыхъ противополагаются жизненнымъ интересамъ Россіи и славянскаго міра.

Возможно, что въ ихъ средѣ, какъ во всякомъ политическомъ сообществѣ, есть и искренно заблуждающіеся, недалекіе и близорукіе люди и къ политическому лжеученію украинофиловъ, въ его частныхъ проявленіяхъ, нѣтъ основанія относится съ меньшей терпимостью чѣмъ ко всякимъ другимъ корпоративнымъ проявленіямъ политическихъ мнѣній и убѣжденій, пока они не переходятъ за черту запрещеннаго уголовнымъ закономъ. Здравая и національная русская политика требуетъ однако того, чтобы русское правительство, въ томъ политическомъ и партійномъ раздвоеніи, которое существуетъ у малороссовъ, какъ россійскихъ, такъ и зару-

Ин-та Русского языка
Библиотека
Ин. яз. и Мышления АН СССР
12 909

бежныхъ всегда стояло на сторонѣ тѣхъ изъ нихъ, которые не смотря на превратности историческихъ судебъ, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ ихъ „подъяремности“ чужестранцамъ, какъ святыню хранили въ своемъ національномъ сознаніи идею единства русскаго народа. Такая національная политика требуетъ, напримѣръ, недопущенія украйнофиловъ на русскую государственную службу въ должностяхъ по опредѣленію отъ правительства, имъ въ особенности не должно быть мѣста въ русскихъ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ содержимыхъ на средства государственной казны.

О ширинѣ размаха сепарастическихъ вожделѣній украинцевъ можно судить по слѣдующему перечисленію русскихъ губерній, въ которыхъ малороссы составляютъ большинство населенія: Волынская, Екатеринославская, Кіевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Харьковская, Херсонская и Черниговская.

III.

Царство Польское. [1])

Въ вопросѣ о русскихъ окраинныхъ и правахъ инородцевъ на автономію, Царство Польское стоитъ на противоположномъ отъ малороссовъ полюсѣ.

Оспаривая автономію Польши, противники ея становятся на защиту государственныхъ интересовъ Россіи. Опасаясь, что за автономіей послѣдуетъ независимость, они страшатся того ущерба, который отпаденіе Царства Польскаго причинитъ могуществу имперіи. Важно потому дать себѣ отчетъ дѣйствительно ли обладаніе Польшей для Россіи выгодно? Увеличиваетъ ли оно нашу внѣшнюю мощь? Содѣйствуетъ ли оно приращенію народнаго богатства коренной Россіи?

На вопросы эти можно отвѣтить только отрицательно. Обладаніе Польшей для Россіи невыгодно, ни въ стратегическомъ, ни въ экономическомъ отношеніяхъ.

Выступающее положеніе Царства Польскаго имѣетъ въ стратегическомъ отношеніи то значеніе, что уже до начала компаніи съ вѣроятными противниками, мы оказываемся обойденными ими съ обоихъ фланговъ.

Вотъ что по этому предмету писалъ Императоръ Николай I въ запискѣ, опубликованной Н. К. Шильдеромъ:

„Россія—держава могущественная и счастливая сама по себѣ; она никогда не можетъ быть угрозою, ни для дру-

---

[1]) Глава эта воспроизводитъ, съ незначительными измѣненіями мою брошюру „Автономія Царства Польскаго“ С.П.Б. 1906 г.

гихъ сосѣднихъ государствъ, ни для Европы. Но она должна занимать внушительное оборонительное положеніе, способное сдѣлать невозможнымъ всякое нападеніе на нее. Бросивъ взглядъ на карту, страшно становится, видя, что граница, польской территоріи Имперіи доходитъ до Одера, тогда, какъ фланги отходятъ за Нѣманъ и Бугъ, чтобы опереться ближе Полангена въ Балтійское море и устьевъ Дуная въ Черное море. Въ этой выдающейся части находится армія, чтобы держать ее въ покорности... Выгоды отъ этого неудобнаго положенія ничтожны, а недостатки велики и даже угрожающи. Остается рѣшить, какъ помочь этому? Я тутъ не вижу другого средства кромѣ слѣдующаго: объявить, что честь Россіи получила полное удовлетвореніе завоеваніемъ королевства, но... что истинные ея интересы требуютъ установить свою границу по Вислѣ и Нареву".

Такого-же мнѣнія держался поэтъ князь Вяземскій, долго жившій въ Варшавѣ, состоя при императорскомъ комиссарѣ Новосильцевѣ. Онъ писалъ въ 1831 г., что „собственно для пользы Россіи какъ государства, онъ предпочелъ бы это царство совсѣмъ отсѣчъ, бросить... Пускай Польша выбираетъ себѣ родъ жизни; до побѣды нельзя было такъ поступать, но по побѣдѣ очень возможно".

Что такого взгляда на стратегическое значеніе Царства Польскаго держится русскій генеральный штабъ и въ настоящее время видно изъ того, что пограничныя крѣпости наши выстроены по сю сторону Вислы и что на желѣзныхъ дорогахъ по ту сторону Вислы сохраняется узкая иностранная колея, разобщающая ихъ съ русской желѣзнодорожной сѣтью.

Прямой ущербъ приноситъ теперь Россіи обладаніе Царствомъ Польскимъ и въ экономическомъ отношеніи.

Царство Польское еще болѣе, чѣмъ другія части Имперіи, пользуется усиленнымъ таможеннымъ покровительствомъ послѣдняго времени, чтобы развивать свою обрабатывающую промышленность. Кромѣ того высокій тарифъ вызвалъ образованіе въ царствѣ крупныхъ нѣмецкихъ промышленныхъ предпріятій, которыя, роботая въ условіяхъ, почти одно-

родныхъ съ существующими въ сосѣдней Пруссіи, обращаютъ въ барышъ, присоединяютъ къ цѣнѣ товара сумму не уплачиваемаго ими таможеннаго обложенія. Для этой промышленности Россія, какъ страна экономически менѣе развитая представляетъ обширный рынокъ, и на громадномъ пространствѣ коренной Россіи становятся невозможными не только развитіе мѣстной заводской и фабричной промышленности, но и самая конкуренція съ нѣмецкими и польскими русскихъ фабрикъ и заводовъ центральнаго района, тогда какъ иныя издѣлія польской промышленности проникаютъ даже въ Москву.

Въ Царствѣ Польскомъ издерживаются, помимо этого, собираемыя со всего государства громадныя суммы на содержаніе въ его предѣлахъ многочисленнаго войска, на устройство стратегическихъ путей и на другія воинскія надобности. Этимъ объясняется, что по даннымъ, сообщеннымъ въ послѣднее время Совѣту Министровъ, обладаніе нами Царствомъ Польскимъ не только не окупается, но даетъ дефицитъ въ 3 рубля на одного жителя. При этихъ условіяхъ отпаденія Царства Польскаго отъ Россіи, въ интересахъ имперскихъ, слѣдуетъ не опасаться а желать. Съ польской же точки зрѣнія, отпаденіе царства отъ Россіи помимо возможнаго разоренія, имѣло бы своимъ вѣроятнымъ послѣдствіемъ поглощеніе его Пруссіей при той или иной формѣ зависимости. Рѣшительно всѣ сколько нибудь разсудительные поляки это отлично понимаютъ.

Тѣмъ не менѣе, освобожденіе Польши въ интересахъ Россіи, нашъ отказъ отъ обладанія ею въ самой значительной ея части, лежащей за Вислой и Наревымъ, составляетъ средство крайнее и должно служить только исходной точкой для соглашенія о взаимно выгодной автономіи. Но предоставленія автономіи Царству Польскому, въ его этнографическихъ границахъ, требуютъ одинаково, историческая справедливость, государственный разумъ и имперскій интересъ Россіи.

Царство Польское представляетъ изъ себя страну, которая, — кромѣ утраченной независимости — обладаетъ всѣми элементами самой полной національной самобытности.

Сильнѣйшая изъ порождающихъ чувство національности причинъ, — говоритъ Д. С. Милль, — „есть общность политическаго прошлаго, обладаніе національной исторіей, и слѣдовательно общность воспоминаній, общеніе въ гордости и униженіи, общія радости и печали, связанныя съ одними и тѣми же событіями въ прошедшемъ“. Царство Польское составляетъ самое ядро польскаго государства, имѣвшаго свою тысячелѣтнюю исторію. Польша въ собственномъ смыслѣ, это „поля“ по Вислѣ и Вартѣ, то есть современное Царство Польское и Познань. Превратности историческихъ судебъ сперва вознесли Польшу до значенія самаго могущественнаго изъ славянскихъ государствъ, а затѣмъ, въ зависимости отъ географическаго положенія и особенностей соціальнаго строя, польское государство распалось. Исполнилось предсказаніе короля Яна Казиміра на сеймѣ 1661 г., что Рѣчь Посполитая достанется въ удѣлъ чужеземцамъ, что „Москва и казаки возьмутъ великое княжество Литовское, которое связано съ ними языкомъ и вѣрой; Великая Польша откроется брандебуржцу (Пруссія), а австрійскій домъ, вопреки всѣмъ его благимъ намѣреніямъ, не упуститъ случая прибрать къ рукамъ Краковское воеводство (Малую Польшу). [1]) Современное Царство Польское было, впрочемъ, лишено политической автономіи относительно короткое время. Расчлененное по третьему раздѣлу Польши 1795 г., оно оставалось во власти Пруссіи и Австріи до 1807 г. (прусская половина) и 1809 (австрійская), когда составило, по волѣ Наполеона, независимое герцогство Варшавское, а въ 1815 г. вошло въ составъ Россійской Имперіи на правахъ самостоятельной конституціонной монархіи, имѣвшей свои независимыя учрежденія, войско, монету, почту, таможню и свой государственный польскій языкъ. Послѣ возстанія 1830—1831 гг. Царство Польское лишилось конституціи, но сохранило административную автономію до 1863 г. Итакъ, строго говоря, русская Польша лишена была всякой автономіи только въ теченіе четырнадцати лѣтъ

[1]) Коховскій. Klimakter, II, 506. Цитирую по Э. Реклю.

между 1795 и 1809 годами и послѣ возстанія 1863 г. до сего времени.

Помимо общности историческаго прошлаго, поляки на территоріи Царства Польскаго, на своей родной землѣ, обладаютъ и всѣми другими условіями національной самобытности: единствомъ племенного происхожденія, языка и вѣры; они имѣютъ свою самостоятельную культуру, польскую литературу и искусство.

Говорятъ, что поляки лишились своей независимости по своей винѣ; что потеря ихъ независимости составляетъ справедливое возмездіе за возстаніе. Но такъ могутъ говорить и чувствовать только люди, которые сами были бы способны нести чужеземное ярмо безропотно, безъ сопротивленія, безъ страстнаго желанія его свергнуть и, конечно, не такимъ оказался бы русскій народъ въ чужой неволѣ.

Между тѣмъ, такимъ именно характеромъ безпощадныхъ репресалій за возстаніе отличалась такъ называемая русская національная политика по польскому вопросу за послѣднія сорокъ слишкомъ лѣтъ. Это была политика всяческаго для поляковъ ограниченія правъ и упрямыхъ попытокъ ихъ руссификаціи.

Чтобы опредѣлить размѣръ безправія поляковъ въ русской Польшѣ, довольно указать на законъ,[1]) предоставляющій министру внутреннихъ дѣлъ право воспрещать всѣмъ и каждому пребываніе въ Царствѣ Польскомъ; — на безраздѣльное господство полицейскаго начала въ управленіи; — на сохраненіе до послѣдняго времени цѣлаго ряда паспортныхъ стѣсненій, обусловливаемыхъ возстаніемъ.

Насильственная руссификація Царства Польскаго первоначально не входила въ виды нашей политики послѣ возстанія 1863 года. Н. А. Милютинъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ государственныхъ людей, на котораго возложена была политическая реорганизація царства, такъ высказывался о руссификаціи въ запискѣ, послужившей

---

[1]) 3 примѣчаніе къ статьѣ 1-ой устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій по продолженію 1895 г.

основаніемъ къ высочайшимъ указамъ 30 августа 1864 г. и 5 января 1866 г.:

„Всѣ усилія наши обрусить Польшу останутся напрасными. Мы никогда не успѣемъ, посредствомъ обученія, привязать къ себѣ поляковъ, слить ихъ съ Россіей, перемѣнить направленіе ихъ мыслей и политическихъ стремленій... Достаточно, если поляки будутъ учиться русскому языку, какъ одному изъ необходимыхъ предметовъ общаго образованія".

Согласно съ духомъ и содержаніемъ составленнаго Милютинымъ проекта, въ указѣ Александра II отъ 30 августа 1864 г. было сказано: „Не дозволяя ни себѣ, ни кому бы то ни было, превращать разсадники науки въ орудія для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію". Этимъ указомъ „предоставлена возможность польскому юношеству обучаться на его природномъ языкѣ". Высочайшимъ указомъ 5-го января 1866 года, постановлено, чтобы въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ, педагогическихъ курсахъ, пансіонахъ для дѣвицъ преподаваніе производилось вообще на польскомъ языкѣ, на русскомъ же языкѣ преподавались только исторія и географія Россіи, въ томъ числѣ и Польши. Университетъ, по проекту Милютина и на основаніи положенія объ общественномъ образованіи 1864 г., долженъ былъ быть польскимъ.

Скоро, однако, справедливыя опасенія Милютина, что „репресивныя мѣры, клонящіяся къ обрусенію края, произведутъ только безцѣльное раздраженіе", были забыты. Подъ вліяніемъ реакціи, вдохновлявшейся ложнымъ русскимъ націонализмомъ, министерскимъ циркуляромъ 1869 года предписано было устраненіе польскаго языка изъ всѣхъ училищъ и университета съ замѣной его языкомъ государственнымъ, въ явное нарушеніе законодательныхъ актовъ 1864 и 1866 гг., торжественно предоставлявшихъ полякамъ права языка и національности, — а въ 1873 г. преподаваніе по-русски въ народныхъ школахъ всѣхъ предметовъ, даже польскаго языка, было введено распоряженіемъ попечителя округа

Витте, который потомъ публично хвастался, что онъ „первый вонзилъ ножъ въ сердце Польши“.

Обрусенію края мѣры эти, конечно, содѣйствовать не могли. При естественномъ противодѣйствіи семейства, общества и церкви онѣ могли внушить польской молодежи только отвращеніе къ русскому языку и фанатическое желаніе учиться и говорить на родномъ языкѣ.

При введеніи въ 1876 г. въ Царствѣ Польскомъ судебной реформы, замѣна польскаго судопроизводственнаго языка русскимъ лишила эту реформу всѣхъ благихъ послѣдствій болѣе совершеннаго отправленія правосудія. Поляки, прошедшіе среднюю школу и университетъ, а потому могущіе объясняться по-русски, составляютъ исключеніе, вся же масса населенія русскаго языка не знаетъ, а потому въ огромномъ большинствѣ случаевъ правосудіе отправляется крайне неудовлетворительно при посредствѣ переводчиковъ. Стремленіе ввести государственный языкъ въ суды Царства Польскаго лишило его суда присяжныхъ и выборнаго мирового института.

Вопреки закону, польскій языкъ былъ замѣненъ русскимъ и въ дѣлопроизводствѣ гминныхъ управленій, что поставило населеніе въ полную зависимость отъ писарей и мѣстнаго полицейскаго начальства, — и по соображеніямъ той же обрусительной политики въ Царствѣ Польскомъ не были введены органы земскаго и городского самоуправленія.

Всѣ мѣры насильственнаго обрусенія русской Польши, соединенныя съ существенными ограниченіями политическихъ правъ ея коренного населенія, не дали никакихъ положительныхъ результатовъ: если сегодня вывести изъ Царства Польскаго войска и перевести чиновниковъ, то завтра въ немъ не останется буквально ничего русскаго.

Нашихъ руссификаторовъ соблазняетъ примѣръ Пруссіи, успѣшно онѣмечивающей Познань. Здѣсь надо прежде всего отмѣтить, что орудія ассимиляціи у насъ и въ Пруссіи совсѣмъ иныя. Въ Пруссіи дѣятельное объединяющее начало заключается въ превосходствѣ экономическихъ и культурныхъ силъ, а мы для обрусительной работы имѣли въ

своемъ распоряженіи только чиновниковъ, облеченныхъ произвольною властью для примѣненія исключительныхъ и придирчивыхъ законовъ.

Кромѣ того, ошибочно думаютъ, что нѣмцамъ удалось онѣмечить поляковъ. Пруссаки не онѣмечили поляковъ, а колонизировали Познань, въ которой нѣмцы составляютъ теперь большую половину населенія. При этомъ условіи понятно значеніе, которое получилъ въ этомъ краѣ нѣмецкій языкъ.

Въ Царствѣ Польскомъ русскимъ чиновникамъ и военнослужащимъ розданы были сотни конфискованныхъ имѣній, но они въ нихъ не живутъ, ограничиваясь полученіемъ аренднаго дохода, и если еще сохраняютъ ихъ въ своемъ обладаніи, то только потому, что лишены права ихъ продать. Затѣмъ, густота населенія Царства Польскаго, вызывающая эмиграцію, дѣлаетъ колонизацію его сельскимъ населеніемъ совершенно невозможною, особенно для русскихъ крестьянъ съ ихъ допотопными формами землевладѣнія и землепользованія, требующими такого простора земельныхъ угодій, о которыхъ въ Царствѣ Польскомъ, какъ и въ остальной Европѣ, уже не сохранилось и преданій.

Итакъ, слишкомъ сорокалѣтній опытъ съ достаточной убѣдительностью доказалъ невозможность ассимиляціи Царства Польскаго коренной Россіи, его національнаго обезличенія, и изъ управленія русскихъ чиновниковъ оно выходитъ сохранившимъ свою національную самобытность во всей ея полнотѣ.

Автономія соотвѣтствуетъ дѣйствительному, реальному значенію Царства Польскаго, какъ страны, въ составѣ Россійской Имперіи, національно самобытной, отличающейся отъ коренной Россіи по племенному составу населенія, языку, господствующей религіи и историческимъ преданіямъ.

Автономія эта не разрываетъ, однако, органической связи государства съ автономной окраиной, она не нарушаетъ государственнаго единства, такъ какъ всякая автономія ограничена и границы ея должны быть опредѣлены, въ предѣлахъ основныхъ государственныхъ законовъ, орга-

ническимъ статутомъ въ соотвѣтствіи, какъ съ мѣстными особенностями и нуждами окраины, такъ и съ общимъ государственнымъ интересомъ.

Такимъ образомъ, для Царства Польскаго имперское значеніе должны бы получить: содержаніе двора и членовъ Императорскаго дома; дѣла православной церкви; иностранная политика и дипломатическій корпусъ; военное законодательство и расходы на вооруженныя силы Имперіи; желѣзныя дороги, кромѣ сооруженныхъ на мѣстныя средства; финансы въ предѣлахъ предметовъ и расходовъ, не отнесенныхъ на мѣстный бюджетъ; общегосударственные займы; денежное обращеніе; таможенное и акцизное законодательство и управленіе; почтовыя, телеграфныя и телефонныя сообщенія, не мѣстнаго значенія; торговые договоры, товарные знаки, привилегіи; дѣла о литературной и художественной собственности; уголовное законодательство о государственныхъ преступленіяхъ и нарушенія уставовъ казенныхъ управленій.

Имперскій законъ долженъ опредѣлять долю расходовъ Царства Польскаго на всѣ эти предметы.

Въ автономное вѣдѣніе Царства Польскаго слѣдовало бы предоставить учебное дѣло, судъ и управленіе, расходы на нихъ и законодательство по этимъ предметамъ. Въ школѣ, управленіи и судѣ долженъ быть по справедливости употребляемъ, въ странѣ со сплошнымъ польскимъ населеніемъ, мѣстный языкъ, причемъ въ органическомъ статутѣ должны быть въ точности оговорены въ возможно широкой постановкѣ и права языка государственнаго.

Перечисленіе это не имѣетъ исчерпывающаго значенія, но оно показываетъ, между прочимъ, какъ трудно ограничить автономію нашей польской окраины до размѣровъ мѣстнаго самоуправленія.

При широкомъ самоуправленіи, котораго теперь никто у поляковъ не оспариваетъ, и неизбѣжномъ предоставленіи имъ отправленія правосудія на польскомъ языкѣ, слѣдовательно поляками, безъ чего станутъ невозможными самыя элементарныя улучшенія въ судоустройствѣ и судопроизвод-

ствѣ, — имперскіе чиновники, съ ихъ непонятнымъ для массы населенія государственнымъ языкомъ, явились бы только представителями полицейскихъ функцій власти, соглядатаями за независимыми органами мѣстнаго самоуправленія и агентами фиска.

При такомъ двусмысленномъ взаимоотношеніи мѣстныхъ и имперскихъ властей, не только не послѣдовало бы умиротворенія нашей польской окраины, но дарованное самоуправленіе только преумножило бы поводы для взаимнаго недовольства и раздраженія.

Между тѣмъ, и нынѣ существующая рознь двухъ родственныхъ племенъ вызывается исключительно той фальшью, которая лежитъ въ основѣ практикующейся въ Царствѣ Польскомъ политической системы, въ томъ внутреннемъ противорѣчіи, которое вызывается племенной обособленностью населенія и властвующаго надъ нимъ правительства. Враждебное отношеніе населенія къ мѣстной власти, инородной иновѣрной, само собой понятно, а злобное настроеніе русскихъ людей въ Царствѣ Польскомъ объясняется сознаніемъ ихъ отчужденія отъ мѣстнаго общества и полнаго безсилія въ разрѣшеніи поставленной имъ объединительной задачи. Внѣ Царства Польскаго между русскими и поляками существуютъ вполнѣ дружелюбныя отношенія.

Только автономія Царства Польскаго можетъ сдѣлать обладаніе имъ выгоднымъ для Россіи въ экономическомъ отношеніи. При достаточно широкой политической автономіи возможно противоположеніе экономическихъ интересовъ метрополіи и автономной области и Россія получитъ право установить въ этомъ отношеніи выгодное для Имперіи равновѣсіе. Выше указано насколько, при отсутствіи всякой политической и экономической самобытности Царства Польскаго, равновѣсіе это нарушено въ ущербъ коренной Россіи. Политическая автономія оправдывала-бы проведеніе на границѣ Царства таможенной черты, но эта мѣра вызвала бы для обѣихъ сторонъ множество неудобствъ, но та же цѣль, въ справедливой и закономѣрной экономической борьбѣ съ автономной областью можетъ быть достигнута путемъ повышеннаго про-

мысловаго обложенія и желѣзно-дорожными тарифами, ограничивающими раіонъ проникновенія польскихъ товаровъ въ Имперію.

Однимъ изъ главныхъ устоевъ національной самобытности Царства Польскаго, рядомъ съ католицизмомъ и историческимъ прошлымъ, служитъ сплошная цѣльность племеннаго состава его населенія.

Чтобы доказать это положеніе, я приведу къ ея настоящимъ размѣрамъ и значенію цифру инородческаго населенія на нашей Польской окраинѣ.

По переписи 1897 г. въ Царствѣ Польскомъ все населеніе обоего пола составляло 9.402,253. Изъ нихъ поляковъ 6.755,501, слѣдовательно, все инородческое населеніе составляло 2.646,752, изъ которыхъ болѣе половины приходится на евреевъ, разселенныхъ по всему краю, нигдѣ не имѣющихъ своей національной территоріи и считающихъ себя въ Царствѣ Польскомъ поляками Моисеева закона. Имѣется послѣ того, довольно равномѣрно распредѣленныхъ по краю, приблизительно 400 тысячъ нѣмцевъ, не претендующихъ, очевидно, на національную обособленность въ управленіи. Войско и русскіе чиновники составляютъ около 400 тысячъ.

Затѣмъ, въ значительной степени обособленными этнографическими группами живутъ на окраинахъ Царства Польскаго: въ пяти сѣверныхъ уѣздахъ Сувалкской губерніи, врѣзывающихся клиномъ въ нашъ Юго-Западный край, около 300 тысячъ литовцевъ при 30 тысячахъ поляковъ,—и въ пограничномъ Забужьѣ, непосредственно прилегающемъ къ губерніямъ Волынской и Минской—тоже тысячъ 300 малороссовъ. Только въ этихъ мѣстностяхъ польская автономія не соотвѣтствуетъ потребностямъ и національнымъ чувствамъ населенія, а потому онѣ должны быть присоединены къ сосѣднимъ губерніямъ.

На такое выдѣленіе этнографически не польскихъ частей Царства, поляки считаютъ себя вправѣ не соглашаться, основывая свои возраженія на томъ, что настоящія границы ихъ королевства опредѣлены международнымъ актомъ Вѣнскаго конгресса 1815 года, причемъ они и знать

не хотятъ, что Вѣнскій международный договоръ 1815 г. давно утратилъ всякое практическое значеніе, обратившись въ архивный документъ, а насколько онъ касался Царства Польскаго, его сами поляки, въ 1830 и 1863 г.г., изорвали въ клочки.

Поляки въ политикѣ большіе романтики и остаются этому романтизму вѣрными, не смотря на суровые для нихъ уроки исторіи. Они рѣшительно не способны соображаться съ реальными условіями текущей политики и до сихъ поръ мечтаютъ о возстановленіи Польши въ границахъ Ягеловскихъ владѣній, отъ Балтійскаго моря до Чернаго, замежевывая, въ своемъ пылкомъ воображеніи, въ имѣющее возродиться польское государство Бѣлоруссію, Литву, Юго-Западную Русь, Малороссію и Новороссійскій край.[1]) Такая неуравновѣшенность польскаго политическаго темперамента даетъ инымъ русскимъ и нѣмецкимъ политикамъ и патріотамъ основаніе указывать на опасность угрожающую общественному спокойствію отъ предоставленія полякамъ политической автономій, въ какой бы то ни было мѣрѣ.

Я думаю съ своей стороны, что неврастеническая мечтательность польскаго политиканства, при существующемъ соотношеніи силъ Царства Польскаго и Россійской Имперіи, представляется обстоятельствомъ настолько маловажнымъ, что оно не должно воспрепятствовать справедливому разрѣшенію вопроса о польской автономіи въ согласіи съ интересами русскаго государства. Предоставленіе Царству Польскому автономіи, по великодушному почину Россіи, лишитъ поляковъ того пре-

[1]) Вотъ какъ характеризуетъ польскій національный типъ Элизе Реклю: „Они имѣютъ вообще больше природныхъ дарованій, нежели глубокихъ качествъ, пріобрѣтенныхъ настойчивымъ трудомъ. Пылкіе, буйные, энтузіасты, привлекательные, умѣющіе подольститься, желающіе нравиться, они дѣйствительно нравятся, но не всегда заботятся о томъ, чтобы заслужить уваженіе своимъ поведеніемъ: они отдаются, но безъ самообладанія; они легче понимаютъ великія обязанности, чѣмъ обязанности повседневной жизни. У нихъ честолюбіе рѣдко поддерживается силой дѣйствія, любознательность въ области науки беретъ верхъ надъ постоянствомъ въ трудѣ, воображеніе преобладаетъ надъ волей, капризъ слѣдуетъ за капризомъ“.

стижа угнетенныхъ, которымъ они, не безъ справедливаго основанія, пользуются теперь въ либеральныхъ слояхъ культурнаго міра. Разрѣшивъ такимъ образомъ „домашній споръ славянъ между собою", Россія окажетъ содѣйствіе установленію единомыслія и солидарности въ славянскомъ мірѣ, упрочитъ въ немъ свое руководящее положеніе всей силой нравственнаго авторитета, который придастъ ей возвращеніе полякамъ національнаго политическаго бытія въ этнографическихъ предѣлахъ ихъ осѣдлости въ предѣлахъ нашего государства. Эти послѣдствія дарованной Царству Польскому автономіи, придадутъ, съ своей стороны, большую устойчивость и планомѣрность внѣшней политикѣ Россіи,—а внутри Россіи облегчатъ и упростятъ разрѣшеніе задачъ русской національной политики въ сопредѣльныхъ съ Польшей русскихъ и литовскихъ губерніяхъ.

За предѣлами этнографической Польши,—среди малоросовъ, бѣлоруссовъ и литовцевъ,—польскій націонализмъ не долженъ переступать порога домашняго очага польской семьи.

IV.

Бѣлоруссы и Литва.

Бѣлоруссы составляютъ третью отрасль русскаго народа, объединившагося въ могучее государство и выработавшаго себѣ, преимущественно на основѣ великорусскаго народнаго нарѣчія, единый государственный и литературный русскій языкъ. Большинство лингвистовъ, по свидѣтельству Элизе Реклю, [1]) помѣщаетъ современный языкъ бѣлоруссовъ между подъ-видами или нарѣчіями великорусскаго, съ нѣкоторыми фонетическими чертами польскаго говора и имѣющаго, по своему словарю, связь и съ малороссійскимъ языкомъ.

Чтобы опредѣлить національное значеніе Бѣлоруссіи и Литвы не лишнимъ будетъ припомнить ихъ историческое прошлое. Послѣ упадка Кіевскаго и Галицкаго княжествъ, Бѣлая Русь стала центромъ новаго славянскаго государства, подъ предводительствомъ литовскихъ князей, родственниковъ и наслѣдниковъ русской полоцкой династіи. Начиная съ половины XIII столѣтія, а особенно въ XIV вѣкѣ литовскіе князья овладѣваютъ всей Бѣлой Русью, Волыніей, Подоліей, Кіевской, Черниговской и Сѣверской областями, отчасти силой, а то съ согласія городовъ, а также при посредствѣ удачныхъ брачныхъ союзовъ. Съ этого времени государи Литвы носятъ титулъ великихъ князей литовскихъ и рус-

---

[1]) *Hovelaque, Linguistique*; — *Даль*. Толковый словарь великорусскаго языка.

кихъ. Литва, распространивъ свое владычество на всѣ западныя русскія области, стала могущественнымъ — русскимъ государствомъ, причемъ названіе Литвы примѣнялось лишь къ незначительной части литовскихъ владѣній. Законы писались не на литовскомъ, а на русскомъ языкѣ, преимущественно на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Со вступленіемъ, въ 1386 г., великаго князя литовскаго и русскаго Ягелло въ бракъ съ польской королевой Ядвигой польское и литовско-русское государство объединились на началахъ личной уніи, которая обратилась впослѣдствіи въ государственное политическое соединеніе, несмотря на сопротивленіе литовцевъ и бѣлоруссовъ, которые, чтобы сохранить свою національную независимость, грозили присоединиться къ Москвѣ. Польскіе короли, поддерживаемые мелкой шляхтой юго-западныхъ областей, стремившейся къ пріобрѣтенію равныхъ правъ съ польскимъ дворянствомъ, — присоединили первоначально къ Польшѣ Волынь и Кіевскую землю, а въ 1569 г. присоединили окончательно остальную Литву къ польскому королевству. Это соединеніе, противное національному сознанію присоединенныхъ народностей, вызвавъ внутренніе раздоры, стало для Польши причиною слабости. Вслѣдствіе крѣпкаго, непоколебимаго національнаго самосознанія русскихъ народныхъ элементовъ польско-русско-литовской конфедераціи, — измѣна своему русскому происхожденію послѣдовала только на верхахъ, въ средѣ магнатовъ, — политическая Люблинская унія 1569 г. не содѣйствовала ассимиляціи вошедшихъ въ нее народностей, а провозглашенная вслѣдъ затѣмъ на Брестскомъ соборѣ 1595 г. унія римско-католической и греко-россійской церквей только усилила и преумножила поводы раздора между поляками и русскими. Такъ зародились элементы послѣдовательнаго разложенія польскаго государства.

Въ то время, какъ Польша ослабѣвала отъ внутреннихъ раздоровъ, воинъ и распущенности олигархическаго государственнаго строя съ его liberum veto, — Москва возрастала въ силѣ и могуществѣ; она стала центромъ, вокругъ котораго собралось великое славянское государство. Созда-

лась могучая русская держава, занявшая въ сонмѣ культурныхъ странъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Столкновеніе между обѣими славянскими державами было неизбѣжно и борьба между Россіей и Польшой шла въ XVI и XII вѣкахъ, по выраженію нашего историка Соловьева, „не на животъ, а на смерть“. Въ этомъ братоубійственномъ смертномъ бою Польша лишилась самостоятельнаго существованія. Разложеніе ея началось уступкой Россіи части западно-русскихъ областей и Кіева по Андрусовскому договору 1667 г. и закончилась двумя послѣдовательными раздѣлами Польши въ 1773 и 1793 гг., объединившими русское ея населеніе и Литву подъ русскимъ скипетромъ.

Все время польскаго владычества надъ русскими областями сопровождалось фанатическимъ вѣроисповѣднымъ прозелитизмомъ католической церкви и жестокими религіозными преслѣдованіями русскаго населенія, оставшагося вѣрнымъ православію (диссидентовъ).

Я привожу эти бѣглыя историческія воспоминанія въ доказательство того, что въ вѣковой упорной борьбѣ Россіи съ Польшей, не только сила, но и правда историческая, была всегда на сторонѣ нашего отечества: мы совершали великое и святое дѣло объединенія русской земли и русскаго народа. Додѣлать въ этомъ направленіи остается не много и задача эта входитъ въ область нашей внутренней политики.

Слѣдующая таблица покажетъ современный этнографическій и вѣроисповѣдный составъ населенія Бѣлоруссіи и Литвы.

Бѣлорусскія губерніи:

	Бѣлоруссовъ.	При общемъ числѣ русскихъ.	Поляковъ.	Православныхъ.	Католиковъ.
Виленская . . .	891.903	971.445	130.054	415.295	935.896 [1]
Витебская . . .	788.599	987.020	50.377	825.601	357.333
Гродненская . .	705.045	1.141.714	161.662	919.346	386.552
Минская	1.633.091	1.727.159	64.617	1.558.264	218.020
Могилевская .	1.389.782	1.451.496	17.526	1.402.161	50.175
Итого . .	4.408.420	6.279.134	104.236	5.120.667	1.947.976

[1]) Въ томъ числѣ 279,720 литовцевъ.

Литовскія губерніи:

	Литовцевъ.	Русскихъ.	Поляковъ.	Православныхъ и старовѣровъ.	Католиковъ.
Ковенская . . .	1.019.774 [1])	112.352	139.618	79.454	1.180.399
Сувалкская . .	304.548	53.109	134.006	39.110	446.219
Итого . .	1.324.322 [2])	167.461	273.624	118.564	1.626.618

Изъ этихъ свѣдѣній, относящихся ко времени переписи 1897 г., мы можемъ сдѣлать, въ среднемъ выводѣ, то заключеніе, что въ Бѣлоруссіи на 6½ милліоновъ русскихъ приходится съ небольшимъ 100 тысячъ поляковъ, а на 5 милліоновъ православныхъ около 2 милліона католиковъ, — а въ Литвѣ на 2 приблизительно милліона литовцевъ приходится около 200 тысячъ русскихъ и менѣе 300 тысячъ поляковъ, причемъ значительное большинство населенія исповѣдуетъ католическую вѣру.

Такимъ образомъ численный составъ поляковъ въ населеніи Бѣлоруссіи и Литвы слѣдуетъ признать абсолютно ничтожнымъ, причемъ Бѣлоруссія представляется областью вполнѣ русскою съ значительнымъ преобладаніемъ въ ней православнаго населенія надъ католическимъ, а Литву слѣдуетъ признать областью инородческою съ почти сплошнымъ литовскимъ населеніемъ, исповѣдующимъ римско-католическую вѣру.

При всемъ своемъ численномъ ничтожествѣ, поляки, въ этомъ краѣ, представляютъ элементъ наиболѣе безпокойный. Они назойливо, съ упрямствомъ людей страдающихъ однопредметнымъ помѣшательствомъ, проводятъ здѣсь свои идеи польскаго націонализма. Манія эта, конечно, не угрожаетъ цѣлости русскаго государства, но въ Бѣлорусіи и въ Литвѣ она представляетъ серьезныя неудобства. Во

[1]) Въ томъ числѣ жмудиновъ или самогитовъ 444,921, которые живутъ по сосѣдству съ прусской границей. Нарѣчіе ихъ и обычай отличаются отъ литовскихъ, но отличительныя черты языка совершенно одинаковы (Элизе Реклю).

[2]) Кромѣ того 279,720 литовцевъ проживаетъ въ восточныхъ уѣздахъ Виленской губерніи.

многихъ мѣстностяхъ этого края полякамъ принадлежитъ большинство въ средѣ землевладѣльцевъ и католическаго духовенства, причемъ епископъ всегда назначается изъ лицъ польскаго происхожденія, чѣмъ обусловливается духовное вліяніе польскихъ ксендзовъ на сельское населеніе и его матеріальная зависимость отъ польскихъ помѣщиковъ. Вліяніемъ этимъ поляки пользуются для непрерывной и настойчивой антирусской національной пропаганды, которая здѣсь, въ коренной Россіи и Литвѣ, среди русскаго и литовскаго населенія, — не можетъ быть терпима. Она вызываетъ броженіе, вноситъ смуту въ духовный міръ и національное самосознаніе народныхъ массъ, усложняетъ задачи управленія, ставитъ препятствія для цѣлесообразнаго устройства мѣстныхъ учрежденій. Поэтому для возможности серьезной и плодотворной работы на пользу этого обширного и богатаго края, требуется прежде всего, чтобы здѣсь, за предѣлами сплошной осѣдлости поляковъ въ Россіи, польскій націонализмъ былъ совершенно изъятъ изъ оборота мѣстной политики, чтобы политическія права предоставлены были полякамъ въ Бѣлорусіи и Литвѣ только какъ русскимъ гражданамъ въ мѣрѣ процентнаго отношенія ихъ численности къ общему составу мѣстнаго населенія.

Для этого не требуется ни притѣсненія ни ограниченія въ чемъ-либо ихъ гражданскихъ и политическихъ правъ, а соотвѣтственная поставленной цѣли, твердая послѣдовательная національная политика.

Я уже говорилъ насколько успѣху такой политики будетъ содѣйствовать автономія Польши въ ее этнографическихъ предѣлахъ, давая удовлетвореніе, въ условіяхъ соотвѣтствующихъ имперскимъ интересамъ Россіи, справедливымъ стремленіямъ поляковъ къ самобытному національному существованію.

Послѣдовательное проведеніе этой программы, отвергающей всякія права поляковъ на русскія и литовскія земли по историческому преданію, требуетъ отдѣленія отъ Царства Польскаго Холмской Руси и сѣверныхъ уѣздовъ Сувалкской губерніи съ ихъ сплошнымъ литовскимъ населеніемъ. Рус-

ское Забужье надо, въ соотвѣтственныхъ частяхъ, присоединить къ сосѣднимъ русскимъ губерніямъ а сѣверные уѣзды Сувалкской губерніи къ Ковенской губерніи, составляющей центральное ядро литовской земли.

Болѣе серьезное изъ приводимыхъ противъ возсоединенія этихъ частей Царства Польскаго съ соплеменными имъ русскими и литовскими мѣстностями заключается въ различіи существующихъ въ Царствѣ Польскомъ и въ нашихъ западныхъ губерніяхъ порядковъ землепользованія и въ подчиненіи отдѣляемыхъ мѣстностей во всемъ ихъ гражданскомъ обиходѣ дѣйствію кодекса Наполеона. Доводы эти представляются мнѣ совсѣмъ не убѣдительными. Здѣсь не мѣсто для подробнаго разбора того на какіе предметы и отношенія и въ какихъ предѣлахъ должно быть сохранено дѣйствіе Наполеонова кодекса для территорій отдѣляемыхъ, въ порядкѣ управленія ими, отъ Царства Польскаго, но въ доказательство, того, что тутъ нельзя предвидѣть никакихъ неодолимыхъ затрудненій, довольно будетъ указать на примѣръ Бессарабіи, гдѣ рядомъ съ Х-мъ томомъ законовъ гражданскихъ дѣйствуютъ по извѣстнымъ предметамъ законы Донича и Арменополо, а аграрные порядки на резешскихъ земляхъ отличаются еще большимъ своеобразіемъ, чѣмъ существующіе въ Царствѣ Польскомъ законы о крестьянскомъ землепользованіи.

Бороться съ польской національной пропагандой въ Литвѣ надо благожелательнымъ отношеніемъ къ мѣстному литовскому націонализму, который въ средѣ мелкихъ народностей не опасенъ, не нарушаетъ сколько нибудь замѣтнымъ образомъ національной цѣлости всего государства. У такихъ инородцевъ поприще примѣненія національныхъ началъ въ культурной области, въ промышленной сферѣ или въ политикѣ, по необходимости весьма ограничено. Возвысившись надъ простонародной средой они естественно ищутъ удовлетворенія своихъ культурныхъ потребностей, политическаго честолюбія, служебнаго обезпеченія, примѣненія промышленной предпріимчивости, въ болѣе широкихъ предѣлахъ государственной, общественной, промышленной и

культурной жизни великаго отечества, котораго ихъ ближайшая родина составляетъ малую часть.

Литовцы, по особенностямъ своего національнаго характера, не способны злоупотребить мѣрами направленными къ сохраненію и поощренію ихъ племенной самобытности. „Этотъ добродушный народъ", пишетъ Элизе Реклю, „хотя онъ часто вынужденъ былъ воевать и хотя у него были свои великіе полководцы, не сохранилъ воспоминанія ни объ одномъ героѣ, не воспѣваетъ ни одного военнаго подвига, не хвастается ни одной одержанной побѣдой, ни одной выигранной битвою: онъ ограничивается тѣмъ, что оплакиваетъ павшихъ на полѣ сраженія... Пѣсни, поэмы литвиновъ наполнены словами и формами, выражающими печаль, грусть, иногда даже отчаяніе: значительная часть ихъ оригинальной литературы состоитъ изъ такъ называемыхъ raudas, то есть изъ траурныхъ и печальныхъ пѣсень... Поэзія литовцевъ печальна, какъ поэзія умирающаго народа. Если бы относительное достоинство данной націи въ общечеловѣческой средѣ измѣрялось красотой ея языка, то самогитовъ и литвиновъ слѣдовало-бы поставить на первое мѣсто между народами Европы, но обитатели при-нѣманскихъ лѣсовъ, испытавшіе продолжительное угнетеніе, не могутъ сравнивать свою долю вліянія съ тою, какую оказали на общечеловѣческое развитіе другіе народы континента. Читая исторію литовцевъ съ удивленіемъ задаемъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ народъ, почти въ полномъ своемъ составѣ одаренный тонкимъ наблюдательнымъ умомъ, богатымъ воображеніемъ и поэтическимъ чувствомъ,—какимъ образомъ люди, по выраженію Канта, „вѣрные, прямодушные, сильные сознаніемъ своего личнаго достоинства" не могли произвести ни одного выдающагося генія въ мірѣ мысли. Это объясняется тѣмъ, что этому маленькому народу, окруженному врагами, а потомъ покоренному ими, недоставало довѣрія къ собственнымъ силамъ.

Литовцы превыше всего дорожатъ своимъ языкомъ и они глубоко религіозные католики.

Въ этихъ условіяхъ слѣдуетъ признать, что послѣ

польскаго возстанія 1863 г., въ которомъ литовцы не приняли участія и послѣ успѣшнаго разрѣшенія земельнаго вопроса въ Литвѣ въ интересахъ крестьянъ, русскія власти сдѣлали все возможное, чтобы оттолкнуть этотъ прекрасный и мирный народъ отъ Россіи и создать солидарность литовцевъ съ ихъ прежними притѣснителями, поляками, на религіозной почвѣ.

Что касается литовскаго языка, то съ давнихъ временъ литовцы усвоили себѣ латинскій алфавитъ и сроднились съ нимъ настолько, что считаютъ его нераздѣльною принадлежностью своего родного языка. Русскія власти усмотрѣли въ этомъ орудіе нежелательнаго общенія литовцевъ съ поляками и рѣшили замѣнить для литовскаго языка латинскій алфавитъ русскимъ. На литовскія книги напечатаныя латинскимъ шрифтомъ, объявлено было гоненіе. У литовцевъ, народа способнаго отъ природы, съ культурными наклонностями, уже давно проявилось стремленіе къ просвѣщенію, жажда знанія, а правительство лишало ихъ самой возможности чтенія на родномъ языкѣ, вынуждало пользоваться польскими молитвенниками и календарями, которыхъ они не понимаютъ, такъ какъ духовенство воспрещаетъ имъ пользоваться этими книгами отпечатанными русскимъ алфавитомъ, какъ еретическими, а получать литовскія книги изъ Пруссіи, они могутъ только контрабандою, за которую подвергаются нещадному преслѣдованію.

Безразсудство политики русскаго правительства въ отношеніи римско-католической церкви, послѣ польскаго возстанія 1863 года, превосходитъ всякое вѣроятіе.

Не смотря на то, что внѣ предѣловъ Царства Польскаго поляки въ средѣ католическаго населенія Имперіи составляютъ ничтожное меньшинство (едва 10%) правительство терпитъ назначеніе въ Бѣлоруссіи и Литвѣ исключительно поляковъ на епископскія кафедры, причемъ епископъ могилевскій, въ качествѣ предсѣдателя римско-католической духовной колегіи, проживаетъ въ С.-Петербургѣ для болѣе близкаго общенія съ органами центральной правительственной власти; — оно содержитъ въ столицѣ-же *поль-*

скую римско-католическую академію;—оно благодушно допускаетъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ болѣе чѣмъ на половину польскій составъ мѣстнаго католическаго духовенства;—наконецъ, до весьма недавняго времени правительство оказывало римско-католическому польскому духовенству въ его антирусской національной пропагандѣ могучее содѣйствіе цѣлымъ рядомъ придирчивыхъ, стѣснительныхъ мѣръ и распоряженій, направленныхъ противъ свободнаго исповѣданія католической вѣры среди фанатически преданнаго ему бѣлорусскаго и литовскаго населенія, сохранившаго во время польскаго возстанія вѣрность Россіи.

Такіе пріемы руссификаціи, неумѣлые и грубые, могли дать только отрицательные результаты.

Еще въ 1883 г. И. С. Аксаковъ, со свойственной ему страстностностью, взывалъ къ расположенію католической церкви въ западныхъ губерніяхъ Россіи, но встрѣтилъ отпоръ со стороны торжествующей реакціи, вѣщавшей устами публицистовъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Гражданина“. Воспротивился этому и мертвящій византизмъ Побѣдоносцева. Почиталось осквернеміемъ русскаго языка употребленіе его въ католическомъ богослуженіи. Возобладала политика угнетенія, „иноковѣрующихъ“,—руссификація мѣрами полицейскаго воздѣйствія и совсѣмъ не свойственнаго православной церкви насильственнаго прозелитизма.

Разительнымъ примѣромъ отрицательнымъ результатовъ насилія въ дѣлахъ вѣры могутъ служить уніаты въ Сѣдлецкой губерніи Царства Польскаго. Вотъ русскіе люди, которые пронесли святыню своего русскаго національнаго сознанія неприкосновенною сквозь длинный рядъ вѣковъ польскаго ига,—и довольно было тридцати лѣтъ религіознаго преслѣдованія для того, чтобы во время народной переписи 1897 г., на вопросъ о вѣрѣ, они отвѣчали: „польской“; національности? „польской“; родной языкъ? „польскій“. За это короткое время они успѣли усвоить себѣ и польскій національный костюмъ.

---

[1]) „Русь“ 1 мая 1883 г.

Политика эта только окрылила польскій національнзмъ въ западной Россіи, который и по сейчасъ проповѣдуется тамъ, польскимъ католическимъ духовенствомъ, съ послѣдовательностью и фанатизмомъ, свойственными поляку и католику.

Польская національная идея, вмѣстѣ съ традиціонной ненавистью къ москалю, схизматику и угнетателю, усвоена уже большинствомъ ксендзовъ литовской и русской національности пропитанныхъ насквозь польско-католическимъ фанатизмомъ въ польскихъ духовныхъ семинаріяхъ,—бѣлоруссами, какъ людьми забитыми и покладистыми, болѣе чѣмъ литовцами, которые обладаютъ болѣе устойчивымъ нравомъ и среди которыхъ уже создалась интеллигенція, относящаяся къ вопросамъ національнымъ вполнѣ сознательно.

Въ бѣлорусскихъ и отчасти въ литовскихъ школахъ преподаваніе Закона Божія и теперь производится на польскомъ языкѣ, несмотря на Высочайшій указъ 17 апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости, 14 пунктъ котораго постановляетъ, что во всякаго рода учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе Закона Божьяго должно происходить на природномъ языкѣ учащихся. Польскіе ксендзы неустанно вбиваютъ бѣлоруссамъ въ головы, что они польской вѣры; что церковный языкъ польскій, а бѣло-русскій только „хлопскій“; всякое сопротивленіе вызываетъ угрозу лишенія исповѣди и причастія. Этимъ объясняется, что при опросахъ о природномъ языкѣ большинства учащихся, бѣлоруссы часто отвѣчаютъ, что ихъ родной языкъ польскій. Да и русскія власти склонны считать ихъ, какъ католиковъ, не русскими. Такимъ образомъ, вслѣдствіе противодѣйствія польскаго и полякующаго католическаго духовенства, Высочайшій указъ о вѣротерпимости, насколько онъ относится до преподаванія Закона Божія на родномъ языкѣ учащихся, остается безъ исполненія только для русскихъ дѣтей въ губерніяхъ бѣлорусскихъ, среди почти двухъ милліоновъ русскихъ католиковъ.

Во главѣ польско-національнаго католическаго движенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ стоялъ въ послѣднее время Виленскій епископъ Роппъ и вотъ выписка изъ одного его

пастырскаго посланія къ западно-русскому населенію. „Соединитесь съ нами, хотя-бы въ прежнюю унію. Въ костелахъ, школѣ и дома молитесь только на польскомъ языкѣ, забывайте русскую грамоту и посѣщайте школы нашей польской „Матицы“. Въ Государственную Думу выбирайте только пановъ-добрыхъ католиковъ и ксендзовъ; избѣгайте другихъ потому, что они насъ сгубятъ“... и такъ далѣе, въ томъ-же направленіи.

Въ періодической печати сообщалось, что подъ предсѣдательствомъ епископа Роппа, въ Сѣверо-Западномъ краѣ образовалась цѣлая организація, въ программу которой входитъ борьба съ православіемъ, изгнаніе русскихъ чиновниковъ, помѣщиковъ, священниковъ и вообще возстановленіе господства польскаго католицизма въ краѣ. Для осуществленія этихъ предположеній образованы исполнительные комитеты, членами которыхъ состоятъ почти всѣ ксендзы и подъ ихъ руководствомъ навербованы въ приходахъ польско-католическія боевыя дружины изъ помѣщиковъ, мелкой шляхты и членовъ разныхъ костельныхъ религіозныхъ обществъ.

Судя потому, что русское правительство настояло передъ папскимъ престоломъ объ удаленіи Роппа съ виленской епископской кафедры, надо думать, что свѣдѣнія эти не лишены основанія.

Въ католической церкви издавна, со временъ Тридентскаго собора, существуетъ каноническое постановленіе, допускающее для всѣхъ племенъ и народовъ употребленіе роднаго языка въ добавочномъ богослуженіи. Правомъ этимъ не пользовались только бѣлоруссы, которымъ польскій языкъ для добавочнаго богослуженія былъ навязанъ польскимъ духовенствомъ въ качествѣ второго, послѣ латинскаго, угоднаго Богу церковнаго языка. Вслѣдствіе неоднократныхъ сношеній по этому предмету нашего правительства съ куріей, въ 1877 г. послѣдовало постановленіе римской конгрегаціи, коимъ представленія эти были отклонены „какъ опасныя со стороны приверженцевъ схизмы посягательства, вызывающія тревогу и обиду въ средѣ вѣрныхъ католиковъ“. Теперь изъ

помѣщеннаго въ газетахъ офиціальнаго сообщенія (черезъ освѣдомительное бюро) мы узнаемъ, что по изданіи Именного Высочайшаго указа Правительствующему Сенату 17 апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости, открывшаго православно-русскому населенію возможность перехода въ католицизмъ, и допущеніемъ преподаванія Закона Божія для р.-католиковъ на природномъ языкѣ учащихся, отмѣна всякихъ вообще стѣсненій въ употребленіи русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи р.-католиковъ явилась совершенно неотложною, о чемъ и сдѣланы были установленнымъ путемъ надлежащія заявленія Св. Престолу.

Результатомъ сего явилось циркулярное посланіе кардинала статсъ-секретаря на имя р.-к. епархіальныхъ начальниковъ Россійской Имперіи, на передачу какового посланія, по принадлежности, послѣдовало 29 ноября минувшаго года Высочайшее соизволеніе. Въ посланіи этомъ выражено, что Святой Престолъ признаетъ вышеупомянутый декретъ конгрегаціи инквизиціи отъ 11 іюля 1877 г. содержащимъ отвѣтъ лишь по частному случаю и никоимъ образомъ не могущимъ почитаться актомъ, воспрещавшимъ русскимъ католикамъ употреблять свой языкъ въ такъ называемомъ дополнительномъ богослуженіи. Исходя изъ этого положенія, Св. Престолъ не запрещаетъ: 1) чтобы отвѣты, даваемые при совершеніи крещенія или бракосочетанія русскими воспріемниками и брачущимися производились на русскомъ языкѣ, и 2) чтобы проповѣдь Слова Божія, катехизисъ, молитвы и пѣснопѣнія совершались на языкѣ большинства населенія, или, по крайней мѣрѣ, той группы, которой въ особенности принадлежитъ данная церковь.

Между тѣмъ польскія газеты въ Варшавѣ и Вильнѣ, сообщая это постановленіе римской конгрегаціи, воспроизводятъ и разъясненіе его проживающимъ въ Римѣ архіепископомъ Симономъ въ томъ смыслѣ, что оно вовсе не имѣетъ въ виду ни бѣлоруссовъ, ни маллороссовъ, а русскій государственный языкъ, который можетъ быть для перешедшихъ въ католичество русскихъ, употребляемъ на ряду съ польскимъ, и что оно декрета 11 іюля 1877 г. не отмѣняетъ.

Надо замѣтить, что этотъ архіепископъ Симонъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ смѣщенъ съ епископской кафедры и высланъ изъ могилевской епархіи за искаженіе смысла соглашенія Императорскаго Правительства съ Св. Престоломъ отъ 2 апрѣля 1897 г. при примѣненіи его на практикѣ, — и нынѣ состоитъ однимъ изъ секретарей всесильнаго кардинала Мерри-дель-Валь.

При этихъ условіяхъ и духовномъ порабощеніи бѣлоруссовъ-католиковъ польскимъ ксендзамъ можно быть впередъ увѣреннымъ, что въ данномъ случаѣ просвѣщенный починъ нашего Правительства останется безъ всякихъ практическихъ послѣдствій.

Не преслѣдованіемъ отдѣльныхъ лицъ, не смѣщеніями и высылками можно бороться съ польской націоналистической антирусской пропагандой въ русскихъ западныхъ губерніяхъ и въ Литвѣ.

Подсѣчь польское вліяніе въ этомъ не-польскомъ краѣ надо въ самомъ его корнѣ, приведя значеніе поляковъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи къ размѣрамъ соотвѣтствующимъ ихъ численности въ общемъ составѣ мѣстнаго населенія.

Приведенная выше картина духовнаго закабаленія русскихъ и литовскихъ католиковъ вліянію польскаго духовенства, ясно указываетъ на то, что устранить это націоналистическое насиліе можно только путемъ располяченія католической церкви на этой окраинѣ Россіи.

Успѣшному достиженію этой цѣли будетъ содѣйствовать введеніе въ опредѣленныя территоріальныя границы единицъ управленія населенія однороднаго по своему племенному составу, что требуетъ присоединенія къ Ковенской губерніи, кромѣ сѣверныхъ уѣздовъ Сувалкской губерніи, также восточныхъ уѣздовъ Виленской губерніи съ почти сплошнымъ Литовскимъ населеніемъ. Это обратитъ Вильну въ административное средоточіе чисто русской области, отличающейся отъ остальной коренной Россіи, только тѣми особенностями, которыя вызваны ея прошлымъ подчиненіемъ Польшѣ.

Приведу затѣмъ краткій конспектъ тѣхъ мѣръ, которыя должны-бы быть послѣдовательно и настойчиво проведены

въ Бѣлоруссіи и Литвѣ для успѣшнаго расположенія римско-католической церкви въ этихъ не-польскихъ областяхъ нашего отечества.

Католическія церкви, со всѣми состоящими при нихъ землями, зданіями и учрежденіями, признаются собственностью прихожанъ той національности, къ которой принадлежитъ большинство населенія прихода.

Епископами назначаются русскіе въ Бѣлоруссіи и литовцы въ Литвѣ.

Тоже соблюдается относительно священниковъ, причемъ число поляковъ въ ихъ средѣ соотвѣтственно численности польскаго населенія въ краѣ, не должно превышать десяти процентовъ общаго числа священниковъ католическаго исповѣданія. Мѣра эта должна быть проведена постепенно путемъ незамѣщенія поляками открывающихся въ приходахъ вакансій, причемъ, однако оставляемы въ своихъ должностяхъ могутъ быть только тѣ священники польскаго происхожденія, которые согласятся и окажутся способными отправлять дополнительное богослуженіе и преподавать Законъ Божій на языкѣ большинства мѣстнаго населенія.

Русскій языкъ, а въ Литвѣ кромѣ того и литовскій, должны стать языками преподаванія въ мѣстныхъ католическихъ духовныхъ семинаріяхъ.

Въ Вильнѣ должна быть учреждена русско-литовская католическая духовная академія, имѣющая замѣнить существующую польскую римско-католическую академію въ С.-Петербургѣ.

Въ отвѣтъ на предложенія сдѣланныя въ этомъ смыслѣ римскому престолу послѣдуетъ первоначально со стороны папы выраженіе энергическаго non possunus, тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, требованія наши будутъ несомнѣнно удовлетворены во всемъ ихъ объемѣ.

Право католиковъ, къ какой бы національности они ни принадлежали, имѣть своими духовными пастырями единоплеменниковъ, а не инородцевъ, совершенно безспорно. Не существуетъ такихъ каноновъ или иныхъ церковныхъ постановленій, которые могли бы оправдать отказъ русскому пра-

вительству въ его справедливомъ домогательствѣ. Съ другой стороны, со свѣтской точки зрѣнія, отказъ этотъ имѣлъ бы значеніе содѣйствія оказаннаго римской куріей антирусской не религіозной, а національной пропагандѣ поляковъ среди русскаго и литовскаго населенія Россійской Имперіи, то есть дерзкаго и оскорбительнаго вмѣшательства въ нашу внутреннюю политику. За такимъ отказомъ долженъ бы послѣдовать разрывъ сношеній со Св. Престоломъ, причемъ въ этомъ столкновеніи нашемъ съ римской куріей, сочувствіе заинтересованныхъ народностей и его духовенства будетъ на сторонѣ Россіи. Для Ватикана длительность этого кризиса не можетъ быть желательной, тѣмъ болѣе, что онъ несомнѣнно вызоветъ опасеніе схизмы или движенія среди бѣлоруссовъ и литовцевъ къ переходу въ православіе. Св. Престолъ сдастся на капитуляцію и весьма вѣроятно даже, что онъ уступитъ и не доводя дѣло до формальнаго разрыва.

Съ антирусскимъ національзмомъ культурныхъ слоевъ польскаго общества въ Бѣлоруссіи и Литвѣ надо бороться культурными же средствами. Вильно слѣдуетъ обратить въ передовой форпостъ русской культуры въ западной Россіи. Туда слѣдуетъ перевести русскіе университетъ, политехникумъ и высшій сельско-хозяйственный институтъ изъ Царства Польскаго; приложить особую заботу о благоустройствѣ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій въ Бѣлоруссіи и Литвѣ и о преумноженіи начальныхъ училищъ. Надо создать и развить въ этомъ краѣ мѣстное самоуправленіе на основѣ демократической настолько, чтобы избирателями въ учрежденія уѣзднаго и губернскаго земства стали всѣ домохозяева среднаго крестьянскаго достатка. Нужна поэтому система налоговаго ценза, чтобы обезпечить вліятельное положеніе въ мѣстномъ управленіи за кореннымъ населеніемъ, русскими и литовцами.

Слѣдуетъ стараться о поднятіи матеріальнаго благосостоянія сельскаго населенія, поощрять распространеніе мелкой поземельной собственности и развить съ этой цѣлью дѣятельность Крестьянскаго Банка въ этомъ краѣ. Полезно

было бы издать льготныя правила для обмѣна имѣній польскихъ помѣщиковъ въ западныхъ русскихъ губерніяхъ на русскіе маіораты въ Царствѣ польскомъ.

Такія и имъ подобныя мѣры, проникнутыя одной общей идеей просвѣщеннаго русскаго націонализма и направленныя къ достиженію ясно сознанной цѣли средствами справедливыми и практическими, сдѣлаютъ ненужными всякое притѣсненіе инородцевъ или какое либо ограниченіе ихъ гражданскихъ или политическихъ правъ. Можно также надѣяться, что такая политика, твердая безъ придирчивости и безъ ханжества національная, образумитъ, отрезвитъ и поляковъ, вселитъ въ нихъ сознаніе, что автономія въ границахъ ихъ національной осѣдлости составляетъ предѣлъ ихъ разумныхъ и справедливыхъ домогательствъ. Полякамъ надо понять, что предоставленіе имъ драгоцѣннаго дара политической національной самобытности на родной землѣ, не можетъ быть вынуждено, а зависитъ отъ свободнаго произволенія Россіи, а потому занятая ими позиція непримиримыхъ враговъ русскаго государства, для нихъ явно не выгодна. Имъ пора вспомнить, что они славяне и что славянская взаимность, опирающаяся на мощь Россіи, представляетъ для ихъ націоналистическихъ стремленій болѣе надежную почву, чѣмъ тотъ мечтательный, неврастеническій націонализмъ, который вызываетъ въ ихъ воспаленномъ воображеніи миражъ Польши „отъ моря до моря“, которыми, сказать кстати, они никогда не владѣли.

V.

Прибалтійскія губерніи.

Политика наша въ Прибалтійскихъ губерніяхъ предопредѣляется ихъ географическимъ положеніемъ. Въ близкомъ разстояніи отъ столицы государства, гранича съ Петербургской и Псковской губерніями, омываемыя Балтійскимъ моремъ, глубоко врѣзывающимся Рижскимъ заливомъ въ самый материкъ Россіи, губерніи эти прилегаютъ вплотную къ Германской Имперіи. Отсюда, безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ, само собою ясно, что миръ и добрососѣдскія отношенія между Россіей и Германіей будутъ обезпечены тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе эта инородческая окраина, за обладаніе которой Петръ Великій бился двадцать слишкомъ лѣтъ, станетъ нѣмецкою.

Вѣрность балтійскихъ нѣмцевъ престолу русскихъ императоровъ стоитъ выше всякихъ подозрѣній, но историческія судьбы странъ и народовъ неисповѣдимы и не принимать въ разсчетъ опасности обладанія нѣмецкою страной въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Германской Имперіей, было бы верхомъ непредусмотрительности. Если не вѣроятіе то несомнѣнно существуетъ возможность, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, такихъ международныхъ осложненій, которыя могутъ поставить нѣмцевъ прибалтійскаго края въ двусмысленное положеніе между государствомъ, котораго они состоятъ подданными и страною, которую они считаютъ своимъ „мутерландомъ“.

Кромѣ того и самая вѣрность балтійскихъ нѣмцевъ русской монархіи должна быть понимаема условно. Не под-

лежитъ сомнѣнію искренность ихъ заявленій преданности вѣнценоснымъ властителямъ государства россійскаго. Дѣло въ томъ, однако, что Прибалтійскій край находится не въ личномъ обладаніи русскихъ Монарховъ, а составляетъ органическую часть русскаго государства, и здѣсь нельзя не отмѣтить явнаго противорѣчія, существующаго между династической преданностью балтійскихъ нѣмцевъ и отношеніемъ ихъ къ Россіи. Это противорѣчіе лежитъ въ основѣ всей ихъ политики и существуетъ цѣлая литература, доказывающая далеко не дружелюбное отношеніе ихъ къ своему русскому отечеству. Подтвержденіе этому можно найти въ многочисленныхъ изданіяхъ заграницей, печатныхъ трудахъ видныхъ дѣятелей Прибалтійскаго края изъ нѣмцевъ, какъ Ширренъ, фонъ-Боккъ, Эккардъ, фонъ-Сиверсъ, Миллеръ и др.

Ширренъ, бывшій профессоръ русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ, въ своемъ „Отвѣтѣ“ Ю. Ф. Самарину, даетъ такую оцѣнку русскому народу: „Русскіе не знаютъ прошедшаго и не имѣютъ будущаго“... „Нѣтъ сомнѣнія, что естественную границу Имперіи образуетъ балтійское побережье, но одинаково безспорно, что господствующей расѣ положена граница у Чудского озера; за этой чертой господство ея обращается въ иго. Въ Прибалтійскомъ краѣ русскіе—гости и могутъ здѣсь жить въ качествѣ гостей, но не должны у насъ обстраиваться. Къ несчастью, какъ бы хорошо не жилось въ гостяхъ, гость все-таки иногда не прочь похозяйничать въ чужомъ домѣ, пока въ погребѣ водятся кое-какіе запасы“... „Почва, на которой мы стоимъ, принадлежитъ царю, Имперіи и намъ, а отнюдь не народу вашему“.

Ту же теорію проводитъ фонъ-Сиверсъ (Демерсгофскій) въ берлинскомъ журналѣ „Der Deutsche“. Онъ же находитъ единственную точку соприкосновенія Прибалтійскаго края съ Россіей въ ея монархической династіи, по скольку ею не руководитъ панславизмъ и нетолерантное греческое духовенство.

Сиверсъ (Старшій) въ своемъ обращеніи къ Европѣ (Appel an die europ. Oeffentlichkeit), говоритъ о себѣ, что

онъ „нѣмецъ по національности, лифляндецъ по рожденію и, какъ таковой, приписанъ къ русскому государству".

Фонъ-Боккъ въ „Livländische Beiträge", такъ опредѣляетъ правовое отношеніе Лифляндіи къ Россіи: „Никакой указъ, никакое одностороннее выраженіе воли высшаго правительства не можетъ отмѣнить обоюднообязательнаго государственнаго или международнаго договора, каковы капитуляціи 1710 г. и Ништадскій и Абоскій трактаты 1721 и 1743 гг. По существу этихъ договоровъ, принадлежащихъ къ области публичнаго и международнаго права, они такъ же, какъ и гражданскіе частные договоры, могли бы быть отмѣнены или измѣнены не иначе, какъ по обоюдному добровольному соглашенію между Императоромъ съ одной стороны, рыцарствомъ и городами Балтійскаго края—съ другой, и между Императоромъ Всероссійскимъ и королевско-шведскимъ правительствомъ. Ничто, инымъ путемъ совершаемое, не можетъ имѣть законной силы и не выходитъ изъ области чисто фактическихъ проявленій физическаго закона. Но, какъ говоритъ Руссо, force ne fait pas droit".

Фонъ-Боккъ говоритъ: „Латинству и протестантству давно бы пора отложить всякія междоусобныя распри и, опознавъ себя взаимно, какъ одно цѣлое, именно какъ западное христіанство, объявить войну восточному христіанству и московиту, этому исконному и непримиримому врагу".

Тотъ же фонъ-Боккъ проповѣдуетъ, что остзейскія провинціи нужно сохранить для германизма „въ чаяніи лучшихъ временъ".

Въ 1867 году императоръ Александръ II, въ бытность свою въ Ригѣ обратился къ мѣстному дворянству съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „Вы конечно оцѣните и примите какъ слѣдуетъ то, что я долженъ предпринять въ краѣ въ общихъ интересахъ Россіи".

На это фонъ-Боккъ далъ такой отвѣтъ: „Счастливъ Императоръ Всероссійскій, что сыны Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи чтутъ въ немъ своего герцога, иными словами, законнаго и свободнаго отъ всякаго односторонняго русскаго

давленія, оберегателя своихъ благопріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, обязавшагося передъ Богомъ и передъ людьми защищать ихъ данной ему властью".

Большое распространеніе получила въ послѣднее время отпечатанная въ Лейпцигѣ брошюра подъ заглавіемъ „Wir Balten", въ шести отдѣлахъ, авторы которыхъ, какъ они себя рекомендуютъ, принадлежатъ къ молодому нѣмецко-балтійскому поколѣнію, которое стремится всѣми средствами уберечь родину отъ исчезновенія въ ней нѣмецкой культуры. То опасное положеніе, въ которомъ очутилась эта культура въ концѣ минувшаго столѣтія, создалось, по убѣжденію авторовъ, благодаря тому, что въ свое время не былъ проведенъ въ жизнь принципъ германизаціи латышей.

Латыши, посѣщавшіе Дерптскій университетъ 30—40 лѣтъ назадъ, оказались адептами нѣмецкихъ культурныхъ начинаній и вступили въ тѣсное единеніе съ балтійскими нѣмцами. Но ихъ было мало. Теперь новое поколѣніе должно привлечь новыя силы изъ Германіи и выполнить задачу, невыполненную предками,— именно германизировать латышей.

Чтобы исполнить эту задачу, необходимо съ корнемъ вырвать мѣстную русскую школу и замѣнить ее нѣмецкой, возстановить нѣмецкій Дерптскій университетъ, повсюду насадить нѣмецкія среднія учебныя заведенія, выписавъ изъ Германіи учителей, учительницъ и профессоровъ. Балтійская консервативная партія включаетъ въ свою программу „дальнѣйшее развитіе общественной жизни и учрежденій на основахъ и въ духѣ мѣстнаго права и историческаго развитія". Ландтаги „должны служить политическимъ представительствомъ населенія Балтійской области (des baltischen Gebiets").

Надо замѣтить, что нѣмцы прибалтійскихъ губерній не всегда считаются и съ монаршими указаніями, когда они не согласуются съ ихъ тенденціей національной обособленности и идутъ на перекоръ ихъ стремленію къ германизаціи эсто-латышскаго края.

Они не подчинились объединительной политикѣ Екатерины Великой, вызвавъ напоминаніе, что, она, Екатерина,

„не герцогиня курляндская, а императрица всероссійская“. Выше приведенъ отвѣтъ ландрата фонъ-Бокка на указаніе Александра II въ томъ же смыслѣ. Осталось, очевидно, безъ всякаго вліянія и категорическое разъясненіе, данное Александромъ III-мъ лифляндскому дворянству о томъ, что балтійскія провинціи признаются имъ составной частью Россіи и что онъ всѣми силами стремится къ внутреннему объединенію ихъ съ Имперіей на почвѣ закона, а не привилегій.

Такое настроеніе балтійскихъ нѣмцевъ, въ особенности мѣстнаго дворянства, даетъ мало поводовъ довѣрчиво полагаться на ихъ солидарность съ русскимъ народомъ въ случаѣ столкновенія Россіи съ Германіей и указываетъ на несомнѣнную опасность допущенія дальнѣйшаго онѣмеченія нашихъ прибалтійскихъ губерній.

Примѣромъ осторожной предусмотрительности, въ условіяхъ однородныхъ, можетъ для насъ служить сама Германія.

Еще на дняхъ германскій имперскій канцлеръ князь Бюловъ, „при полномъ одобреніи трона“ доказывалъ Палатѣ господъ прусскаго ландтага необходимость заселенія восточной окраины Пруссіи, по ту сторону нашей границы, нѣмецкими колонистами, чтобы стоять на ней твердой ногой ради предотвращенія серьезной опасности для нѣмецкихъ государственныхъ интересовъ“. Въ этихъ видахъ прусское правительство не остановилось даже передъ мѣрой столь радикальной и противной принципамъ консервативной политики, какъ принудительное отчужденіе земельной собственности. Это заявленіе было приведено въ верхней палатѣ прусскаго парламента какъ ultima ratio, чтобы сломить ея сопротивленіе принятому въ нижней палатѣ закону о принудительномъ отчужденіи земель у поляковъ для поселенія на нихъ нѣмцевъ.

Съ нашей стороны нетолько не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо насильственныхъ мѣрахъ, направленныхъ противъ нашихъ балтійскихъ нѣмцевъ, но имъ должна быть обезпечена полная свобода того, что у насъ теперь принято называть „культурнымъ самоопредѣленіемъ“ и что они въ настоящее время практикуютъ съ увлеченіемъ и въ широ-

кихъ размѣрахъ. Русскіе государственные интересы требуютъ только того, чтобы самоопредѣленіе нѣмцевъ ограничено было кругомъ лицъ ихъ національности и не вторгалось въ сферу культурнаго-же національнаго самоопредѣленія другихъ народностей, населяющихъ прибалтійскія губерніи, а также, чтобы политическое и экономическое значеніе нѣмцевъ тамъ было приведено въ соотвѣтствіе съ относительной численностью ихъ въ общемъ составѣ населенія нашей прибалтійской окраины.

Балтійскіе нѣмцы склонны забывать, что въ Прибалтійскомъ краѣ они пришельцы, что ихъ тамъ права и привилегіи основаны были на завоеваніи и силою-же меча, побѣдами Петра Великаго, лишены всякаго реальнаго основанія. Эти права, а въ особенности привилегіи, существуютъ покуда только потому, что ихъ допускаетъ русская государственная власть, смѣнившая ихъ власть, отошедшую въ область историческихъ преданій. Привилегіи эти обречены на исчезновеніе самымъ духомъ времени, какъ основанныя на отжившихъ началахъ сословнаго феодализма, уже давно не существующаго и на родинѣ прежнихъ завоевателей Прибалтійскаго края. Въ этомъ краѣ, помимо нѣмцевъ, существуетъ коренное населеніе эстовъ и латышей, которое вправѣ требовать отъ русской власти, чтобы ему было обезпечено существованіе не въ архаическихъ условіяхъ феодальнаго строя, а въ болѣе совершенныхъ и справедливыхъ формахъ современнаго государственнаго общежитія, оно вправѣ требовать прежде всего равноправія съ нѣмцами, поработителями ихъ родины.

Противъ предоставленія латышамъ и эстамъ равноправія въ настоящее время, балтійскіе нѣмцы возражаютъ, противополагая свою вѣрность ожесточенному участію аборигеновъ края въ революціи. Революція охватила Россію на всемъ ея необъятномъ просторѣ. Причины ея сложны и здѣсь не мѣсто ихъ разбирать, но въ ихъ числѣ — реакціи, пріостановкѣ естественнаго роста государственнаго организма въ отжившихъ формахъ соціальнаго строя, принадлежитъ, во всякомъ случаѣ, не послѣднее мѣсто. Поэтому

нельзя считать сохраненіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ пережитковъ феодальнаго общественнаго быта мѣрою, цѣлесообразною для предупрежденія въ этомъ краѣ народныхъ волненій на будущее время. Если допустить здѣсь большую степень жестокости отдѣльныхъ проявленій революціоннаго движенія, то оно находитъ себѣ объясненіе въ вѣковомъ униженіи латышей и эстовъ нѣмцами и въ особенности въ аграрныхъ порядкахъ. Опасность этихъ порядковъ для общественнаго спокойствія еще въ 1884 г. предвидѣлъ ревизовавшій край сенаторъ Манасеинъ, который, въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, писалъ: „Незаконная урѣзка крестьянскихъ земель, подобно тому, какъ было въ сороковыхъ годахъ, является одною изъ причинъ глухого недовольства крестьянъ противъ помѣщиковъ и въ связи со многими другими неблагопріятными для крестьянъ условіями землевладѣнія можетъ сопровождаться въ будущемъ весьма нежелательными и трудно поправимыми послѣдствіями".

Здѣсь я не могу не повторить относительно эстовъ и латышей того, что говорилъ выше о литовцахъ. Россія не имѣетъ никакого интереса въ подавленіи самостоятельныхъ культуръ малыхъ народностей, но въ этомъ существеннымъ образомъ заинтересованы поляки западныхъ губерній и балтійскіе нѣмцы. При ихъ малочисленности, они могутъ сохранить свое вліятельное положеніе и увеличиться численно только претворяя въ себѣ менѣе культурное, но многочисленное мѣстное инородческое населеніе. Балтійскіе нѣмцы поняли это поздно и теперь иные изъ нихъ каятся въ печати въ томъ, что дорожа превыше всего сохраненіемъ сословной обособленности феодальной эпохи, они упустили благопріятное время для ассимилизаціи себѣ мѣстныхъ инородцевъ не нѣмецкаго происхожденія.

Отлично понимаютъ это теперь сами латыши и эсты, въ которыхъ пробудилось національное сознаніе и зародилась своя интеллигенція, несмотря на всѣ къ тому препятствія, встрѣчаемыя въ условіяхъ мѣстнаго общественнаго и экономическаго строя. Сознаютъ они,—во всякомъ случаѣ сознаетъ это теперь отрезвившееся послѣ революціонной смуты

значительное ихъ большинство, — что сохранить и развить свою національную самобытность и культуру они могутъ только въ условіяхъ русской государственности, внѣ которой поглощеніе ихъ германскимъ міромъ было-бы только вопросомъ времени.

Въ параллель приводимымъ выше сужденіемъ нѣмецкихъ націоналистовъ прибалтійскихъ губерній, отмѣчу слѣдующія проявленія вѣрности Россіи латышей и эстовъ.

Латыши торжественно праздновали столѣтній юбилей присоединенія Курляндіи къ Россіи и съѣхались тысячами по созыву своихъ вожаковъ, націоналистовъ, на пѣвческое празднество, съ котораго послали Государю Императору слѣдующую телеграмму: „Великій Государь! Собравшіяся двѣсти пѣвческихъ обществъ и присутствующіе на празднествѣ десятки тысячъ латышей бьютъ челомъ Тебѣ, горячо любимый Царь-Государь! Прими Ты ихъ чувства безграничной любви къ отечеству и радость ихъ по случаю исполнившагося столѣтія блаженства въ составѣ великой державной Россіи“.

А вотъ помѣщенная въ газетахъ телеграмма изъ Юрьева эстонскихъ націоналистовъ: „Обвиненія эстонскаго населенія въ сепаратистическихъ тенденціяхъ лишены всякаго основанія. Возбужденное состояніе умовъ, начавшееся съ 17 октября, проявлялось въ стремленіи къ реформамъ школы, аграрнаго устройства и мѣстнаго самоуправленія на основаніи всеобщаго голосованія въ видахъ избавленія отъ угнетающаго экономическаго и политическаго господства нѣмецкаго помѣщичьяго меньшинства. Выдѣлялись фракціи: умѣренная стремилась къ осуществленію реформъ конституціоннымъ путемъ и культурными средствами, а также къ культурному соперничеству съ привилегированнымъ нѣмецкимъ элементомъ; крайняя, находившаяся подъ вліяніемъ общеимперскаго революціоннаго движенія, добивалась указанныхъ реформъ самовольными мѣрами, которыми увлеклась главнымъ образомъ незначительная часть городского пролетаріата и безземельнаго сельскаго населенія. Крайнее направленіе поощрялось всеобщимъ бездѣйствіемъ властей съ

17 октября. Въ связи съ увеличивающимся общеимперскимъ встревоженнымъ состояніемъ умовъ подъ дѣйствіемъ желѣзнодорожной и почтово-телеграфной забастовокъ немногочисленные крайніе элементы мѣстами приступали къ самовольной замѣнѣ прежняго состава волостныхъ правленій новыми лицами на основаніи всеобщаго голосованія безъ насилія. Насильственныя дѣйствія, проявившіяся въ разгромахъ имѣній, начались съ строгаго проведенія военнаго положенія въ Ревелѣ и съ ареста ревельскихъ дѣятелей. Шайки неорганизованныхъ ревельскихъ пролетаріевъ, къ которымъ присоединились хулиганы, направлялись въ уѣзды, чтобы отомстить разгромомъ имѣній помѣщикамъ, въ которыхъ видѣли виновниковъ строгаго примѣненія военнаго положенія. Къ шайкамъ, отчасти подъ вліяніемъ терора, присоединились главнымъ образомъ безземельные элементы. Общій характеръ движенія аграрный. Цѣль заключалась въ устраненіи помѣщичьяго экономическаго гнета. Если бы представители власти совершенно не бездѣйствовали, умѣренные элементы собственными силами преодолѣли бы сторонниковъ насилія. Напримѣръ крестьяне Перновскаго уѣзда составили милицію для отраженія ревельскихъ шаекъ, опустошавшихъ имѣнія".

Этнографическій составъ населенія прибалтійскихъ губерній, по переписи 1897 г., въ цифрахъ округленныхъ въ десятки тысячъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

	Латышей.	Эстовъ.	Нѣмцевъ.	Русскихъ.
Эстляндская губ.	—	360 т.	16 т.	21 т.
Лифляндская „	570 т.	520 т.	98 т.	20 т.
Курляндская „	500 т.	—	51 т.	38 т.
Всего. . .	1.070 т.	880 т.	165 т.	130 т.

Такой составъ населенія не даетъ основанія считать эти губерніи нѣмецкими и онѣ стали таковыми потому, что нѣмцы были, и въ значительной мѣрѣ пребываютъ и нынѣ, въ прибалтійскомъ краѣ господами порабощеннаго ими кореннаго населенія, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ землю, деньги и власть,—власть духовную и свѣтскую. Обращеніе

нѣмцевъ съ туземнымъ населеніемъ было суровое, часто жестокое: побѣгъ крѣпостного отъ своего господина наказывался отсѣченіемъ ноги. До сихъ поръ нѣмецъ остался пугаломъ для латышскихъ и эстонскихъ дѣтей „саксъ идетъ“ (saks tuleb) или „идетъ Вацетъ“ [1]) грозятъ матери эстонки и латышки своимъ дѣтямъ. Прозвище „Вацетъ“, нѣмецъ,—составляетъ и теперь для латыша самое тяжкое оскорбленіе.

Такое отношеніе паработителей къ аборигенамъ края имѣло то хорошее послѣдствіе, во всякомъ случаѣ для Россіи въ настоящее время, — что предохранило послѣднихъ отъ онѣмеченія.

При шведскомъ владычествѣ, положеніе крѣпостнаго населенія нѣсколько улучшилось, благодаря уменьшенію и урелигурированію барщинныхъ работъ.

Закономъ 1804 г. было признано право крѣпостныхъ крестьянъ на владѣніе и пользованіе отведенными имъ землями, обложенными повинностями, и барщина была ограничена двумя днями въ недѣлю для каждаго работника. Законъ этотъ вызвалъ недовольство дворянъ и привелъ ихъ къ мысли избавиться отъ него путемъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости на выгодныхъ для помѣщиковъ условіяхъ и съ 1816 по 1819 г. послѣдовало освобожденіе крестьянъ трехъ прибалтійскихъ губерній безъ предоставленія имъ какихъ-либо правъ на землю. Впослѣдствіи были приняты кое-какія мѣры для обезпеченія за крестьянами правъ пользованія частью помѣщичьихъ земель, и я къ нимъ вернусь, когда буду говорить о существующихъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ аграрныхъ отношеніяхъ,—вообще же, до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, нѣмецкіе дворяне обладали въ этомъ краѣ всею полнотою власти, ревниво оберегая господство нѣмецкаго языка во всѣхъ его учрежденіяхъ, при равнодушномъ или даже сочувственномъ этому порядку вещей отношенію русскихъ правительственныхъ властей.

---

[1]) J. G. Kohe. Die Deutsch-Russische Ostsee-Provincen. Цитирую по Э. Реклю.

Время реформъ, направленныхъ къ ограниченію всевластія нѣмцевъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ и водворенію въ нихъ русской государственности, продолжалось недолго. За это время успѣли преобразовать только школу, судъ, устройство полицейской охраны и городское самоуправленіе. Балтійскіе нѣмцы сохраняютъ неприкосновеннымъ свое господство въ евангелическо-лютеранской церкви и мѣстномъ самоуправленіи, внѣ городовъ. Остался нетронутымъ и весь феодальный строй мѣстныхъ аграрныхъ отношеній.

Балтійскимъ нѣмцамъ послужило на пользу усиленіе въ коренной Россіи, реакціи, однимъ изъ элементовъ которой сталъ атавизмъ крѣпостничества. Демократизація общественнаго строя въ Прибалтійскомъ краѣ была бы въ явномъ противорѣчіи съ учрежденіемъ института земскихъ начальниковъ, съ преобразованіемъ земскихъ учрежденій на сословномъ началѣ и съ пересмотромъ узаконеній о крестьянахъ въ направленіи вящаго усиленія ихъ сословной обособленности и соціальной приниженности.

При совершающемся нынѣ обновленіи всего государственнаго, общественнаго и экономическаго строя Россіи настало время возобновить прерванную въ Прибалтійскихъ губерніяхъ преобразовательную работу въ духѣ русской государственности и справедливаго отношенія къ насущнымъ интересамъ кореннаго населенія этой русской окраины.

Отношенію балтійскихъ нѣмцевъ къ евангелической лютеранской церкви, къ которой принадлежитъ и большинство кореннаго населенія края, болѣе всего соотвѣтствуетъ терминъ—господство.

Евангелическая лютеранская церковь въ Россійской Имперіи, на основаніи устава 28 декабря 1832 г., [1]) представляетъ изъ себя сложную цѣпь должностныхъ лицъ и учрежденій, которая, начинаясь кандидатомъ духовенства, заканчивается Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и замыкается верховною властью Государя Императора, на Высочайшее утвержденіе котораго восходятъ важнѣйшія дѣла и назначе-

[1]) Томъ XI св. зак., ч. I, изд. 1896 г., ст. 252—898.

ніе высшихъ должностныхъ лицъ церковнаго управленія. Цѣпь этихъ лицъ и учрежденій крѣпко спаена строгимъ подчиненіемъ низшихъ высшимъ и эта іерархическая дисциплина пріобрѣтаетъ особый авторитетъ подъ сѣнью верховной имперской власти.

Какое же отношеніе евангелическо-лютеранской церкви къ коренному эсто-латышскому населенію прибалтійскихъ губерній санкціонируетъ русская верховная власть?

Пробсты, ближайшіе начальники приходскаго духовенства (проповѣдниковъ и кандидатовъ) — всѣ нѣмецкой національности.

Евангелическо-Лютеранскія Консисторіи, главные органы мѣстнаго церковнаго управленія, составляются изъ свѣтскаго Президента, духовнаго Вице-Президента, онъ же Генералъ-Суперъ-Интендентъ консисторіальнаго округа, и изъ равнаго числа свѣтскихъ и духовныхъ засѣдателей. Всѣ они нѣмцы.

Свѣтскіе президенты назначаются Государемъ Императоромъ по представленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ изъ лицъ рекомендованныхъ Генеральной Консисторіей, тоже сплошь нѣмецкой. Свѣтскіе засѣдатели Консисторій избираются мѣстнымъ нѣмецкимъ дворянствомъ. Всѣ эти лица состоятъ на государственной службѣ, и имъ присвоены классы должностей и титулы Hochehrwürden и Hochwürden. Такимъ же порядкомъ назначаются предсѣдатель и члены Генеральнаго Синода, собираемаго отъ времени до времени, для представленія правительству свѣдѣній о потребностяхъ евангелическо-лютеранской церкви и о средствахъ совершенствованія оной.

Дѣла въ Консисторіяхъ производятся на нѣмецкомъ языкѣ и подача просьбъ или какихъ-либо другихъ бумагъ на языкахъ эстскомъ и латышскомъ не дозволяется.

Для завѣдыванія принадлежащими лютеранскимъ церквамъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ имуществами избираются мѣстными дворянскими обществами Главные Попечители, а приходами Попечители и церковные конвенты изъ лицъ такихъ категорій, въ которыхъ латыши и эсты отсут-

ствуютъ, а изъ поселянъ мѣстнаго кореннаго населенія края назначаются церковные старосты (Bauer-Kirchen-Vormünder), которые Церковнымъ Попечителямъ „подчиняются“.

Въ Прибалтійскомъ краѣ существуютъ церковные патронаты, въ силу которыхъ дворянинъ помѣщикъ назначаетъ пастора для крестьянъ. Такіе священники поставлены въ необходимость поддерживать интересы помѣщика нѣмца въ ущербъ коренному населенію.

Разъ евангелическо-лютеранская церковь въ Россіи составляетъ учрежденіе правительственное, то на правительствѣ лежитъ обязанность обезпечить коренному населенію губерній Прибалтійскихъ духовныхъ пастырей изъ эстовъ и латышей. Къ этому слѣдуетъ приступить, но для удовлетворенія этой потребности въ полной мѣрѣ потребуется немало времени.

Слѣдуетъ однако теперь же, соотвѣтственнымъ измѣненіемъ въ законодательномъ порядкѣ подлежащихъ статей устава евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи, открыть просвѣщеннымъ латышамъ и эстамъ доступъ въ учрежденія, управляющія ею въ качествѣ свѣтскихъ членовъ. Для этого слѣдуетъ выборъ ихъ мѣстнымъ нѣмецкимъ дворянствомъ замѣнить назначеніемъ ихъ правительствомъ по представленію губернскаго начальства.

Необходимо также уничтожить патронатства и приходскіе конвенты и всѣ вопросы приходской жизни ввести въ компетенцію приходовъ, обезпечивъ серьезное въ нихъ представительство кореннаго населенія, внѣ властнаго преобладанія нѣмецкихъ привилегированныхъ классовъ.

Господство нѣмцовъ въ нашемъ эсто-латышскомъ краѣ зиждется главнымъ образомъ на экономическихъ устояхъ феодальнаго строя, на сохранившихся еще въ этомъ краѣ архаическихъ аграрныхъ порядкахъ.

Когда у насъ ставится вопросъ о какой-нибудь аграрной реформѣ, на первый планъ всегда выдвигаются требованія аграрнаго соціализма: надѣленіе землею безземельныхъ, ограниченіе размѣровъ землевладѣнія трудовою нормою семьи и принудительное отчужденіе.

Въ совершающейся во всемъ человѣчествѣ, по неизмѣннымъ законамъ развитія, экономической эволюціи, Россія позже другихъ культурныхъ странъ перешла отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому производству и, въ силу множества неблагопріятно сложившихся для нее обстоятельствъ, — между которыми первое мѣсто занимаютъ запоздалое освобожденіе крестьянъ и послѣдовавшее за нимъ продолжительное ихъ сословное обособленіе и безправіе, — наше отечество еще не успѣло воспользоваться тѣми благами, культурными и матеріальными, которыя даетъ капитализмъ путемъ преумноженія народнаго богатства. Поэтому всякіе соціалистическіе эксперименты, въ Россіи менѣе чѣмъ гдѣ-бы то ни было, могутъ соотвѣтствовать требованіямъ разсудительной практической политики.

Надѣлить землей всѣхъ желающихъ использовать на ней свой трудъ можно только въ царствѣ соціальной утопіи, и сельскій батракъ въ сельскомъ хозяйствѣ такъ же необходимъ, какъ фабричный рабочій въ промышленности обрабатывающей. Къ тому же положеніе сельскихъ рабочихъ совсѣмъ не такъ плохо, какъ оно представляется сторонникамъ аграрнаго соціализма. Нѣмецкій ученый Эрвинъ Нассе, изслѣдывавшій земледѣльческіе кризисы въ Англіи конца прошлаго столѣтія, свидѣтельствуетъ, что „изъ всѣхъ заинтересованныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ классовъ, лучше всего было положеніе наемныхъ рабочихъ;... достигнутое ими въ семидесятыхъ годахъ повышеніе заработной платы, сохранилось почти цѣликомъ и въ дурныя времена;... за послѣдніе года они, сравнительно съ другими классами совсѣмъ не пострадали, а наоборотъ ихъ положеніе улучшилось благодаря низкимъ цѣнамъ на пшеницу, сыръ и другіе потребляемыя ими предметы... На улучшеніе ихъ положенія ясно указываетъ уменьшеніе сборовъ для бѣдныхъ“.

Спеціально въ прибалтійскихъ губерніяхъ положеніе сельскихъ батраковъ представляется весьма благопріятнымъ. Они пользуются тамъ у землевладѣльцевъ и арендаторовъ хорошимъ помѣщеніемъ, сытной пищей и достаточнымъ заработкомъ, дающимъ имъ возможность удовлетворить из-

вѣстныя культурныя потребности, а наиболѣе рачительные изъ нихъ пріобрѣтаютъ средства, достаточныя для аренды земельныхъ участковъ.

Не въ надѣленіи землею безземельныхъ состоитъ, слѣдовательно, задача нашей аграрной политики въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Нѣтъ бѣды и въ крупныхъ размѣрахъ тамошнихъ крестьянскихъ хозяйствъ (отъ 20 до 200 десятинъ), не допускающихъ обработки ихъ силами одной семьи, если размѣры эти соотвѣтствуютъ, по мѣстнымъ условіямъ требованіямъ успѣшной сельско-хозяйственной культуры. [1]) Обезпеченіе сельско-хозяйственныхъ интересовъ кореннаго населенія прибалтійскихъ губерній не вызываетъ необходимости и принудительнаго отчужденія земель мѣстной нѣмецкой аристократіи въ какомъ бы то ни было размѣрѣ.

Въ области аграрной политики, въ ряду мѣръ направленныхъ къ устраненію господства нѣмецкаго меньшинства въ нашемъ эсто-латышскомъ краѣ, важнѣйшая — это раскрѣпощеніе такъ называемыхъ „господскихъ“ земель, освобожденіе ихъ отъ тѣхъ феодальныхъ путъ, которыя присвоиваютъ имъ сословный характеръ и удерживаютъ искусственно въ обладаніи ничтожнаго инородческаго привилегированнаго меньшинства, чуждаго коренному населенію, большую и самую цѣнную половину всего земельнаго богатства края.

Для этого требуется старательный пересмотръ дѣйствующихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ законовъ гражданскихъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые касаются права вещнаго, [2]) для отмѣны тѣхъ законовъ и привилегій,

---

[1]) Въ Пруссіи, на основаніи законовъ 1811 и 1819 г. (для Познани) правомъ регулированія, т. е. обращеніемъ въ собственность при содѣйствіи правительства пользовались только такіе участки крестьянской земли, которые соотвѣтствовали понятію „земледѣльческаго хозяйства“ внѣшнимъ признакомъ котораго служили полная упряжка, состоявшая изъ 6—8 лошадей, 4 воловъ при 2-хъ работникахъ, 2-хъ работницахъ и 1 подросткѣ. Только закономъ 1850 г. регулированіе было распространено на болѣе мелкія хозяйства. (*Г. Ф. Кнаппъ*. Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи.)

[2]) Сводъ мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ, часть III, книга 2-ая, статьи 529—1690.

которые изъемлютъ дворянскія земельныя имущества изъ свободнаго промышленнаго оборота.

Затѣмъ надо безъ замедленія завершить длящееся съ 1804 г. разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, предоставленіемъ крестьянамъ полнаго права собственности на предоставленныя въ ихъ пользованіе земли, для чего имѣется обильный и драгоцѣнный матеріалъ въ трудахъ ревизіи сенатора Манасеина 1883 г., лежащихъ съ того времени подъ спудомъ.

Необходимо освободить крестьянскія земли отъ существующихъ ограниченій относительно устройства на нихъ всякихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній, а также корчемъ. Это ограниченіе правъ крестьянъ нѣмецкіе помѣщики объяснили какъ свою привилегію и добились такимъ образомъ полученія отъ казны нѣсколькихъ милліоновъ рублей вознагражденія за убытки, причиненные имъ введеніемъ винной монополіи.

Лежащія на землѣ повинности должны быть распредѣлены равномѣрно безъ всякаго различія земель помѣщичьихъ и крестьянскихъ.

Въ прибалтійскихъ губерніяхъ надо открыть дѣятельность крестьянскаго банка, чтобы содѣйствовать всѣми мѣрами увеличенію крестьянскаго земельнаго фонда.

Государственныя земли слѣдуетъ продавать и отдавать въ аренду только лицамъ, принадлежащимъ къ земледѣльческому классу.

Арендныя отношенія должны быть регулированы соотвѣтственно справедливымъ интересамъ мѣстнаго сельскаго населенія.

Само собою разумѣется, что нѣмецкая колонизація въ прибалтійскія губерніи не должна быть допускаема ни подъ какимъ видомъ. Допущеніе ее противорѣчило бы основной задачѣ нашей политики въ этомъ краѣ, заключающейся въ его разнѣмеченіи. [1])

---

[1]) Въ „Новомъ Времени“ помѣщены были на дняхъ слѣдующія свѣдѣнія изъ Курляндіи: „За послѣдніе два года многіе владѣльцы отказали крестьянамъ въ разсрочкѣ выкупныхъ долговъ, а также арендаторовъ отпустили на всѣ четыре стороны. Распроданныя съ

Земскими дѣлами въ прибалтійскихъ губерніяхъ завѣдуютъ органы дворянскаго самоуправленія. На дворянскихъ ландтагахъ при обсужденіи земскихъ дѣлъ присутствуютъ, правда, кромѣ матрикулованныхъ дворянъ и другіе владѣльцы дворянскихъ имѣній, независимо отъ ихъ сословнаго происхожденія, но число ихъ такъ ничтожно, что голоса ихъ никакого значенія не имѣютъ и участіе ихъ въ ландтагѣ при обсужденіи земскихъ дѣлъ нисколько не измѣняетъ нѣмецко-сословнаго характера этихъ учрежденій.

На этой сословной основѣ прибалтійское дворянство предполагаетъ дать мѣстнымъ земскимъ учрежденіямъ дальнѣйшее развитіе. Мелкую земскую единицу они желаютъ пріурочить къ церковно-приходскимъ лютеранскимъ конвентамъ, въ которыхъ преобладаетъ вліяніе дворянскихъ патроновъ и нѣмецкихъ пасторовъ, — допустивъ къ участію въ нихъ представителей крестьянскихъ волостей. Такъ какъ въ уѣздахъ не существуетъ земско-дворянскихъ организацій, то устройство уѣздныхъ земскихъ учрежденій отвергается балтійскими нѣмцами, какъ не соотвѣтствующее развитію земскаго самоуправленія на исторической почвѣ. Реформа губернскихъ земскихъ учрежденій должна ограничиться допущеніемъ къ участію въ занятіяхъ дворянскаго ландтага по земскимъ дѣламъ представителей крестьянскаго землевладѣнія.

Пользѣ государственной и интересамъ кореннаго населенія соотвѣтствуетъ здѣсь еще болѣе чѣмъ въ другихъ

торговъ и отобранныя усадьбы заселили и заселяютъ нѣмецкими колонистами. Кромѣ того бароны постепенно замѣняютъ рабочихъ-латышей нѣмцами. Какъ много колонизаторамъ удалось достичь за короткое время, видно изъ того, что въ одномъ Нейгаузенскомъ приходѣ существуетъ двѣ школы для колонистовъ съ значительнымъ числомъ учениковъ. Прошлымъ лѣтомъ устроили церковь для колонистовъ. Ее обслуживаетъ нейгаузенскій пасторъ фонъ-Гавель, учредитель и руководитель мѣстнаго „ферейна“. Этой весной пріѣхали новые колонисты и въ сопровожденіи евреевъ-скупщиковъ разъѣзжаютъ по уѣзду, покупая лощадей и скотъ для пріобрѣтенныхъ усадебъ“.

мѣстностяхъ Россіи устройство въ Прибалтійскомъ краѣ земскаго самоуправленія не на всесословномъ, а на безсословномъ началѣ при такомъ избирательномъ законѣ, который, какъ это указано выше для Бѣлоруссіи и Литвы, обезпечивалъ бы полноправное и вліятельное положеніе въ земствѣ землевладѣльцамъ и промышленникамъ средняго достатка.

Языкъ, которымъ говоритъ большинство населенія и который знаютъ всѣ нѣмецкіе помѣщики и сельскіе пасторы, долженъ быть допущенъ въ качествѣ дѣлопроизводственнаго языка въ низшей земской единицѣ, но языкомъ преній и дѣлопроизводства въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учрежденіяхъ, долженъ быть русскій, какъ языкъ государственный и нейтральный для трехъ національностей заселяющихъ Прибалтійскій край.

Нѣсколько словъ, въ заключеніе, о реформахъ, уже совершенныхъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ въ духѣ національно-русской государственности въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Латыши и эсты увидѣли въ нихъ зарю своего освобожденія отъ много-вѣковаго нѣмецкаго ига, но органическія преобразованія въ этомъ направленіи были надолго пріостановлены.

Судебная реформа, освобождавшая коренное населеніе края отъ медленности и произвола нѣмецкихъ судовъ, безпристрастіе которыхъ подчинялось разнообразнымъ мѣстнымъ вліяніямъ общаго значенія или характера личнаго — вполнѣ оправдала надежды и ожиданія мѣстнаго населенія. Блестящіе результаты были здѣсь достигнуты въ особенности во время министерства Манасеина, назначавшаго въ Прибалтійскія губерніи лучшихъ, отборныхъ судебныхъ дѣятелей. Удовлетворительныхъ болѣе или менѣе результатовъ дала и реформа городскаго самоуправленія. Дефекты въ назначеніи на административныя и полицейскія должности не поколебали въ коренномъ населеніи края его вѣры въ конечный успѣхъ совершеннаго полицейскаго преобразованія, освободившаго его отъ полицейской власти мѣстныхъ бароновъ.

Первое, однако, мѣсто въ ряду завершенныхъ въ краѣ реформъ прошлаго царствованія должно быть дано преобразованію учебной части по тому значенію, которое въ національной объединительной политикѣ принадлежитъ школѣ.

Нѣмецкое дворянство Прибалтійскихъ губерній поняло это тогда, когда въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ эсто-латышскомъ населеніи, приниженномъ, безправномъ и невѣжественномъ, возникло стихійное движеніе къ переходу сперва въ геренгутерство, а затѣмъ въ православіе. Послѣднее вызвано было распространившимися между крестьянскимъ населеніемъ слухами, что перехода въ православіе желаетъ Царь и имъ обусловлено пріобрѣтеніе извѣстныхъ правъ. Движеніе это, которому нѣмцамъ удалось придать значеніе бунта, было подавлено вооруженною силою и крестьяне до сихъ поръ хранятъ преданіе о томъ, какъ русскіе солдаты на Беверсгофскомъ полѣ били латышей за ихъ желаніе перейти въ „царскую“ вѣру.

Движеніе это впервые обратило вниманіе балтійскихъ нѣмцевъ на школу, какъ орудіе германизаціи мѣстнаго коренного эсто-латышскаго населенія. Стремленіе въ этомъ направленіи усилилось въ 1864 г. подъ вліяніемъ вдохновеннаго воззванія генералъ-суперинтендента пастора Вальтера къ лифляндскому дворянству о необходимости онѣмеченія латышей и эстовъ. Болѣе ста латышскихъ приходскихъ школъ были преобразованы въ нѣмецкія.

Фонъ-Боккъ, въ своихъ издававшихся съ 1867 г. за границей и уже цитированныхъ мною „Livländische Beiträge“, писалъ о сельской школѣ слѣдующее: „чтобы придать народной школѣ въ Лифляндіи подобающій ей темпераментъ и влить въ ея жилы жизненный огонь, нужна была пережитая нами буря 1841—1845 годовъ. Правда, онѣмеченіе поселянъ латышскаго и эстонскаго племени еще не доведено до конца, но между ними есть уже такъ называемые полунѣмцы, т.-е. переживающіе процессъ онѣмеченія... Латыши охотно принимаютъ отъ нѣмцевъ образованіе и, если можно было бы добиться, чтобы русскіе, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, не тревожили, не подстрекали и не

расшатывали бы безпрестанно крестьянскихъ учрежденій, то начавшееся развитіе пошло бы наилучшимъ здоровымъ, нѣмецкимъ ходомъ („gesunde Entwickelung“). Къ счастью латышскія сельскія школы въ Балтійскомъ краѣ до сихъ поръ были избавлены отъ всякаго серьезнаго вмѣшательства со стороны министерства народнаго просвѣщенія и подлежатъ завѣдыванію мѣстныхъ учрежденій“... „Кто сколько-нибудь способенъ понимать кризисъ, переживаемый германизмомъ въ нѣмецкихъ остзейскихъ провинціяхъ Россіи, тотъ не усомнится признать, что въ сущности и на практикѣ онъ сводится окончательно къ вопросу: останется ли направленіе сельской народной школы въ рукахъ мѣстнаго рыцарства, или перейдетъ къ такъ называемому министерству народнаго просвѣщенія“.

Значеніе народной школы въ политикѣ, направленной къ предупрежденію онѣмеченія коренного населенія Прибалтійскаго края, вполнѣ оцѣнило наше правительство въ восьмидесятыхъ годахъ. Изъ казны на этотъ предметъ были ассигнованы значительныя средства. Реформѣ этой оказали дѣятельное содѣйствіе и сами крестьяне, не жалѣя средствъ на ремонтъ и постройку новыхъ школьныхъ зданій, на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій, на увеличеніе жалованья учителямъ и другія потребности учебнаго дѣла.

Я думаю, однако, что правительство напрасно замѣнило происходившее при нѣмецкомъ режимѣ преподаваніе въ народной школѣ на мѣстныхъ языкахъ преподаваніемъ на языкѣ русскомъ. Это было ошибкой и съ политической точки зрѣнія и въ качествѣ пріема педагогическаго. Политика обязываетъ насъ содѣйствовать укрѣпленію въ эстахъ и латышахъ ихъ національнаго самосознанія, закаляющаго ихъ въ борьбѣ съ германизаціей. Съ педагогической точки зрѣнія практика учебнаго дѣла въ инородческихъ мѣстностяхъ доказала, что русскій языкъ всего лучше усваивается инородцами при преподаваніи его на родномъ нарѣчіи учениковъ.

Эсты и латыши доказали, что они понимаютъ все значеніе основательнаго знанія русскаго языка, открывающаго

передъ ними двери средней и высшей школъ, въ которыхъ они естественно предпочитаютъ русскій языкъ преподаванія нѣмецкому;—они знаютъ, что только усвоеніе ими русскаго языка сдѣлаетъ возможнымъ завершеніе въ ихъ краѣ судебной реформы, введеніемъ суда присяжныхъ;—они понимаютъ отлично и то, что незнаніе русскаго языка ограничиваетъ для нихъ поприще промышленной, общественной и культурной дѣятельности у себя на родинѣ и на широкомъ просторѣ ихъ русскаго отечества. При этихъ условіяхъ всякія неумѣлыя мѣры искусственной руссификаціи могутъ дать только отрицательные результаты,—и вотъ періодическая печать отмѣчаетъ нерадостныя вѣсти о разочарованіи мѣстнаго населенія въ успѣхѣ совершеннаго въ Прибалтійскихъ губерніяхъ учебнаго преобразованія. Такому настроенію коренныхъ обывателей этого края, кромѣ замѣны въ низшей школѣ мѣстныхъ языковъ русскимъ, не могъ не содѣйствовать несомнѣнный упадокъ Юрьевскаго университета послѣ обращенія его изъ нѣмецкаго въ русскій.

Всѣ неудачи нашей объединительной и иной политики въ учебномъ дѣлѣ объясняются, прежде всего, тѣмъ, что въ томъ внѣшнемъ сочетаніи автономныхъ вѣдомствъ, которое представляло изъ себя до послѣдняго времени русское правительство, государственныя дарованія были рѣже всего достояніемъ автократовъ министерства народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ успѣшно бороться съ несомнѣнно культурными остзейскими нѣмцами за господство въ балтійскомъ краѣ, особенно въ области народнаго просвѣщенія, можно было только культурными средствами. Одни изъ министровъ были для такой борьбы неспособны, а другіе, какъ графъ А. Толстой, вовсе къ ней и не расположены, такъ какъ были сами насквозь пропитаны тѣмъ родовымъ аристократизмомъ, той враждой къ равноправію, которыя составляютъ отличительныя черты нашихъ балтійскихъ нѣмцевъ.

Едва-ли не главная задача нашей объединительной политики въ Прибалтійскихъ губерніяхъ заключалась въ поддержаніи Юрьевскаго университета русскими научными силами на той высотѣ, на которой онъ стоялъ при нѣмцахъ,—

что-бы это ни стоило, какихъ-бы усилій и жертвъ это ни требовало. Съ этого самаго начали нѣмцы въ Страсбургскомъ университетѣ послѣ покоренія Эльзаса. У насъ-же обрусеніе Юрьевскаго университета совершалось переполненіемъ его чуть ли не отбросами профессорскаго состава другихъ русскихъ университетовъ. На Юрьевскомъ университетѣ не могъ конечно не отразиться и общій упадокъ нашихъ университетовъ, какъ просвѣтительныхъ центровъ, вызванный недостаткомъ истинныхъ ученыхъ, способныхъ подняться сами и увлечь учащуюся молодежъ въ духовныя сферы, стоящія выше дрязгъ и увлеченій текущей партійной политики.

Теперь балтійскіе нѣмцы вновь взялись энергично за школу, какъ за надежнѣйшее средство онѣмеченія кореннаго населенія прибалтійскихъ губерній и, не жалѣя средствъ, поспѣшно открываютъ въ этомъ краѣ множество нѣмецкихъ училищъ. Что-же? Препятствовать этому не слѣдуетъ. — при томъ, однако, непремѣнномъ условіи, чтобы такія нѣмецкія школы, сами по себѣ, никакихъ правъ учащимся въ нихъ не давали. Борьбу съ нѣмецкими властями въ Прибалтійскомъ краѣ слѣдуетъ вести культурными средствами, противопоставивъ, однако, замѣчательной выдержкѣ и сплоченности нѣмцевъ, политику твердую и послѣдовательную въ стремленіи къ непремѣнному достиженію поставленной цѣли, которая должна заключаться въ органическомъ объединеніи этой окраины съ Россіей, путемъ удовлетворенія, въ предѣлахъ совмѣстимыхъ съ цѣлостью Имперіи, интересовъ массы коренного населенія.

VI.

Финляндія.

Отличительная черта въ отношеніяхъ Россійской Имперіи къ ея финской окраинѣ заключается въ ихъ совершенной неопредѣленности: неопредѣленности относительно характера существующей между Имперіей и Финляндіей связи,—неопредѣленности правъ и обязанностей генералъ-губернатора, какъ представителя имперской власти въ краѣ,—неопредѣленности значенія финляндскаго сената, какъ органа мѣстной исполнительной власти,—неопредѣленности функцій финляндскаго статсъ-секретаріата въ С.-Петербургѣ.

Должна ли Финляндія считаться государствомъ, состоящимъ съ Россіей въ династической уніи или же она инородческая страна, составляющая органическую часть государства россійскаго, пользующаяся только во внутреннихъ дѣлахъ мѣстнаго значенія широкою областною автономіей?

Вопросъ этотъ, практически, долженъ разрѣшиться такъ: Финляндіи можетъ быть предоставлена только та степень самобытности, которая совмѣстима съ имперскими интересами русскаго государства. Salus publica ultima ratio.

Съ дургой стороны, Финляндія представляетъ изъ себя страну, этнографически вполнѣ отъ Россіи обособленную, съ почти сплошнымъ финскимъ населеніемъ (среди приблизительно 2.500 т. кореннаго финскаго населенія, въ Финляндіи живетъ около 350т. шведовъ, прежнихъ завоевателей края и до 6 т. русскихъ). Финскій народъ имѣетъ свой народный языкъ, литературу, публицистику. Долго удерживаемый шведами въ приниженномъ состояніи, финскій народъ, мало по малу,

завоевалъ себѣ равноправность съ своими поработителями, имѣетъ свою интеллигенцію, національное духовенство и успѣшно проникаетъ въ городскіе классы, причемъ къ его національности принадлежитъ большинство профессоровъ и студентовъ Гельсингфорскаго университета. Высочайшій манифестъ 22 окт. 1905 г. далъ ему возможность пріобрѣсти соотвѣтствующее его относительной численности, преобладающее значеніе въ мѣстномъ законодательномъ собраніи, а слѣдовательно и въ управленіи родной страной. При этихъ условіяхъ Финляндіи должна быть сохранена ея политическая и національная обособленность въ полномъ объемѣ тѣхъ правъ, которыя совмѣстимы съ сохраненіемъ цѣлости и единства Россійской Имперіи.

Въ этомъ отношеніи довольно бѣглаго взгляда на карту, чтобы стала до очевидности ясною вся важность обладанія Россіей всѣмъ восточнымъ берегомъ Балтійскаго моря и обоими берегами Финскаго залива, въ глубинѣ котораго расположена столица государства. Это означаетъ, что морская граница Финляндіи должна быть и границей Имперіи Россійской, чѣмъ исключается для Финляндіи самая возможность стать когда-либо государствомъ независимымъ отъ Россіи, состоящимъ съ ней только въ династической уніи. Стратегическое значеніе финляндскаго морскаго побережья таково, что если бы Финляндія оставалась совсѣмъ независимымъ государствомъ, то намъ слѣдовало бы немедленно ее покорить. По счастью объ этомъ своевременно позаботились Императоры Петръ Великій и Александръ Благословенный.

Надо замѣтить при этомъ, что послѣ того, какъ Финляндія подпала, въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, подъ власть Швеціи, она независимымъ государствомъ никогда не была. Самый сеймъ и органическіе законы 1772 и 1789 годовъ были ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ порабощенія страны финовъ Швеціи. Въ сословномъ сеймѣ шведскому меньшинству было всегда обезпечено большинство голосовъ. Государственнымъ языкомъ былъ шведскій, а не финскій, на которомъ не разрѣшалось даже ничего печатать, кромѣ евангелія. Въ 1710 и

1809 годахъ Финляндія перешла, частями, изъ подъ власти Швеціи въ обладаніе Россіи. Петръ понималъ, что безопасность созданной имъ на окраинѣ государства столицы требовала присоединенія къ Россіи лежащей по сосѣдству враждебной шведской области. Когда онъ въ этомъ успѣлъ и 14 Іюня 1710 г. занялъ Выборгъ, онъ въ тотъ же день пишетъ императрицѣ:

„Матка, здравствуй! Объявляю Вамъ, что вчерашняго дня городъ Выборхъ сдался и сею доброю вѣдомостью, что уже крѣпкая подушка Санктъ-Петербурху устроена чрезъ помощь Божью, васъ поздравляю".

Одновременно онъ пишетъ Меншикову: „И такъ чрезъ взятіе сего города Санктъ-Петербургу конечное безопасеніе получено"...

Александръ I, въ 1808 году, по совѣту Наполеона, покорилъ и остальную часть Финляндіи, и въ письмѣ своемъ изъ Петербурга, отъ 5 апрѣля 1808 г., писалъ Наполеону:

„Monsieur mon frère, j'adresse ces lignes à Votre Majesté pour lui annoncer que toute la Finlande suédoise se trouve conquise"... „j'ai déclaré la Finlande suédoise *province* russe. Comme Votre Majesté l'a très bien jugé, la sûreté de ma capitale l'exigeait"...[1])

Со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи предѣлы ея національной самобытности были не съужены, а въ разное время значительно расширены, однако до размѣровъ государственной независимости доведены не были никогда.

Основнымъ актомъ, опредѣляющимъ отношенія Финляндіи къ Россіи служитъ Фридрихсхамскій трактатъ 1809 г., признавшій Финляндію, состоящею „въ собственности и

---

[1]) S. Tatistcheff. Alexandre I-er et Napoléon d'après leur correspondance inédite (1801—1812). Paris, 1891, p. 382. „Господинъ мой братъ, адресую эти строки Вашему Величеству, чтобъ сообщить, что вся шведская Финляндія въ настоящее время покорена... я объявилъ шведскую Финляндію русской провинціей. Какъ Ваше Величество очень хорошо разсудили, безопасность моей столицы требовала этого".

державномъ обладаніи Имперіи Россійской". Но финляндцы этого знать не хотятъ и основываютъ свои права на государственную независимость, почти исключительно на словахъ, на болѣе или менѣе неудачныхъ выраженіяхъ, употребленныхъ въ офиціальныхъ бумагахъ, на обмолвкахъ государственныхъ дѣятелей. Чаще всего финляндцы, въ подтвержденіе своей независимой и національной государственности ссылаются на слѣдующія, помѣщенныя Сперанскимъ въ его отчетѣ за 1811 г., слова: „Финляндія есть государство, а не губернія". Но этому историческому документу можно противопоставить поданную Сперанскимъ же государю записку, въ которой онъ писалъ: „*такъ называемые* государственные доходы сего *края* поступаютъ въ распоряженіе самой *провинціи*". Ссылаются финляндцы также на не подписанный черновой секретный рескриптъ Александра I-го, на имя финляндскаго генералъ-губернатора, подлинникъ котораго не существуетъ и въ которомъ говорилось: „Намѣреніе мое при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ, чтобы дать народу сему бытіе политическое,... для сего сохранены ему не только гражданскіе, но и политическіе его законы". Рескриптъ этотъ, совершенно независимо отъ того, былъ ли онъ подписанъ государемъ и дошелъ ли по назначенію, по содержанію своему ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ существованія въ Финляндіи особыхъ, не только гражданскихъ, но и политическихъ законовъ, отрицать нельзя, но этимъ еще не разрѣшается вопросъ о томъ, составляетъ ли Финляндія самостоятельное государство или автономную область Россійской Имперіи, такъ какъ и въ автономныхъ областяхъ могутъ быть свои мѣстные политическіе и даже учредительные конституціонные законы, опредѣляющіе предѣлы ихъ политической автономіи (напримѣръ Канада, Австралія, Новая Зеландія, Трансвааль въ Британской Имперіи). Инаго значенія не имѣетъ и заявленіе Александра I на сеймѣ въ Борго 1809 г., сдѣланное въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Произволеніемъ Всевышняго, вступилъ въ обладаніе Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, признали мы за благо симъ вновь подтвердить и удостовѣрить религію,

коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные оное населяющія отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались". Съ другой стороны, документальныхъ доказательствъ того, что Финляндія *называлась* провинціей Россійской Имперіи не обобраться. Называлась она такъ въ приведенномъ выше письмѣ Александра I къ Наполеону,— называлась она провинціей и въ протоколахъ сейма въ Борго, на которомъ земскіе чины именовали себя „русскими подданными". Финляндцы именуются русскими подданными и въ финляндскомъ Уголовномъ Уложеніи, въ которомъ неоднократно упоминается: „финляндецъ или иной подданный Россійскаго государства". Въ юридическомъ учебникѣ профессора Пальмена („Juridisk hand. bok för medborgerliy bildnig") изданномъ въ 1857 г. Финляндія называется „провинціей" (стр. 103 — 255).

Но гораздо важнѣе названій — реальныя свойства существующаго между Финляндіей и Россіей политическаго единенія. Финляндія не представляетъ изъ себя, въ международномъ смыслѣ, самостоятельной государственной личности. Внѣ Россіи, она для остальнаго міра, въ политическомъ смыслѣ, не существуетъ, не имѣетъ собственнаго государственнаго бытія.

Слѣдующіе примѣры иллюстрируютъ это положеніе. Недавно разрѣшенъ согласіемъ между Россіей, державами, подписавшими Парижскій трактатъ, и Швеціей, вопросъ о финляндскихъ Аланскихъ островахъ, какъ части территоріи Россійской Имперіи и обсуждался онъ только съ точки зрѣнія интересовъ національнаго достоинства Россіи. Другой примѣръ: въ періодической печати сообщалось, что заграницей молодымъ финляндцамъ отказываютъ въ принятіи ихъ въ учебныя заведенія безъ представленія документовъ, удостовѣряющихъ ихъ русское подданство.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать совершенно безспорнымъ, что Финляндія не имѣетъ никакого права на отдѣльное отъ Россійской Имперіи „государственное" положеніе, а Россія, въ предѣлахъ своихъ финляндскихъ вла-

дѣній, имѣетъ государственные интересы, высокое значеніе которыхъ соотвѣтствуетъ положенію нашего отечества, какъ міровой державы. Понятно, что охрана этихъ интересовъ можетъ быть предоставлена не мѣстной, финляндской, а только центральной имперской власти.

Въ нашихъ Основныхъ Законахъ такое отношеніе Финляндіи къ Имперіи установлено недовольно ясно и опредѣлительно. Статья 2-ая Законовъ Основныхъ изложена такъ: „Великое Княжество Финляндское, составляя нераздѣльную часть Государства Россійскаго, *во внутреннихъ своихъ дѣлахъ* управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства". Въ такой редакціи законъ этотъ не лишаетъ финляндскихъ сепаратистовъ возможности, вопреки намѣренію законодателя, доказывать, что онъ исключаетъ изъ компетенціи финляндскихъ властей только дѣла иностранной политики и ничѣмъ не ограничиваетъ верховную власть государства Финляндіи во всѣхъ безъ исключенія внутреннихъ дѣлахъ, законодательныхъ и управленія. Они будутъ считать и впредь дѣла ихъ военной организаціи, опредѣленіе стратегическаго значенія желѣзныхъ дорогъ, права русскихъ въ Финляндіи и другія дѣла имперскаго значенія своими домашними дѣлами и всякое въ нихъ вмѣшательство преслѣдованіемъ, произволомъ, нарушеніемъ ихъ историческихъ правъ, ихъ и нашихъ основныхъ законовъ.

Положенію, занимаемому Финляндіей въ составѣ Россійской Имперіи, соотвѣтствовала бы такая редакція 2-ой статьи нашихъ Основныхъ Законовъ, которая предоставила бы Финляндіи управляться особыми установленіями на основаніи особаго законодательства въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ *„мѣстнаго значенія"*. Затѣмъ, чтобы автономіи Финляндіи дать твердые устои, а изъ отношеній ея къ Имперіи устранить всякую неопредѣленность, которою финляндцы склонны злоупотреблять, надо въ нашихъ Основныхъ Законахъ, въ особомъ приложеніи къ статьѣ 2-ой, помѣстить точное перечисленіе тѣхъ предметовъ управленія и законодательства, за которыми признается государственное зна-

ченіе, а также опредѣлить порядокъ ихъ разрѣшенія имперскими властями при участіи финляндскаго представительства. Въ этомъ направленіи уже работали правительственныя совѣщанія подъ предсѣдательствомъ покойнаго Н. Х. Бунге, Н. С. Таганцева и графа Д. М. Сольскаго, но труды ихъ остались не завершенными.

Въ 1893 г., въ совѣщаніи Н. Х. Бунге, была самимъ министромъ статсъ-секретаремъ Финляндіи фонъ-Деномъ установлена слѣдующая классификація касающихся Финляндіи законовъ:

1) Законы, которые по существу своему имѣютъ одинаковую силу какъ въ Имперіи, такъ и въ Финляндіи. Къ нимъ принадлежатъ основные государственные законы Россійской Имперіи, примѣненіе коихъ въ Финляндіи обусловливается тѣмъ, что она составляетъ нераздѣльную часть Россійскаго государства; учрежденіе объ Императорской фамиліи, акты международныхъ соглашеній, законы и постановленія, касающіеся внѣшней защиты государства и т. д.

2) Законы общіе для всей Имперіи со включеніемъ Финляндіи, которые объявляются къ исполненію во всѣхъ частяхъ Имперіи, не исключая и Финляндіи.

3) Законы, которые хотя и издаются для одной Финляндіи, но имѣютъ отношеніе ко всей Имперіи (напр. законы уголовные).

4) Законы, имѣющіе исключительно мѣстное для Финляндіи значеніе.

При этомъ ген.-лейт. фонъ-Денъ находилъ, что законы перваго разряда имѣютъ уже свой опредѣленный порядокъ составленія и обнародованія, независимый отъ финляндскихъ властей.

Въ болѣе конкретномъ изложеніи, слѣдующія учрежденія и дѣла, насколько они касаются Финляндіи, должны-бы по мнѣнію моему получить обще-государственное, имперское значеніе.

1) По вѣдомству *иностранныхъ дѣлъ*. Русскій дипломатическій корпусъ, консула и другіе агенты за границей обслуживаютъ и Финляндію въ качествѣ составной части рос-

сійскаго государства. Всякія домогательства финлянцевъ объ учрежденіи за границей торговыхъ и иныхъ агентствъ должны быть отклоняемы. Международное и государственное значеніе имѣютъ для Финляндіи только русскіе національные цвѣта. Только русскій флагъ обезпечиваетъ плавающимъ подъ нимъ финляндскимъ торговымъ судамъ почетъ и покровительство. Ничто не мѣшаетъ финамъ усвоить для своей страны особыя національныя цвѣта, но и въ предѣлахъ Финляндіи, финскій флагъ долженъ вездѣ уступать первое мѣсто русскому, который, развѣваясь надъ дворцомъ генералъ-губернатора и другими имперскими учрежденіями будетъ напоминать всѣмъ и каждому, что здѣсь Россійская Имперія.

2) *Войско.* Стратегическое значеніе Финляндіи исключаетъ всякую возможность существованія на этой окрайнѣ независимой военной силы. Здѣсь могутъ быть только *воинскія части* органически связанныя съ русской арміей строгимъ воинскимъ „командным“ подчиненіемъ и всесторонней общностью организаціи, комплектованія, обученія, тактики, вооруженія, обмундированія и военно-уголовнаго законодательства. При этихъ условіяхъ само собой понятно, что финляндскіе офицеры должны основательно знать русскій языкъ и командные слова должны быть русскіе. Только въ предѣлахъ такой государственной необходимости могутъ быть допущены нѣкоторыя особенности, вызываемыя автономнымъ положеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

Такъ командиру финляндскаго отдѣльнаго корпуса могутъ быть присвоены права начальника военнаго округа, что вызывается не только удобствомъ, но и практической необходимостью сосредоточить въ Финляндіи окружныя хозяйственныя учрежденія, интенданскія, провіантскія, медицинскія и другія, которыя должны содержаться на средства финляндской казны.

Финляндскій отдѣльный корпусъ долженъ быть затѣмъ подчиненъ высшей военной инспекціи, главному штабу и военному министру.

Государственная польза вовсе не требуетъ службы финскихъ воинскихъ частей внѣ границъ Финляндіи въ мирное время, за исключеніемъ маневровъ для практики дѣйствій крупными массами. Поэтому нѣтъ никакого справедливаго основанія отказать финляндцамъ въ законѣ, который, установивъ обязательство финскихъ войскъ служить въ военное время гдѣ надобность укажетъ, оговорилъ-бы, что въ мирное время, они могутъ быть вызываемы изъ Финляндіи только на лагерное время для участія въ маневрахъ въ составѣ войскъ С.-Петербургскаго военнаго округа.

Финляндія всегда открыта для русскихъ войскъ въ неограниченномъ ихъ численномъ составѣ въ силу простого соотношенія силъ ея и Имперіи, а потому едва-ли есть основаніе подкрѣплять эту возможность велѣніями писанаго права, но требуется законъ, опредѣляющій порядокъ расквартированія русскихъ войскъ, когда встрѣтится надобность ихъ ввести въ Финляндію.

Въ полномъ и исключительномъ веденіи имперскихъ властей должны состоять русскія крѣпости въ Финляндіи и законъ о крѣпостныхъ эспланадахъ имѣетъ имперское, а не мѣстное значеніе. Тоже относится и къ лоціи на финляндскомъ морскомъ побережьи.

Такая военная организація на нашей финской окраинѣ требуется для того времени, когда отношенія Финляндіи къ Имперіи примутъ нормальный и мирный характеръ, но установлена она должна быть закономъ теперь-же, чтобы финляндцамъ уже отнынѣ былъ доподлинно извѣстенъ допустимый предѣлъ отступленій отъ общаго порядка въ военномъ законодательствѣ, во вниманіе къ ихъ областной автономіи и не возбуждала никакихъ сомнѣній тщета всякихъ по этому предмету сужденій и домогательствъ. Для введенія-же такого военнаго закона въ дѣйствіе время еще далеко не наступило: для этого должны быть прочныя гарантіи того, что финляндское воинство не измѣнитъ русскому знамени, подъ которымъ ему суждено служить и честь котораго должна стать для финляндскаго солдата дороже жизни.

Независимое отъ русской арміи войско можетъ быть нужно для Финляндіи *только противъ Россіи* и домогаясь обособленности своихъ вооруженныхъ силъ она намъ ясно говоритъ, что враги Россіи, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ встрѣтить въ ней союзника. Этимъ все сказано. Войско всегда выражаетъ настроеніе народа, къ которому оно принадлежитъ, а настроеніе финляндскаго населенія еще не такое, чтобы Россія могла положиться на его вѣрность. Между тѣмъ со стороны инородцевъ, которыхъ историческія судьбы сдѣлали гражданами Россійской имперіи, одной вѣрности мало. Россія вправѣ отъ нихъ требовать, чтобы, не измѣняя своимъ національнымъ чувствамъ и дорожа своими племенными особенностями, они усвоили себѣ и русскій патріотизмъ, чтобы они чувствовали себя обязанными защищать честь, достоинство, безопасность и величіе *своего* государства россійскаго.

Время для введенія въ Финляндіи военной организаціи, приноравленной къ особенностямъ ея автономнаго положенія, настанетъ тогда, когда и на этой окраинѣ уляжется мертвая зыбь, оставшаяся послѣ пронесшейся надъ Россіей революціонной бури. Покуда же не остается ничего другого, какъ продолжить окупацію Финляндіи русскими войсками, замѣнивъ тамъ натуральную воинскую повинность уплатой имперской казнѣ ежегодной дани, размѣръ которой долженъ быть опредѣленъ, въ общемъ законодательномъ порядкѣ, пропорціонально суммѣ, которая на содержаніе вооруженныхъ силъ Имперіи приходится въ Россіи на одну душу населенія (приблизительно 3 р. 50 к.). Это увеличитъ сумму, платимую Финляндіей теперь на этотъ предметъ изъ статнаго фонда, больше чѣмъ вдвое, но не будетъ превышать средствъ Финляндіи, судя по тому, что чрезвычайный сеймъ 1899 г. самъ ходатайствовалъ объ увеличеніи контигента дѣйствующихъ войскъ съ 5.200 до 12.000, а кадровъ болѣе чѣмъ вдвое. Обыкновенная осторожность заставляетъ затѣмъ предупредить подпольное вооруженіе Финляндіи, воспретивъ устройство всякихъ организацій для воинскихъ упражненій, вродѣ красной и бѣлой гвардіи, воймы и стрѣлковыхъ обществъ,

а также и изготовленіе и ввозъ пригоднаго для этихъ упражненій оружія.

3) *Желѣзныя дороги.* Финляндскія желѣзныя дороги интересуютъ Россію только со стороны ихъ стратегическаго значенія. Поэтому слѣдуетъ предоставить Совѣту Министровъ Имперіи опредѣлить, которыя изъ нихъ этимъ значеніемъ обладаютъ, для подчиненія ихъ, въ законодательномъ порядкѣ, технической и военной инспекціи имперскихъ чиновъ. Въ этихъ же стратегическихъ видахъ на предварительное разсмотрѣніе Совѣта Министровъ должны быть представляемы всѣ проекты новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Финляндіи и переустройства существующихъ.

4) *Почта и телеграфъ* въ Финляндіи уже объединенные, къ общей выгодѣ, съ имперскими почтовыми и телеграфными учрежденіями, должны сохранить эту связь и на будущее время, причемъ измѣненія существующихъ въ этой отрасли управленія въ Финляндіи порядковъ, какъ близко затрогивающія интересы и удобства русской публики, должны слѣдовать порядку производства дѣлъ общаго для Финляндіи и Имперіи значенія.

5) *Таможенная черта и монетная система.* Въ царствованіе Императора Александра II Финляндіи были дарованы особыя отъ коренной Россіи таможенное огражденіе и монетная система. Обособленность по этимъ предметамъ совершенно не свойственна автономнымъ странамъ, составляющимъ органическую часть общаго государственнаго цѣлаго,—и Финляндія воспользовалась этой обособленностью не по праву независимаго государства, а вымоливъ его у благодушнаго монарха въ виду мѣстныхъ удобствъ. Въ дѣйствительности обѣ мѣры, не измѣняя существа отношеній Финляндіи и коренной Россіи, представляютъ несомнѣнную въ этихъ отношеніяхъ аномалію, вызывая какъ для русскихъ, такъ и для финновъ множество практическихъ неудобствъ, дающихъ поводъ и для взаимнаго раздраженія.

Таможенная черта между Россіей и ея сѣверной окраиной имѣетъ въ принципіальномъ смыслѣ значеніе существующихъ еще въ иныхъ государствахъ внутреннихъ заставъ

(octrois), не болѣе того, и въ практическомъ отношеніи для Финляндіи явно не выгодна: она даетъ Имперіи возможность если не совсѣмъ разорить Финляндію, то во всякомъ случаѣ остановить ростъ ея обрабатывающей промышленности, преградивъ доступъ ея произведеній на русскія рынки къ очевидной выгодѣ русскихъ фабрикъ и заводовъ. Въ крайности представлялось-бы возможнымъ, для поощренія фермерскаго хозяйства по сю сторону границы, установить запретительный тарифъ и для продуктовъ финляндскаго сельско-хозяйственнаго производства. Для русскихъ-же произведеній, Финляндія какъ потребительный рынокъ, не имѣетъ рѣшительно никакого значенія.

Что касается до особой монетной системы, то она представляла для Финляндіи несомнѣнныя выгоды только до возстановленія въ Россіи золотого обращенія. Финляндцы указываютъ въ этомъ отношеніи на выгоды, проистекающія отъ болѣе мелкаго эталона. Если и допустить въ этомъ отношеніи извѣстное преимущество за болѣе мелкой единицей денежнаго обращенія, то оно во всякомъ случаѣ не искупаетъ всѣхъ неудобствъ различныхъ монетныхъ системъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ одного и того-же государства.

Объ упраздненіи таможенной черты и возстановленіи общей монетной системы не трудно будетъ договориться съ Филяндіей на экономической почвѣ, когда надежда на государственную обособленность ее отъ Россіи будетъ ею окончательно утрачена. Она этими аномаліями въ экономической сферѣ нашихъ отношеній можетъ дорожить только какъ внѣшними призраками государственной независимости.

Покуда дѣла таможенныя и дѣла относящіяся къ монетной системѣ должны почитаться дѣлами затрогивающими имперскіе интересы Россіи.

6. *Дѣла общеимперскаго значенія въ судебной сферѣ.* Если Финляндія не самостоятельное государство, а автономная часть государства россійскаго, то на нее долженъ распространяться отдѣлъ имперскаго Уголовнаго Уложенія о преступленіяхъ государственныхъ.

Точно также между Имперіей и Финляндіей не можетъ существовать никакихъ договорныхъ обязательствъ о выдачѣ преступниковъ, о допросѣ обвиняемыхъ и свидѣтелей, объ арестѣ и припровожденіи по принадлежности лицъ привлекаемыхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ взаимной провѣркѣ подлежитъ только правильность требованія съ формальной стороны. Экстрадиціи между Россіей и ея финляндской окраиной быть не можетъ.

7. *Русскій языкъ въ Финляндіи.* Дѣлопроизводственнымъ языкомъ въ мѣстныхъ финляндскихъ учрежденіяхъ и языкомъ учебнаго преподаванія въ Финляндіи, странѣ финновъ, долженъ-бы быть по справедливости одинъ языкъ финскій, но сохраненіе офиціальнаго значенія и за шведскимъ языкомъ есть ее домашее дѣло. При томъ преобладающемъ значеніи въ законодательствѣ страны, которое теперь обезпечиваетъ за финнами новый избирательный законъ, они разрѣшатъ этотъ вопросъ согласно своимъ потребностямъ и вкусамъ. Но русскій языкъ, какъ государственный, долженъ предъявить свои права въ Финляндіи совершенно независимо отъ того предпочитаютъ-ли ему наши финскіе сограждане языкъ своихъ прежнихъ завоевателей или нѣтъ. Это вопросъ общегосударственный, а не мѣстный финляндскій.

Русскій языкъ долженъ быть предметомъ общественнаго преподаванія на всемъ пространствѣ Имперіи и въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ степеней. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть сдѣлано исключенія ни для Финляндіи, ни для Царства Польскаго, если-бы ему была предоставлена автономія. Требованіе имперской власти объ обязательномъ преподаваніи русскаго языка не было-бы даже въ Финляндіи новшествомъ. Мѣры обученія финляндцевъ русскому языку были приняты тотчасъ-же послѣ поступленія Финляндіи „въ державное обладаніе Россіи“, а Выборгская губернія была присоединена къ Финляндіи уже вполнѣ обруселою.

Въ январѣ 1812 г. правительствующій совѣтъ Великаго Княжества (нынѣ сенатъ), обсудивъ предположенія графа Армфельта о порядкѣ производства испытаній въ

русскомъ языкѣ молодымъ людямъ, готовящимся къ поступленію на государственную службу, одобрилъ ихъ „*въ уваженіе пользы и необходимости для чиновниковъ и служащихъ въ Финляндіи знать россійскій языкъ*“. Въ томъ же году послѣдовало распоряженіе о назначеніи въ мѣстныя учебныя заведенія особыхъ учителей русскаго языка, съ тѣмъ чтобы „по истеченіи пяти лѣтъ, считая со времени снабженія вышеупомянутыхъ училищъ учителями русскаго языка, *всѣ молодые люди, желающіе вступить въ духовную, военную и гражданскую службу, обязаны были публично доказать надлежащія свои познанія въ россійскомъ языкѣ*“. Въ слѣдующемъ 1813 г. правительствующій совѣтъ Финляндіи отъ имени Монарха подтвердилъ, чтобы съ 1-го мая 1818 года „никакой студентъ, кто бы онъ ни былъ, не могъ быть принимаемъ въ духовное званіе или получить академическое свидѣтельство для пріисканія себѣ иной публичной должности, ежели онъ не доказалъ, что имѣетъ требуемую способность въ россійскомъ языкѣ“. Въ 1824 и 1831 гг. были допущены изъ этого правила изъятія для лицъ духовнаго званія и для учителей, но для пріема на службу по мѣстнымъ гражданскимъ учрежденіямъ требованія относительно знанія русскаго языка подтверждались еще разъ въ 1828 г. Затѣмъ, въ 1841 г. было установлено, чтобы финляндцамъ, которые, при равныхъ прочихъ условіяхъ, окажутъ наибольшіе успѣхи въ русскомъ языкѣ, давались особыя преимущества при опредѣленіи на службу. Въ томъ же году для надзора за успѣхами обученія русскому языку назначены были экзаменаторы, непремѣнно *изъ русскихъ* уроженцевъ, обязанные ежегодно посѣщать всѣ учебныя заведенія для повѣрки успѣшности занятій воспитанниковъ русскимъ языкомъ. По Высочайшему постановленію объ элементарныхъ учебныхъ заведеніяхъ Финляндіи, (21-го іюня 1841 г.) русскій языкъ былъ уже поставленъ *во главѣ прочихъ языковъ* и преподавался безусловно во всѣхъ училищахъ.

Только съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія русскій языкъ начинаетъ послѣдовательно вытѣсняться изъ учебныхъ заведеній Финляндіи.

Первоначально имѣлось ввиду ввести русскій языкъ вмѣсто шведскаго и въ дѣлопроизводство всѣхъ финляндскихъ учрежденій. Въ первый же годъ присоединенія Финляндіи, 19 ноября 1808 г., было установлено, чтобы всѣ дѣла производились „на нынѣ употребляемомъ въ Финляндіи языкѣ, *доколѣ войдетъ въ употребленіе россійскій*". Извѣстный финляндскій дѣятель Спренгпортенъ, принимавшій близкое участіе въ организаціи управленія Финляндіей по присоединеніи ея къ Россіи, въ поданномъ Императору Александру I „планѣ временнаго управленія Финляндіей" писалъ: „дѣла будутъ производиться, *за невозможностью поступить иначе*, на нынѣ господствующемъ въ краѣ языкѣ; но когда попеченіями правительства будутъ учреждены *школы русскаго языка*, этотъ языкъ *въ качествѣ главнаго* будетъ введенъ вообще въ дѣлопроизводство, вмѣстѣ съ *финскимъ*, какъ народнымъ".

Съ того времени прошло безъ малаго столѣтіе и нѣтъ основаній возобновлять попытки такой полной руссификаціи нашей финляндской окраины, неудавшейся нетолько влѣдствіе сепаратискихъ тенденцій свекомановъ, но и благодаря дѣйствіямъ, а когда и бездѣйствію самаго русскаго правительства,—но безусловно необходимо сдѣлать знаніе русскаго языка обязательнымъ для служащихъ въ финляндскихъ учрежденіяхъ, имѣющихъ надобность въ сношеніяхъ съ имперскими властями, въ томъ числѣ съ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ или входящихъ въ непосредственное соприкосновеніе съ публикой (почта, телеграфъ, телефонъ, таможня и др.).

Знаніе русскаго языка должно быть обязательно для сенаторовъ и всѣхъ въ сенатѣ служащихъ должностныхъ лицъ, причемъ пренія должны происходить въ сенатѣ на русскомъ языкѣ всегда, когда, въ немъ генералъ-губернаторъ признаетъ нужнымъ предсѣдательствовать лично. На русскомъ языкѣ должна быть прочитана тронная рѣчь сейму, а отвѣтъ на нее можетъ быть прочтенъ тальманомъ на финскомъ языкѣ и вслѣдъ затѣмъ въ его русскомъ переводѣ тальманомъ-же, чтобы его поняли генералъ-губерна-

торъ и всѣ присутствующіе русскіе служащіе и частныя лица. Всѣ обращенія русскихъ властей, въ томъ числѣ и генералъ-губернатора, словесныя и письменныя, къ мѣстнымъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ должны производиться на русскомъ языкѣ.

Въ публичныхъ объявленіяхъ на улицахъ, площадяхъ, публичныхъ зданіяхъ, въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ и т. д. долженъ обязательно быть помѣщаемъ и русскій ихъ текстъ и притомъ на первомъ мѣстѣ. Мнѣ возразятъ, что это мелочи. Да,—но въ жизни народовъ, какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ, есть мелочи, которыя имѣютъ важное значеніе. Нужно, чтобы русскій человѣкъ на всемъ необозримомъ пространствѣ Россійской Имперіи чувствовалъ себя дома и чтобы иностранцы, находясь въ Финляндіи или Польшѣ сознавали, что они въ Россіи. Когда я, русскій, сажусь въ столицѣ русскаго государства, моей родины, въ вагонъ финляндской желѣзной дороги и читаю въ немъ повелительныя объявленія, въ которыхъ русскому языку отведено третье мѣсто и притомъ въ безграмотномъ изложеніи,—я чувствую себя оскорбленнымъ въ своемъ національномъ достоинствѣ.

8. *Права русскихъ въ Финляндіи.* Финляндцы пользуются въ Россіи всей полнотой правъ, — политическихъ, гражданскихъ и экономическихъ, — принадлежащихъ коренному русскому населенію Имперіи. Уже въ 1809 г., въ самый годъ присоединенія Финляндіи къ Россіи, послѣдовало Высочайшее повелѣніе поступать съ пріѣзжающими въ Имперію финляндцами, какъ съ пріѣзжими изъ внутреннихъ губерній, а въ 1825 г., было вновь указано, что финляндцы не считаются въ Имперіи иностранцами.

Финляндцы засѣдаютъ въ Государственномъ Совѣтѣ и могутъ быть избираемы въ Государственную Думу; для нихъ открыта военная карьера и государственная служба, въ которой они занимали самыя высшія должности до министровъ включительно. Они могутъ пріобрѣтать въ Россіи всякую недвижимую собственность и не подвергаются никакимъ ограниченіямъ въ промышленности и торговлѣ: ихъ желѣзная дорога подходитъ къ столицѣ Имперіи; ихъ шкипера

плаваютъ на Невѣ и на всѣхъ рѣчныхъ системахъ Россіи; они имѣютъ равное съ русскими право на учрежденіе всевозможныхъ акціонерныхъ компаній; до 30.000 финляндцевъ находятъ въ Россіи пропитаніе въ промышленности и торговлѣ.

Русскіе-же въ Финляндіи лишены всякихъ политическихъ правъ, ихъ гражданскія права существеннымъ образомъ ограничены, а участіе ихъ въ промышленной дѣятельности этой русской окраины обусловлено прямо запретительными стѣсненіями. Избирательныхъ и служебныхъ правъ русскіе въ Финляндіи не имѣютъ. Право пріобрѣтать недвижимую собственность, значительно ограничено, тогда какъ нѣтъ государства въ которомъ даже иностранцы были бы этого права лишены. Наравнѣ съ иностранцами, русскимъ преграждено занятіе торговлею, фабричною и ремесленною промышленностью требованіемъ поручительства и особаго обезпеченія въ уплатѣ податей и повинностей за три года. Установленное имперскимъ закономъ 1839 г. право русскихъ крестьянъ и мѣщанъ заниматься въ Финляндіи разносною торговлею наравнѣ съ финскими крестьянами, сохранившееся въ 123 ст. Устава о паспортахъ (изд. 1890 г.), отмѣнено финляндцами въ 1879 г. даже безъ всякаго сношенія съ русскими властями. До 1904 г. русскимъ воспрещалась книжная торговля и содержаніе типографій, литографій, металографій, библіотекъ и кабинетовъ для чтенія. Русскимъ въ финляндіи запрещено торговать аптекарскими товарами и ядами, курить вино и продавать его, а также заниматься очисткой спирта. Русскіе не могутъ быть членами правленія банковъ и участниками открытаго банковаго товарищества. Русскимъ не можетъ быть выдаваемо разрѣшеній на постройку желѣзныхъ дорогъ, финляндцы запрещаютъ проживающимъ въ Финляндіи русскимъ проявлять бережливость, учреждая сберегательныя кассы. Этотъ списокъ еще не исчерпываетъ ограниченій, которымъ подвергаются въ Финляндіи русскіе наравнѣ съ иностранцами. Но есть и ограниченія болѣе тяжкія для русскихъ нежели для иностранцевъ. Такъ, переселеніе въ Финляндію для русскаго крестьянина или мѣщанина обу-

словлено проживаніемъ въ краѣ 6 лѣтъ и уплатою 1.000 р. финляндскимъ благотворительнымъ и рабочимъ заведеніямъ, тогда какъ для иностранца довольно для этого пребыванія въ краѣ въ теченіе 3-хъ лѣтъ, при условіи, однако, чтобы онъ до этого не проживалъ въ Россіи. Въ связи съ этими ограниченіями правъ русскихъ въ Финляндіи, отмѣчу, какъ курьезъ, что лицамъ исповѣдующимъ православную вѣру, ни подъ какимъ видомъ не разрѣшается преподавать исторію.

Закономъ изданнымъ въ порядкѣ, который будетъ установленъ для дѣлъ обще-государственнаго значенія, всѣ существующія ограниченія правъ русскихъ въ Финляндіи должны быть отмѣнены и установлено, что русскіе въ Финляндіи, также какъ финляндцы въ Россіи, пользуются одинаковыми правами, которыя не могутъ быть ограничиваемы въ силу ихъ національнаго происхожденія. При весьма важномъ принципіальномъ значеніи такого закона, отмѣна существующаго ограниченія политическихъ правъ русскихъ въ Финляндіи, практически, мало въ чемъ измѣнитъ существующее положеніе, такъ какъ число русскихъ, знакомыхъ съ мѣстными языками настолько, чтобы вести на этихъ языкахъ дѣлопроизводство въ мѣстныхъ учрежденіяхъ края, совершенно ничтожно, а для пользованія избирательнымъ правомъ въ мѣстный сеймъ справедливо было бы поставить условіемъ для всѣхъ обязательнымъ умѣніе говорить, читать и писать по фински, на языкѣ мѣстнаго кореннаго населенія. Что касается ограниченій относительно пріобрѣтенія недвижимой собственности и большинства приведенныхъ выше ограниченій въ сферѣ экономической, нельзя не замѣтить, что ихъ не существуетъ ни въ одномъ государствѣ даже для иностранцевъ.

Евреи лишены въ Финляндіи всякихъ правъ. Пребываніе ихъ тамъ допускается только по разрѣшеніямъ даваемымъ отдѣльнымъ лицамъ, а высылка зависитъ отъ усмотрѣнія органовъ управленія. Они не пользуются въ Финляндіи и правами иностранцевъ, какъ русскіе, а до 1879 г. имъ было запрещено вступать въ бракъ даже между собою.

Здѣсь не мѣсто обсуждать еврейскій вопросъ, который выходитъ изъ рамокъ нашей окраинной политики и я имѣю въ виду поговорить о немъ особо. Но какъ бы онъ въ Россіи ни разрѣшился, Финляндія во всякомъ случаѣ не имѣетъ права ограничивать у себя и тѣ права русскихъ евреевъ, которыми они пользуются въ коренной Россіи.

9. *Возсоединеніе Выборгской губерніи съ коренной Россіей*, предлагаемое иными русскими политиками для вящаго охраненія „внѣшней крѣпости нашей родины, какъ мощнаго, исторически сложившагося цѣлаго“, — съ узкой, формально-юридической точки зрѣнія, могло-бы послѣдовать въ томъ же порядкѣ, въ которомъ совершилось при Александрѣ I присоединеніе ее къ Финляндіи, т. е. въ порядкѣ разрѣшенія вопроса нашей внутренней политики обще-государственнаго значенія. Но по существу дѣла надо помнить, что присоединеніе Выборгской губерніи къ Финляндіи покрыто столѣтнею давностью; что за это время Выборгская губернія успѣла съ Финляндіей органически сростись, привязаться къ ней узами тѣмъ болѣе крѣпкими, что соединеніе послѣдовало между территоріями одноплеменными. Губернія эта уже освоилась съ мѣстными особенностями финляндскаго управленія, усвоила отличныя отъ русскихъ правовыя нормы, съ которыми связаны серьезные матерьяльные интересы и отношенія семейныя и родственныя. Кромѣ того для Россіи важно разрѣшить финляндскій вопросъ такимъ образомъ, чтобы обезопасить себя отъ государственной измѣны не въ одной Выборгской губерніи, а во всей Финляндіи. Во всякомъ случаѣ нельзя каждые сто лѣтъ перебрасывать эту область отъ Финляндіи къ Россіи и обратно, не спросясь ея населенія. Въ крайнемъ случаѣ вопросъ объ отдѣленіи Выборгской губерніи отъ Финляндіи могъ бы быть рѣшенъ не иначе какъ плебицитомъ.

Я не вижу другихъ дѣлъ, которыя, касаясь Финляндіи, затрогивали бы вмѣстѣ съ тѣмъ и обще-государственные интересы. Въ качествѣ дѣлъ государственнаго, а не мѣстнаго значенія, дѣла этого рода могутъ быть разрѣшаемы только имперскими учрежденіями: въ порядкѣ управленія Совѣтомъ

Министровъ, а въ законодательномъ порядкѣ въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ, получая санкцію въ велѣніяхъ не Великаго Князя Финляндскаго, а Императора Всероссійскаго. Финляндіи должно быть предоставлено участіе въ ихъ разрѣшеніи, которое можетъ быть выражено введеніемъ въ составъ Совѣта Министровъ—Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго и участіемъ финляндскихъ представителей въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ при разрѣшеніи въ порядкѣ законодательномъ финляндскихъ дѣлъ, за которыми имперскими основными законами признано обще-государственное значеніе. Достаточно будетъ если имперскимъ закономъ будетъ опредѣлено число этихъ представителей. Опредѣлить способъ ихъ избранія можетъ быть предоставлено финляндскому народному представительству въ порядкѣ изданія въ Финляндіи мѣстныхъ учредительныхъ законовъ, которые, за изъятіемъ въ вѣдѣніе имперскихъ учрежденій указанныхъ выше предметовъ, финляндцы могутъ именовать какъ имъ угодно, ихъ основными законами, или формою правленія, или законами учредительными.

Когда будетъ опредѣленъ въ точности циклъ финляндскихъ дѣлъ обще-государственнаго значенія, а также способъ ихъ разрѣшенія, получатъ опредѣленность и содержательность государственныя функціи Генералъ-Губернатора въ Финляндіи, какъ представителя имперской власти въ краѣ. Тогда пріобрѣтетъ практическій смыслъ и реальное значеніе предсѣдательствованіе русскаго Генералъ-Губернатора въ финляндскомъ Сенатѣ, дающее ему возможность предупреждать вторженіе мѣстныхъ финляндскихъ властей въ область имперскихъ интересовъ. Какъ предсѣдатель Сената, Генералъ-Губернаторъ долженъ быть, очевидно, освѣдомленъ о всѣхъ подлежащихъ разрѣшенію Сената дѣлахъ, списокъ которыхъ, съ приложеніемъ докладныхъ записокъ въ русскомъ переводѣ, долженъ быть ему представляемъ настолько своевременно, чтобы онъ могъ сознательно выбрать тѣ дѣла, при разрѣшеніи которыхъ онъ признаетъ нужнымъ предсѣдательствовать лично. Отъ него, какъ пред-

сѣдателя должно зависѣть опредѣлить и очередь разсмотрѣнія дѣлъ.

Законъ, имперскій, долженъ предусмотрѣть тотъ случай, когда, по дѣлу признаваемому Генералъ-Губернаторомъ значенія обще-государственнаго не состоится въ Сенатѣ рѣшенія согласнаго съ его мнѣніемъ. Дѣла эти могли бы быть доводимы до разсмотрѣнія Перваго Департамента Правительствующаго Сената, какъ верховнаго имперскаго административнаго суда и разрѣшаться имъ при участіи опредѣленнаго числа финляндскихъ сенаторовъ судебнаго департамента.

Это при настоящемъ устройствѣ правящей власти въ Финляндіи, но въ ея организацію, для приданія ей большей стройности и цѣлесообразія, слѣдовало бы ввести существенныя измѣненія.

Генералъ-Губернатора Финляндіи, какъ представителя въ краѣ Императора Всероссійскаго, надо освободить отъ предсѣдательства въ Сенатѣ, и обезпечивъ его всѣми способами освѣдомленности по всѣмъ предметамъ мѣстнаго управленія, облечь его правомъ veto по отношенію къ каждому постановленію сейма и всякому распоряженію центральнаго органа мѣстной исполнительной власти, въ которомъ онъ усмотрѣлъ бы вторженіе въ запретную для мѣстнаго законодательства и управленія область предметовъ и дѣлъ обще-государственнаго значенія. Вызванные, такимъ образомъ конфликты относительно законныхъ предѣловъ законодательныхъ и административныхъ властей края, безъ всякаго вмѣшательства въ существо постановленій и распоряженій, должны разрѣшаться въ указанномъ выше судебно-административномъ порядкѣ, подобно тому, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки обыкновенному суду предоставлено право отмѣны даже вошедшихъ въ силу законовъ, по ихъ не конституціонности.

Самый Финляндскій Сенатъ долженъ бы быть преобразованъ обращеніемъ его хозяйственнаго департамента въ совѣтъ правленія, а судебный въ высшее мѣстное судебное учрежденіе.

Предсѣдательство въ совѣтѣ правленія, состоящемъ изъ начальниковъ отдѣльныхъ управленій, слѣдовало бы предоставить Министру Статсъ-Секретарю Великаго Княжества Финляндскаго, который, входя и въ составъ имперскаго Совѣта Министровъ, содѣйствовалъ бы установленію болѣе близкаго общенія высшихъ финляндскихъ и имперскихъ властей и взаимному пониманію государственныхъ и мѣстныхъ потребностей и интересовъ.

Помощникъ Финляндскаго Генералъ-Губернатора и чины его канцеляріи должны, само собою разумѣется состоять на государственной службѣ Имперіи, хотя могутъ быть назначаемы и изъ финляндскихъ уроженцевъ. Во всякомъ случаѣ хотя часть служащихъ въ канцеляріи Генералъ-Губернатора должна знать основательно мѣстные языки или одинъ финскій, если шведскій утратитъ въ Финляндіи значеніе языка офиціальнаго, — а также обладать знаніемъ финляндскихъ законовъ.

За такой реорганизаціей высшихъ органовъ власти въ Финляндіи, въ порядкѣ разрѣшенія дѣлъ обще-государственнаго значенія, финляндцамъ должно быть предоставлено самимъ опредѣлить взаимныя отношенія сейма и ихъ мѣстнаго правительства по конституціонной или парламентарной системѣ.

И за изъятіемъ изъ компетенціи мѣстныхъ финляндскихъ учрежденій дѣлъ обще-государственнаго значенія въ ихъ самостоятельномъ вѣдѣніи остается еще обширное поприще законодательной и административной дѣятельности: судъ, управленіе, уголовное, гражданское и торговое судопроизводство, тюремная часть, народное просвѣщеніе, аграрное и рабочее законодательство, организація промышленности и торговли, кредитъ во всѣхъ его видахъ, пошлины и налоги. Довольно этого перечисленія, чтобы составить себѣ представленіе о широкихъ предѣлахъ ихъ политической автономіи.

Весьма ограниченнымъ является бюджетное право финляндскаго народнаго представительства, основанное на старинныхъ шведскихъ положеніяхъ.

Ординарные расходы казны должны быть покрываемы ординарными доходами. Какъ тѣ, такъ и другіе находятся въ единоличномъ распоряженіи монарха. Если появлялись экстраординарные расходы, для покрытія которыхъ ординарные доходы оказывались недостаточными, монархъ обращался къ земскимъ чинамъ, предлагая имъ ассигновать чрезвычайныя дополнительныя средства. Отъ народнаго представительства зависѣло соглашаться на ассигнованіе такихъ средствъ, т. е. вотировать налоги, называвшіеся временными, или отказывать въ ассигнованіи. Но народное представительство не имѣло право, обсуждая необходимость и полезность новыхъ ассигнованій, вторгаться въ сферу финансовыхъ прерогативъ монарха, одобрять или не одобрять распоряженія, сдѣланныя монархомъ въ отношеніи ординарныхъ средствъ казны. Неудовольствіе сейма этими распоряженіями могло лишь выразиться въ отказѣ ассигновать добавочныя къ ординарнымъ суммы.

Что именно относится къ ординарнымъ расходамъ казны, — это было указано въ ординарномъ штатѣ (бюджетѣ), составленномъ по распоряженію короля Карла XI въ 1696 г. На эту роспись, какъ на основаніе формальнаго распредѣленія расходовъ и доходовъ казны, указано и въ ст. 24 формы правленія 1772 г.

Согласно этому нормальному ординарному штату къ числу ординарныхъ расходовъ, которые должны быть покрыты ординарными же доходами, отнесены расходы: на придворное вѣдомство, на главные органы управленія и суда, на провинціальные органы суда и управленія, на медицинское вѣдомство, на университетъ и среднія учебныя заведенія, на содержаніе духовенства, на войско, флотъ и на пенсіи.

Время обложенія по этой системѣ было для Финляндіи, со времени присоединенія къ Россіи, весьма легко, такъ какъ часть обязательныхъ расходовъ была еще Александромъ I отмѣнена и на надобности Имперіи Финляндія ничего не платитъ, — но за то бюджетное ее право оказывается въ политическомъ отношеніи крайне урѣзаннымъ, такъ какъ

обыкновенные доходы поступаютъ въ такъ называемые статный и милиціонный фондъ, которымъ монархъ распоряжается по своему усмотрѣнію.

Это положеніе представляетъ благопріятную почву для такого компромисса: имперскія законодательныя учрежденія будутъ опредѣлять минимумъ расходовъ Финляндіи на предметы, за которыми основными законами будетъ признано значеніе обще-государственное, въ пропорціи относительной къ численности населенія, и расходы въ этомъ размѣрѣ будутъ вноситься въ бюджетъ Финляндіи въ качествѣ расходовъ обязательныхъ. Во всемъ остальномъ финляндскому сейму можетъ быть, при этомъ условіи, предоставлена полная свобода обложенія, съ упраздненіемъ особыхъ статнаго и милиціоннаго фондовъ.

Я далеко не сторонникъ „Бобриковскаго режима“ въ Финляндіи и вполнѣ понимаю тревогу, которую она должна была испытать при нашествіи на нее цѣлой арміи русскихъ чиновниковъ и въ виду перспективы замѣны ея правоваго строя существовавшими въ то время въ Россіи государственными порядками. Не согласенъ я и съ тѣми политиками, которые предлагаютъ купить благорасположеніе Финляндіи уступчивостью ихъ сепаратическимъ стремленіямъ. Такой трафаретный либерализмъ, всегда сопровождаемый кастраціей чувства собственнаго національнаго достоинства, болѣе умѣстенъ на страницахъ энциклопедическихъ словарей „съ направленіемъ“, чѣмъ въ жизненной прозѣ практической политики. Вѣрный путь для разрѣшенія финляндскаго вопроса лежитъ между этими двумя крайностями.

Польза и даже безопасность Россіи требуютъ того, чтобы Финляндія, при ея географическомъ положеніи, находилась въ обладаніи Россіи и это обладаніе за нами обезпечено побѣдами Петра Великаго и фридрихсгамскимъ договорамъ 1809 г. Поступиться этимъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ мы могли бы только уступая силѣ, а не требованіямъ этическаго идеализма.

Финляндія безсильна порвать связывающія ее съ Россіей узы, слѣдовательно объ отторженіи ея, подъ какимъ бы

то ни было видомъ отъ Россіи и рѣчи быть не можетъ,—но обладаніе наше этой инородческой страной должно сопровождаться снисходительнымъ уваженіемъ къ національнымъ особенностямъ *финскаго народа*. Я подчеркиваю—финскаго народа,—потому что считаю историческую роль шведовъ въ Финляндіи уже съигранною. Въ ихъ культурной миссіи финны болѣе не нуждаются, а Россія ни дорожить ими, ни съ ними считаться въ своей финляндской политикѣ, не имѣетъ никакого основанія. Со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи, они были элементомъ разъединяющимъ Россію съ ея финской окраиной, препятствовавшимъ установленію между ними обоюднаго довѣрія. Въ послѣднее время, и это продолжается до сего дня, они служатъ въ Финляндіи ферментомъ революціоннымъ. Теперь революція у насъ кончилась, временный параличъ власти, переживаемый ею вездѣ и всегда въ извѣстный критическій моментъ народныхъ революціонныхъ движеній, прошелъ и традиціонная власть въ Россіи овладѣла собою вполнѣ, поэтому, навязанное шведами финскому народу, въ самомъ своемъ существѣ революціонное домогательство о государственнымъ обособленіи Финляндіи, надо отложить въ область историческихъ преданій. Исторія Великаго Княжества Финляндскаго со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи вплоть до манифеста 22 октября 1905 г. представляетъ изъ себя непрерывную цѣпь политическихъ интригъ, направленныхъ къ сохраненію за мѣстными шведами владычества надъ этой финляндской страной. Финны, однако, со свойственными ихъ національному характеру твердостью и упорствомъ, шагъ за шагомъ отвоевывали у прежнихъ завоевателей свою національную независимость и право быть хозяевами на своей родинѣ, и теперь, послѣ демократической реформы общественнаго строя Финляндіи, вызванной манифестомъ 22 октября 1905 г.,—окончательный упадокъ вліянія шведовъ на нашей финской окраинѣ, есть только вопросъ времени. Съ введеніемъ у насъ представительнаго правленія, у финляндскихъ шведовъ ушла почва изъ подъ ногъ и въ Россіи, такъ какъ здѣсь политическая интрига велась

ими при Дворѣ и въ правящихъ сферахъ съ полнымъ и высокомѣрнымъ пренебреженіемъ ко всему русскому, къ русскому народу, къ его интересамъ, къ его національному достоинству, къ его языку и культурѣ. Теперь, когда русскій народъ самъ сталъ, въ лицѣ своихъ представителей, на стражѣ своихъ интересовъ и національнаго достоинства, онъ уже воспользовался первою возможностью, чтобы сказать финляндцамъ свое властное quos ego? Но Финляндія можетъ быть спокойна, что въ сознаніи своей силы, онъ никогда не злоупотребитъ ею къ ущербу для національнаго правосознанія и достоинства финновъ,—а для финляндскихъ шведовъ, настоящее положеніе вещей ставитъ такую дилемму: или стать вѣрными гражданами русскаго государства, или уйти туда, откуда пришли ихъ предки.

Въ заключеніе—два поученія для финляндскихъ шведовъ и для Финляндіи вообще. Вотъ какъ поучаютъ финляндскихъ „свеномановъ“ ихъ земляки въ Швеціи: „Есть много поводовъ къ тому, чтобы финляндцы стали осторожнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Если панславистскія газеты, искусно использовавъ дѣло Воймы и другія внушающія подозрѣніе движенія въ финляндской общественной жизни, съумѣютъ внушить русскому народу представленіе, что Финляндія хочетъ стать независимой, то ея медовые дни скоро окончатся. Никто изъ русскихъ не будетъ равнодушенъ къ тому, что на разстояніи трехъ четвертей часа ѣзды изъ Петербурга находится болѣе или менѣе независимое государство“. (Изъ издающейся въ Стокгольмѣ газеты „Nya Dagligt Allehanda“).

Императоръ Александръ II, память котораго такъ чтитъ Финляндія, созвавъ въ 1863 г. финляндскій сеймъ, при закрытіи его предостерегалъ земскихъ чиновъ отъ сепаратизма въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Благодарю васъ за неоднократно выраженныя вами отъ лица финскаго народа чувства вѣрности и преданности ко Мнѣ, но не могу не сожалѣть о томъ, что нѣкоторыя пренія сейма подали поводъ къ недоразумѣніямъ касательно отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи. Россія открываетъ жителямъ Фин-

ляндіи обширное и безпрепятственное поприще торговли и промышленности, а благодушный русскій народъ не разъ, когда тяжелыя испытанія посѣщали вашъ край, доказывалъ свое братское сочувствіе и дѣятельную помощь. Слѣдовательно, ясное пониманіе истинныхъ пользъ Финляндіи должно склонить васъ къ упроченію, а отнюдь не къ ослабленію той тѣсной связи съ Россіей, которая служитъ неизмѣннымъ ручательствомъ благосостоянія вашей родины".

VII.

Кавказъ.

Кавказъ — это коренной устой внѣшняго могущества Россіи. Обладаніе Кавказомъ обезпечиваетъ намъ господство на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ. Отступленіе наше за Кавказскій хребетъ лишило бы безопасности не только наши Среднеазіатскія владѣнія, граничащія съ Индіей и Китаемъ, но даже и самыя устья Волги. Черезъ открытую намъ теперь Малую Азію ведетъ обходный путь къ Средиземному морю и закрытому для насъ съ этой стороны Босфору, а въ направленіи къ Персидскому Заливу, крѣпости Александрополь и Карсъ дѣлаютъ для насъ вполнѣ доступнымъ верхній бассейнъ Евфрата, долиной котораго Россія можетъ безъ затрудненія приблизиться къ „Святымъ мѣстамъ“, гдѣ христіане всѣхъ исповѣданій борются за преобладаніе.

Владѣя Закавказьемъ, Россія, непосредственно соприкасаясь съ мусульманскими странами, стоитъ твердою ногою въ самомъ центрѣ того міра, въ которомъ ведется вѣковѣчная борьба Азіи съ Европой,— гдѣ культурная Грецiя воевала съ полчищами Дарія и Ксеркса, куда Римъ высылалъ свои грозныя войска, а затѣмъ перенесъ и центръ Имперіи, послѣ чего палъ передъ побѣдоноснымъ нашествіемъ османовъ. Борьба эта еще не закончена и ей, по всей вѣроятности, предстоитъ принять титаническіе размѣры съ выступленіемъ на международную арену Китая съ его полумилліардным населеніемъ, во всеоружіи усовершенствованныхъ способовъ и орудій разрушенія.

Борьба эта, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, объединитъ, быть можетъ, государства христіанской

культуры для отпора народамъ желтой расы,—но покуда, та часть континента, въ которой Закавказье составляетъ самый надежный для Россіи оплотъ ея могущества, представляетъ арену далеко не мирныхъ и для насъ не безопасныхъ международныхъ вожделѣній.

До послѣдняго времени мы здѣсь встрѣчались съ враждебнымъ соперничествомъ Англіи. Соперничество это было въ сущности не опасно, ни для Россійской, ни для Великобританской имперіи. Англія была безсильна помѣшать стихійному движенію Россіи на юго-востокъ отъ Арало-Каспійскаго склона, пока она не обрѣла своей естественной географической границы въ Иранскомъ плоскогорьи, громадной стѣнѣ Гиндукуша, высочайшемъ плоскогорьи Памира и Тянь-Шанскомъ хребтѣ со стороны Китая. Опасенія Англіи за ея владѣнія въ Индіи были въ полномъ смыслѣ химеричны: чтобы удержать Индію въ своемъ обладаніи, даже если бы Россіи удалось ею овладѣть, намъ надо бы владѣть флотомъ болѣе сильнымъ чѣмъ великобританскій. Англія также не досягаема для Россіи съ моря, какъ для Англіи Россія съ сухого пути и послѣдовавшее теперь между ними мирное соглашеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ этому реальному соотношенію ихъ вооруженныхъ силъ. Англія, владѣя Средиземнымъ моремъ и поддерживая Турцію, въ свое время много повредила нашей освободительной миссіи на Балканскомъ полуостровѣ, а въ настоящее время ведетъ въ этомъ направленіи политику болѣе нашей радикальную.

Теперь, въ нашихъ международныхъ отношеніяхъ, опасность сосредоточилась въ противоположеніи интересовъ германскаго и славянскаго міровъ. Съ Германіей Россія стоитъ на Западѣ въ непосредственномъ сосѣдствѣ, а поперекъ пути къ Средиземному морю, куда Германію неудержимо толкаютъ матерьяльные интересы и сознаніе своей силы,—лежатъ земли западныхъ и южныхъ славянъ, отчасти независимыхъ, но у которыхъ, у всѣхъ, уже пробудилось ихъ національное сознаніе и стремленіе къ объединенію въ независимыя и этнографически однородныя національныя группы. Австро-Венгрія здѣсь играетъ только второстепен-

ную роль нѣмецкаго форпоста, ей присвоено значеніе спутника Германской Имперіи, имѣющаго ввести западныхъ и южныхъ славянъ въ орбиту германскаго вліянія. Въ этомъ и въ создавшемся антагонизмѣ міровыхъ задачъ Англіи и Германіи — узелъ современнаго международнаго положенія, въ которомъ намъ предстоитъ сохранить тѣ стратегическія преимущества, которыя, на границѣ Европы и Азіи, намъ обезпечиваетъ обладаніе твердынями Закавказья.

Исходной точкой полезной и дальновидной политики Россіи, въ настоящемъ фазисѣ международныхъ отношеній, должно быть ясное сознаніе того, что на Ближнемъ Востокѣ, аренѣ вѣковѣчной борьбы Европы съ Азіей, мы теперь стоимъ лицомъ къ лицу съ Германіей. Сила ея создана въ значительной степени нашими руками, но это большая сила и направлена она въ сторону противоположную нашимъ интересамъ. По историческому призванію, географическому положенію и въ сознаніи пользы такой политики, Россія, въ міровой борьбѣ Европы съ Азіей, является передовымъ борцомъ, а Германія находитъ для себя выгоднымъ стать на сторону Азіи, поддерживать Турцію, дружить съ мусульманами. Политику эту нѣмцы ведутъ съ большой послѣдовательностью.

Связавъ балтійскія желѣзныя дороги съ турецкими въ Ново-Базарскомъ санджакѣ, нѣмцы станутъ твердой ногой въ Солоникахъ, проникнувъ такимъ образомъ, въ важнѣйшемъ пунктѣ Македоніи, на берега завѣтнаго Эгейскаго моря. Германія, устами Австро-Венгріи, говоритъ, что послѣдняя преслѣдуетъ въ данномъ случаѣ только промышленныя цѣли. Да,—но кто-же теперь, когда источникомъ силы народовъ служитъ ихъ относительное богатство, преслѣдуетъ въ международныхъ столкновеніяхъ иныя цѣли, кромѣ промышленныхъ? Вѣдь теперь всѣ войны, подобно мифическому походу Арганавтовъ, будутъ вестись изъ-за „золотаго руна“ и только Россія, долѣе другихъ выступала въ этомъ отношеніи въ роли Донъ-Кихота, за что дорого поплатилась. Не видать бы нѣмцамъ Салоникъ и Средиземнаго моря какъ своихъ ушей, еслибы Николай I не подготовилъ нашего пораженія въ

борьбѣ съ Азіей въ 1855—1856 гг., рыцарски обнаживъ въ 1848 году мечъ на защиту отвлеченнаго принципа абсолютной монархіи въ разваливавшейся Австріи.

При горячемъ сочувствіи Россіи, Англіи, Франціи и Италіи къ христіанскому населенію Македоніи, одна только Германія съ Австро-Венгріей имѣютъ теперь интересъ держать эту несчастную страну въ рабскомъ подчиненіи у турецкаго султана. Турецкое войско находитъ въ нѣмецкихъ офицерахъ превосходныхъ инструкторовъ, значительно поднявшихъ организацію и воинское обученіе арміи султана.

Германцы строютъ въ Малой Азіи желѣзную дорогу на Богдадъ и ей внѣ всякаго сомнѣнія, предназначено стать звеномъ въ желѣзно-дорожномъ сообщеніи Азіатской Турціи въ направленіи къ нашей границѣ, въ сторону Карса и Эривани. Чтобы устранить конкурренцію съ этой дорогой, Германскій Банкъ уже скупилъ большую часть акцій англо-французской линіи Мереинъ-Адемъ.

Нѣмецкое коммерческое предпріятіе Богдагской желѣзной дороги для насъ означаетъ, что въ случаѣ столкновенія съ Германіей, намъ придется воевать и въ Европѣ и въ Азіи.

Тѣсное единеніе Германіи съ Турціей пріобрѣло въ послѣднее время значеніе одного изъ важнѣйшихъ факторовъ нашей внѣшней политики и положенія занятаго на Ближнемъ Востокѣ Германіей, нашей сосѣдкой на западной границѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и при разрѣшеніи національныхъ вопросовъ на нашихъ западныхъ окраинахъ. При вѣрномъ взглядѣ на наши взаимныя съ Германіей отношенія по дѣламъ Ближняго Востока, опредѣлится, напримѣръ вся важность разнѣмеченія нашихъ Прибалтійскихъ губерній и представится въ яркомъ освѣщеніи все значеніе содѣйствія оказываемаго Австріей національному расчлененію русскаго народа поощреніемъ украинскаго движенія среди тридцати милліоновъ россійскихъ и зарубежныхъ малороссовъ, особенно если сопоставить эту явно враждебную Россіи политику съ достигнутымъ уже раздробленіемъ на Балканскомъ полуостровѣ земель сербскаго народа и захватомъ Босніи и Герцеговины.

Таково стратегическое значеніе Закавказья. Но не меньшую важность Кавказъ имѣетъ для Россіи и въ экономическомъ отношеніи. Кавказъ, въ особенности Закавказье, гдѣ находится и античная Колхида, съ его поистинѣ сказочнымъ обиліемъ даровъ природы, можетъ, а слѣдовательно долженъ служить для нашего отечества неисчерпаемымъ источникомъ обогащенія, а потому,—послѣ заботъ, связанныхъ съ значеніемъ Кавказа, какъ важнѣйшаго устоя нашего международнаго положенія, какъ великой міровой державы,—наша тамъ политика должна быть направлена къ умѣлому использованію естественныхъ богатствъ Кавказскаго края въ русскихъ интересахъ.

Климатъ Кавказа, какъ во всѣхъ горныхъ мѣстностяхъ, находится въ зависимости отъ рельефа почвы. Онъ субтропическій въ равнинахъ юговосточнаго Закавказья, умѣренно жаркій на большемъ протяженіи страны и самый здоровый и живительный въ полосѣ, лежащей на высотѣ отъ 2.400 до 6.600 футовъ надъ уровнемъ моря, — но онъ почти повсемѣстно соотвѣтствуетъ требованіямъ самой высокой сельскохозяйственной культуры. [1])

Предѣльная линія ледниковъ на Кавказѣ лежитъ выше чѣмъ въ Альпахъ, а потому, и лѣсныя породы растутъ на понто-каспійскомъ хребтѣ гораздо выше: деревья встрѣчаются еще на высотѣ 7.600 ф., а еще выше азаліи, рододендроны и различныя растенія альпійскихъ пастбищъ. Лѣса, покрывающіе склоны кавказскихъ горъ, принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ хвойнымъ и лиственнымъ породамъ. Изъ нихъ самшитъ, служащій найболѣе цѣннымъ подѣльнымъ матерьяломъ, вывозится въ Англію, откуда расходится потомъ по всей Европѣ. Считается вѣроятнымъ, что Кавказъ есть родина винограда, и нигдѣ нѣтъ такого обилія различныхъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ, причемъ культурныя

---

[1]) При описаніи естественныхъ богатствъ Кавказа и при опредѣленіи племенныхъ, вѣроисповѣдныхъ и бытовыхъ особенностей населяющихъ его народностей я руководствовался преимущественно шестымъ томомъ классической *„Всеобщей Географіи“* Элизе Реклю.

и дикія растенія растутъ на Кавказѣ несравненно выше чѣмъ въ Альпахъ, благодаря продолжительному и жаркому лѣту. Лучшій виноградъ въ Кахетіи вызрѣваетъ на высотѣ 2.500 футовъ. Пшеницу на Кавказѣ можно сѣять на 3.200 ф. выше, чѣмъ въ Альпахъ, а кукурузу на 2.900 ф.

Равнины Закавказья, лежащія по нижнему теченію Аракса и Куры, при правильномъ орошеніи, могли бы не только питать хлопкомъ нашу хлопчато-бумажную промышленность, но сдѣлать собранный на нихъ хлопокъ предметомъ вывоза.

Такимъ же обиліемъ и разнообразіемъ видовъ, какъ растительное, отличается на Кавказѣ и животное царство. Въ устьяхъ Куры рыба размножается въ невѣроятныхъ размѣрахъ: по свидѣтельству академика Бера (Kaspische Studien) на Сальянскихъ промыслахъ ея вылавливается за-разъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было на земномъ шарѣ.

Нѣдра Кавказскккъ горъ заключаютъ въ себѣ всевозможные минералы, въ томъ числѣ драгоцѣнный въ металлургической промышленности и крайне рѣдкій марганецъ. Низина Апшеронскаго полуострова изобилуетъ нефтяными источниками, снабжающими Россію наиболѣе дешевымъ и распространеннымъ освѣтительнымъ матерьяломъ, а нашу обрабатывающую промышленность, судоходство и желѣзныя дороги лучшимъ во всѣхъ отношеніяхъ топливомъ.

При всѣхъ своихъ естественныхъ богатствахъ, Кавказъ не только не обогащаетъ Россіи, обладаніе имъ не только не окупается, но требуетъ значительныхъ приплатъ изъ имперскихъ суммъ. Объясняется это некультурностью края.

Лѣсоистребленіе производится на Кавказѣ самыми варварскими пріемами: есть мѣстности, гдѣ даже не даютъ себѣ труда вырубать деревья, а, по старинному обычаю, ихъ зажигаютъ, рискуя истребленіемъ всего лѣса. На кормъ скоту рвутъ вѣтки съ листьями и почками. При такихъ дикихъ порядкахъ пользованія лѣсными богатствами исчезли на склонахъ горъ, въ долинахъ и на равнинныхъ мѣстахъ еще недавно непроходимые лѣса, причемъ рѣдко гдѣ они уступили мѣсто пашнямъ, фруктовымъ садамъ или виноградни-

камъ, но въ большей части обратились въ пустыри. Множество сортовъ плодовыхъ деревьевъ, которые, улучшенные культурой, могли бы давать умѣлымъ садоводамъ вкусные и цѣнные плоды, растутъ въ дикомъ состояніи.

Огромныя пространства, покрытыя въ иныхъ мѣстахъ плодороднѣйшимъ лѣсомъ, заболочены, пропадаютъ для земледѣлія и отличаются поэтому крайне нездоровымъ климатомъ, порождая малярію. Въ большинствѣ мѣстностей, доступныхъ земледѣлію, оно ведется самыми первобытными техническими способами. Между тѣмъ одно Закавказье могло бы прокормить населеніе равное числу жителей Франціи, и это не предположеніе, а можетъ быть доказано историческими фактами изъ прошлаго этой страны. По древнимъ хроникамъ, Закавказье было въ шесть разъ населеннѣе теперешняго. Когда въ первой половинѣ XIII столѣтія страной этой завладѣлъ Батый, то заставилъ каждаго десятаго мужчину служить въ своихъ войскахъ и набралъ такимъ образомъ восьмисотъ-тысячное войско. Изъ этого надо заключить, что населеніе страны состояло изъ шестнадцати милліоновъ душъ. Столько же, говоритъ Э. Реклю, было его, вѣроятно, и въ эпоху Страбона.

Закавказье представляетъ, такимъ образомъ, обширное поприще для русской колонизаціи, и исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ немногія мѣстности, какъ — густо заселенные Дагестанъ или долина верхняго Ріона. Но для успѣшнаго заселенія Закавказья русскими людьми требуется осушеніе заболоченныхъ пространствъ, возобновленіе запущеннаго орошенія и—правящая власть болѣе разумная чѣмъ та, которая вызвала переселеніе зажиточныхъ и аклиматизировавшихся въ Муганской степи русскихъ духоборовъ въ Америку вслѣдствіе вмѣшательства правительства въ ихъ вѣроисповѣдныя дрязги.

Недостатка въ земельномъ фондѣ для заселенія въ Закавказьи нѣтъ, но надо, чтобы правительство умѣло подготовило почву для русской колонизаціи этого края, для котораго не годится принятый для другихъ мѣстностей переселенческій шаблонъ. Нужно основательно изучить пригод-

ныя для заселенія мѣстности, опредѣлить техническіе пріемы осушенія и орошенія, выяснить финансовую сторону дѣла, изыскать способы привлеченія къ нему частныхъ капиталовъ, установить свойства и размѣръ льготъ, которыя въ этомъ большомъ государственномъ дѣлѣ могли-бы быть предоставлены частной предпріимчивости, и, наконецъ, основательно разработать порядки землепользованія на отводимыхъ подъ поселеніе участкахъ. Не менѣе важно опредѣлить и самый контингентъ переселенцевъ, требованія которымъ они должны удовлетворять соотвѣтственно особенностямъ сельскаго хозяйства въ Закавказьи: на орошаемыя земли полезно было бы поселить на первое время въ шахматномъ порядкѣ русскихъ поселенцевъ изъ хозяйственныхъ, состоятельныхъ, здоровыхъ и трезвыхъ русскихъ крестьянъ и инородцевъ, знакомыхъ съ практикой орошенія, у которыхъ русскіе могли-бы научиться пріемамъ оросительнаго хозяйства. Думается, что для этихъ мѣстностей оказались бы пригодными крестьяне изъ нашего западнаго Полѣсья, а ярославцы—для мѣстъ предназначенныхъ на склонахъ горъ и въ сухихъ равнинахъ для плодовой и виноградной культуры.

Послѣ такого государственнаго почина и когда исчезнутъ, мало по малу, послѣдствія бездарной политики реакціи, державшей большую часть русскаго народа, его сельское населеніе, въ тискахъ искусственно созданнаго у насъ чиновносословнаго строя, свободный русскій человѣкъ и самъ пробьетъ себѣ пути къ лежащимъ на окраинахъ Россіи источникамъ обогащенія. Добьется онъ этого, однако, еще не скоро. Его экономическое безсиліе, какъ послѣдствіе запоздалаго освобожденія отъ крѣпостной зависимости, смѣнившей ее кабалы сельскаго податнаго общества и чиновничьей опеки, еще долго заставитъ насъ мириться съ преобладающимъ значеніемъ инородцевъ и иностранцевъ на поприщѣ нашей отечественной промышленности и торговли. Мы къ сожалѣнію въ этомъ отношеніи еще не далеко ушли отъ того времени, когда умѣлая политика такихъ правителей, какъ Графъ Ришелье и Князь Воронцовъ, насаждала руками иностранцевъ въ обширномъ Новороссійскомъкраѣ сѣмена промы-

шленнаго развитія. Первыми пришли итальянцы; ихъ смѣнили греки, которыхъ выжили русскіе евреи, промышленная иниціатива которыхъ въ свою очередь открыла въ этомъ краѣ пути для промышленной и торговой предпріимчивости и коренному русскому населенію.

Вредно стѣснять промышленную иниціативу инородцевъ, когда масса кореннаго русскаго населенія еще не вышла изъ той инерціи, въ которой ее удерживали наши отсталые государственные и общественные порядки, пока она не выдѣляетъ или весьма слабо выдѣляетъ болѣе сильныхъ своихъ представителей въ верхніе общественные слои для промышленной дѣятельности. Вредъ этотъ совершенно очевиденъ, когда стѣсненіе промышленной энергіи инородцевъ, сопровождается ограниченіемъ ихъ полноправности. Инородцевъ отъ этого не убудетъ, а притѣсненіе только изощряетъ ихъ изобрѣтательность къ обходу несправедливыхъ законовъ и усиливаетъ ихъ племенную сплоченность и солидарность. Такія мѣры бьютъ по еврею или другому инородцу, а поражаютъ Россію въ самыхъ источникахъ ея матерьяльнаго благосостоянія. Онѣ препятствуютъ, кромѣ того, желательной ассимиляціи инородцевъ коренному населенію, которое возможно только въ условіяхъ равноправности.

Соображенія эти надо имѣть въ виду, чтобы извлечь пользу изъ той Голконды, которую представляетъ для Россіи Кавказъ съ его громадными естественными богатствами.

При бѣдности русскаго кореннаго населенія, чтобы дать ему возможность использовать естественныя богатства Кавказа въ свою пользу и въ доступной для него мѣрѣ, слѣдуетъ всячески поощрять образованіе тамъ для эксплоатаціи этихъ богатствъ анонимныхъ промышленныхъ предпріятій на акціяхъ, сосредоточивъ ихъ въ надежныхъ и крѣпкихъ рукахъ богатыхъ средствами предпринимателей. На такія предпріятія иностранцы охотно ссужаютъ недостающій намъ основной и оборотный капиталъ. Русскіе люди, не отрываясь отъ своего дѣла, принимаютъ въ нихъ участіе по своимъ средствамъ въ качествѣ акціонеровъ, — такъ сказать въ

складчину. Повышеніе дивиденда на акціи и ихъ цѣны служатъ мѣриломъ увеличенія народнаго богатства. Такъ это вездѣ и понимается на Западѣ: въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки періодически публикуются свѣдѣнія о наростаніи народнаго капитала, причемъ однимъ изъ коэфиціентовъ послѣдовавшаго увеличенія богатства страны принимается повышеніе цѣны акцій анонимныхъ промышленныхъ обществъ, которое имѣетъ совершенно такое же значеніе, какъ успѣхъ предпріятій отдѣльныхъ лицъ, обусловливающій процвѣтаніе промышленности въ странѣ. Большая прибыль предпринимателей (высокій дивидендъ на акціи) создаетъ новые капиталы, которые питаютъ вновь образующіяся предпріятія. Выгода предпринимателя обезпечиваетъ рабочему классу непрерывность труда и относительную высоту его вознагражденія.

Въ этихъ условіяхъ возникла, развилась и достигла въ самое короткое время полнаго расцвѣта нефтяная промышленность въ Баку, и остается желать, чтобы въ томъ же направленіи возникали и развивались и другія промышленныя предпріятія на Кавказѣ.

Дороговизна мазута и керосина, вредно отзывающаяся на интересахъ потребителей этого товара, справедливо озабочиваетъ какъ общество, такъ и правительство. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе многообразныхъ и сложныхъ причинъ этого явленія, но любопытно отмѣтить, для опредѣленія отношенія русскихъ общественныхъ элементовъ къ вопросамъ нашей экономической политики, на кого чаще всего возлагается отвѣтственность за вздорожаніе на русскомъ рынкѣ продуктовъ нефтянаго производства и какія предлагаются мѣры для ихъ удешевленія.

Не только соціалисты, но и публицисты консервативнаго лагеря жалуются на большую доходность нефтяныхъ предпріятій, на чрезмѣрную прибыль, даваемую ими акціонерамъ, и видятъ въ этомъ главную, подлежащую устраненію причину дороговизны нефтяныхъ продуктовъ. Въ принципіальномъ отношеніи, не касаясь особенностей настоящаго частнаго случая, люди эти, съ точки зрѣнія ортодоксальной эко-

номической теоріи, проповѣдуютъ чистѣйшую соціалистическую ересь, такъ какъ стимулъ выгоды составляетъ самый жизненный нервъ капиталистическаго производства, причемъ, смотря по обстоятельствамъ, выгода достигается, когда удешевленіемъ, а когда удорожаніемъ товара. Въ данномъ случаѣ эти сѣтованія на чрезмѣрную доходность нефтяпромышленныхъ предпріятій на Апшеронскомъ полуостровѣ неосновательны и по существу, такъ какъ обыкновенно указываютъ на высоту даваемаго ими дивиденда въ пропорціи его къ номинальной цѣнѣ акцій: съ такимъ же основаніемъ можно бы упрекать всякое частное процвѣтающее предпріятіе въ томъ, что оно получаетъ ростовщическій процентъ на капиталъ, вложенный въ него при его возникновеніи. Кромѣ того, едва ли большинство акціонеровъ, хозяевъ нефтепромышленныхъ обществъ въ Баку, получили высокій процентъ на капиталъ, употребленный ими на пріобрѣтеніе акцій и паевъ по цѣнѣ, предшествовавшей разгрому промысловъ, стачкамъ и другимъ неблагопріятнымъ для промышленности обстоятельствамъ послѣдняго времени.

Соціалистической окраской отличаются и жалобы на преимущества, оказываемыя крупнымъ предпринимателямъ передъ мелкими соискателями нефтяныхъ источниковъ. Если это вѣрно, то казна, собственникъ источниковъ, отдавая, въ коммерческомъ дѣлѣ такой громадной государственной важности преимущество богатымъ и солиднымъ фирмамъ передъ слабыми и малосостоятельными соискателями, поступаетъ правильно, какъ хозяинъ дѣльный и рачительный о государственномъ интересѣ. Участіе въ соисканіи на крупныя предпріятія людей, не обладающихъ большими средствами, имѣетъ чаще всего цѣлью только полученіе отступнаго, уплата котораго удорожаетъ производство.

Весьма часто наши консерваторы, сходясь въ мнѣніяхъ съ соціалистами, предлагаютъ націонализацію нефтяной промышленности, промышленную эксплуатацію ихъ казною, на подобіе винной монополіи.

Такое совпаденіе мнѣній нашихъ партійныхъ антиподовъ замѣчается и въ другихъ хозяйственныхъ вопросахъ

большаго государственнаго значенія, напримѣръ въ аграрномъ вопросѣ, въ отношеніи къ сельской общинѣ, къ батрачеству. Единомысліе въ этой области людей, пришедшихъ съ разныхъ полюсовъ, исповѣдующихъ крайнія, въ противоположныхъ направленіяхъ, политическія вѣрованія, объясняется тѣмъ, что бюрократизмъ неограниченной монархіи, оставившій глубокій слѣдъ въ нашемъ общественномъ міросозерцаніи, и соціальная демократія съ ея уравнительнымъ каторжнымъ строемъ, который потребуетъ цѣлой тьмы чиновниковъ-трутней при всеобщей націонализаціи производства,— понятія въ сущности однородныя. Ихъ объединяетъ одинаково отрицательное отношеніе къ личной свободѣ и частной предпріимчивости.

Еслибы промышленность на Кавказѣ стала развиваться въ этомъ направленіи, не подчиняясь законамъ экономическаго правовѣрія, Россія не скоро воспользовалась бы выгодами обладанія этой богатѣйшей окрайной.

Изъ всѣхъ странъ міра Кавказъ обладаетъ найболѣе пестрымъ, въ этнографическомъ отношеніи, составомъ населенія, общая численность котораго опредѣлилась, по переписи 1897 г., въ 9.289.365 душъ, говорящихъ на 32 языкахъ и нарѣчіяхъ.

Съ точки зрѣнія подлежащаго разрѣшенію на этой окраинѣ національнаго вопроса, населеніе это надо раздѣлить на четыре главныя этнографическія группы: 1) русскіе; 2) грузины; 3) народности, исповѣдующія магометанскую вѣру, 4) армяне.

Русскіе, которыхъ на Кавказѣ до *2.400 тысячъ*, [1]) составляютъ абсолютное большинство населенія въ губерніи Черноморской (35 т. изъ 57 т.) и въ области Кубанской (1.750 т. изъ

---

[1]) Численность населенія приводится въ округленныхъ цифрахъ по переписи 1897 г. съ исключеніемъ Ставропольской губерніи, выдѣленной изъ состава Кавказскаго управленія въ 1899 г. (ст. 2, т. II, Св. Зак. по Прод. 1906 г.).

1.920 т.). Въ Терской области изъ 930 тысячъ всѣхъ жителей русскихъ 315 тысячъ, а остальное населеніе распадается такъ: 215 тысячъ чеченцевъ, аваро-индійцевъ, даргинцевъ, кринцевъ и казакумыковъ; 96 т. курдовъ и осетинъ; 85 т. кабардинцевъ и абхазцевъ; 27 т. татаръ; 12 т. армянъ и 10 т. нѣмцевъ 6 т. евреевъ и другихъ инородцевъ менѣе одной тысячи для каждой народности.

Грузинъ и одноплеменныхъ имъ *имеритинъ* и *мингрельцевъ* на Кавказѣ *1.300* тысячъ, которые, за исключеніемъ тысячъ пятнадцати, всѣ проживаютъ въ Тифлисской и Кутаиской губерніяхъ, въ составѣ населенія которыхъ, кромѣ ихъ, имѣется 800 тысячъ жителей, другихъ національностей.

Магометанъ на Кавказѣ *3.200 тысячъ*, изъ которыхъ около половины татаръ. Сосредоточено мусульманское населеніе въ сплошныхъ массахъ на востокѣ въ губерніяхъ и областяхъ, прилегающихъ къ Каспійскому морю и на югѣ на всемъ пространствѣ между Чернымъ и Каспійскомъ морями по границѣ нашей съ Турціей и Персіей, въ обширной мѣстности ограниченной на сѣверѣ рѣкою Курой и горами Тріалетскими и Аджарскими. Въ Бакинской губерніи 680 т. мусульманъ, изъ 830 т. общаго числа населенія. Въ Елисаветпольской губерніи 550 т. мусульманъ, при 300 т. армянъ. Въ Эриванской губ. 350 т. мусульманъ приходится на 430 т. армянъ, а въ Карской области 146 т. мусульманъ на 17 т. армянъ. Дагестанъ имѣетъ почти сплошное мусульманское населеніе изъ 550 т. душъ, принадлежащихъ къ разнообразнымъ горскимъ народностямъ, а въ Терской области мусульманъ разныхъ племенъ 490 т. на 930 т. населенія, изъ которыхъ, какъ указано выше, 315 т. русскихъ. Остальное число мусульманъ распредѣляется между губерніями Тифлисской (190 т.), Кутаисской (120 т.), Кубанской областью (100 т.), Ставропольской губ. (40 т.) и Черноморской обл. (3 т.).

Армяне, при общей ихъ численности на Кавказѣ въ *1.130 тысячъ*, составляютъ значительную часть осѣдлаго населенія губерній Елизаветпольской и Эриванской (730 т. армянъ на 900 т. мусульманъ), а остальные армяне (430 т.)

распредѣлены по другимъ мѣстностямъ Кавказа, по преимуществу въ городахъ.

Кромѣ того на Кавказѣ имѣется въ общемъ до милліона евреевъ, нѣмецкихъ колонистовъ и инородцевъ, принадлежащихъ къ мелкимъ племенамъ, которые не могутъ быть отнесены ни къ одной изъ четырехъ главныхъ этнографическихъ группъ Кавказскаго населенія.

Грузины или картвелы, потомки иберійцевъ, составляютъ большинство населенія въ центральной и отчасти западной части Закавказья, въ губерніяхъ Тифлисской и Кутаисской. Владѣя здѣсь землей съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ, они сохранили извѣстную этнографическую цѣльность и говорятъ на нарѣчіяхъ, имѣющихъ общее происхожденіе.

XII вѣкъ, въ царствованія Давида и Тамары, былъ временемъ процвѣтанія и военной славы Грузіи, но вслѣдъ за нашествіемъ Чингисъ-Хана наступили непрерывныя войны и междоусобія, прекратившіяся только въ 1802 г., когда Грузія, уже подчинявшаяся вліянію Россіи, была признана русской провинціей.

Географическое положеніе Грузіи не позволяло ея населенію сплотиться въ одну цѣлую націю. Большая часть грузинъ-картвеловъ жили въ равнинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, обитатели которыхъ, живя въ своихъ тѣсныхъ, холодныхъ и безплодныхъ долинахъ, — всегда, когда представлялся къ тому удобный случай, спускались на равнину для грабежа. Кромѣ того грузинская территорія раздѣлена на три части, совершенно разграниченныя между собою горами и лѣсами: на востокѣ — долина Куры, въ центрѣ — долина Ріона и Ингура, а на западѣ—Чоруха. Эти три мѣстности географически разобщены и весьма естественно, что населеніе каждой изъ нихъ жило особой политической жизнью. Грузины, говорящіе на мѣстныхъ идіомахъ, не вполнѣ понимаютъ другъ друга, но у грамотныхъ изъ нихъ, единство языка поддерживается письменностью. Грузинская (карталинская) литература существуетъ съ десятаго вѣка: начавшись съ перевода Библіи, она послѣдовательно обогащалась

религіозными и поэтическими произведеніями, пѣснями и даже сочиненіями научнаго содержанія.

Грузины, всѣ православные, всегда стойко держались своей вѣры, не смотря на религіозныя преслѣдованія турокъ и персовъ. У нѣкоторыхъ горныхъ племенъ, у сванетовъ, напримѣръ, христіанство еще уживается съ остатками болѣе древныхъ культовъ и языческими суевѣріями.

Не смотря на превосходный климатъ и плодородіе почвы, грузины живутъ бѣдно. Въ этомъ нельзя не видѣть послѣдствій крѣпостнаго права, которое у грузинъ, въ особенности въ Имиретіи, Мингреліи и Сванетіи приняло размѣры настоящаго рабства. Рабы могли въ свою очередь владѣть рабами и эти рабы-каторжники были одновременно собственностью двухъ господъ. Рабами бывали даже священники. [1]) Общественное устройство Грузіи было испоконъ вѣка аристократическое, и у этого народа образовалось многочисленное дворянство, въ огромномъ большинствѣ недостаточное. Дворянскія земли въ Грузіи составляютъ не личную собственность, а принадлежатъ роду. Крестьяне, вообще лѣнивые и обязанные платить высокій выкупъ за свою свободу, живутъ въ большой бѣдности. Грузины народъ храбрый и добродушный, но отличительными чертами ихъ народнаго характера слѣдуетъ признать также безпечность, непредусмотрительность, расточительность, какъ послѣдствія слабой воли. Свойства эти дѣлаютъ ихъ болѣе пригодными для военной службы, чѣмъ для гражданской дѣятельности.

Между мусульманами Закавказья большую половину составляютъ татары. Это турки, утратившіе названіе своей расы, но сохранившіе ее въ большей чистотѣ, чѣмъ османлисы Турціи. Татары, не знавшіе рабства, обладаютъ лучшими нравственными качествами, чѣмъ другіе инородцы Кавказа: они отличаются вообще рѣдкими честностью и

---

[1]) Въ шестидесятыхъ годахъ я встрѣчалъ въ Твери грузина, сосланаго туда на житье за то, что, владѣя двумя крѣпостными, онъ никакъ не могъ себѣ усвоить значенія отмѣны крѣпостнаго права, а когда понялъ, то зарубилъ обоихъ, „чтобы никому не доставались“.

искренностью, они радушны и гостепріимны. Татары по большей части грамотны; многіе изъ нихъ, кромѣ своего языка и туземныхъ нарѣчій, знаютъ литературные языки—арабскій и персидскій.

Магометане въ Чечнѣ (въ предѣлахъ Терской области) и въ Дагестанѣ, подраздѣлящіеся на множество племенъ, различныхъ по происхожденію, нравамъ и языку,—живутъ въ условіяхъ самой первобытной культуры. У нихъ сохранились гостепріимство и гордость, доходящая до фанатизма, но у нихъ въ чести и обычаемъ облагороженный разбой; среди нихъ еще господствуетъ племенная ненависть и кровавая месть, какъ верхъ правосудія.

Первый намѣстникъ на Кавказѣ князь Воронцовъ, стремился закрѣпить Закавказье за Россіей возвышеніемъ значенія мѣстнаго дворянства. Онъ не только покровительствовалъ ему въ Грузіи, но создалъ дворянское сословіе въ мусульманскихъ областяхъ въ лицѣ бековъ и агаларовъ. Политику эту послѣдовательно проводилъ и второй намѣстникъ князь Барятинскій, который видѣлъ въ этомъ средство обрусить край въ его высшемъ сословіи. Генералъ Фадѣевъ, весьма даровитый сотрудникъ князя Барятинскаго, въ одной изъ записокъ, поданныхъ имъ въ началѣ 80-хъ годовъ въ образованную въ то время коммиссію для составленія новаго проекта по управленію Кавказомъ, [1]) такъ оцѣниваетъ послѣдствія этой мѣры: „народныя массы, лишившіяся половины своихъ земель и, разумѣется, притоптанные беками, оттолкнуты отъ правительства; новосозданное дворянство, ничѣмъ не обязанное и никѣмъ не руководимое, не только не доставляетъ опоры русской власти, но стало очагомъ мусульманской нетерпимости и вожакомъ всѣхъ безпорядковъ въ странѣ, а вдобавокъ, черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, намъ же пришлось выкупать у бековъ угодья пожалованныхъ имъ крестьянъ“... И далѣе: „Беки и агалары отлично сознаютъ, что они обязаны своимъ новымъ положеніемъ исключительно

[1]) Записки эти были напечатаны въ 1884 году во 2 и 3 №№ газеты „Русь“, издававшейся въ Москвѣ И. С. Аксаковымъ.

милости правительства, въ ихъ глазахъ даже необъяснимой". Генералъ Фадѣевъ оправдывалъ князя Барятинскаго и приписывалъ вредныя послѣдствія аристократизаціи мусульманъ на Кавказѣ недостаточной энергіи его преемниковъ въ проведеніи мѣръ, направленныхъ къ обрусенію татарскаго дворянства,—я-же упоминаю здѣсь объ этихъ мѣропріятіяхъ нашихъ правителей на Кавказѣ только для того, чтобы отмѣтить созданную ими бытовую особенность Кавказскаго мусульманскаго населенія.

Армяне (гай, гайнъ, гайканы, какъ они сами себя называютъ) аборигены Арменіи (Гайясданъ), страны отличающейся крайней неопредѣленностью въ географическомъ, политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ,—съ каждымъ столѣтіемъ измѣнявшей свои границы, послѣ того отдаленнаго времени, когда потерявъ свою независимость, армяне разбрелись по всему Востоку, предпочитая „жить иностранцами на чужой землѣ, нежели рабами въ своемъ отечествѣ". Теперь названіе „Арменіи" присваивается области плоскогорій, надъ которыми возвышается двуглавый Араратъ.

Когда, въ 1828—1829 годахъ, мѣстность эта была покорена русскими, 130.000 армянъ пришли изъ Персіи и Турціи, чтобы подъ покровительствомъ русской арміи поселиться въ долинахъ Аракса и Куры, на смѣну курдовъ и татаръ, устремившихся на земли оставшіяся во власти магометанъ. Тоже повторилось и послѣ войны 1877—1878 годовъ: изъ Ардаганскаго уѣзда, въ долинѣ верхней Куры и изъ Карской области, въ басейнѣ Аракса, почти все мусульманское населеніе ушло въ предѣлы Турціи, а въ наши предѣлы массою хлынули армяне. Такимъ образомъ установилось указанное выше соотношеніе числа армянъ и мусульманъ,—почти поровну—въ губерніяхъ Эриванской и Елисаветпольской, причемъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ почти все сельское населеніе состоитъ изъ армянъ. Въ Карской области на 140 тысячъ Магометанъ приходилось, во время переписи 1897 г., 70 тысячъ армянъ.

Армяне первые обращены были Григоріемъ Просвѣтителемъ въ началѣ IV вѣка, въ христіанство всей народ-

ной массой и признаютъ постановленія только первыхъ трехъ вселенскихъ соборовъ. Они воевали съ персами когда засѣдалъ четвертый Халкедонскій соборъ (451 г.); получивъ объ его постановленіяхъ противорѣчивыя свѣдѣнія, они ихъ отвергли и остались при ученіи и литургіи выработанныхъ для нихъ Святымъ Григоріемъ. Съ тѣхъ поръ армяно-грегоріанская церковь служила для армянъ, разошедшихся по всему свѣту, крѣпкой связью; въ лонѣ церкви они полагаютъ свое національное объединеніе. Духовный глава армянъ—католикосъ, которому подчиняются всѣ его единовѣрцы, исповѣдующіе григоріянство, духовенство, монашество, епископы и патріархи Константинопольскій и Іерусалимскій. При этихъ условіяхъ обладаніе нами Эчміадзиномъ, резиденціей католикоса и священною для армянъ горою Араратомъ пріобрѣтаетъ для Россіи большое политическое значеніе. Такъ это и понимали первые намѣстники на Кавказѣ, оказывавшіе католикосу всяческіе знаки высокаго почтенія и тщательно избѣгавшіе всякаго вмѣшательства въ его духовныя полномочія и въ распоряженіе капиталами образовавшимися отъ вѣковыхъ пожертвованій армянъ на церковь и школы. Отношенія къ католикосу создаютъ для Россіи почву благопріятную для осуществленія права покровительства армянамъ, живущимъ въ Турціи.

Современный армянскій языкъ имѣетъ нѣсколько мѣстныхъ нарѣчій, заимствовавшихъ много выраженій изъ грузинскаго и турецкаго языковъ,—но существующая двѣ тысячи лѣтъ армянская литература сохранила преданіе о классическомъ армянскомъ языкѣ, которымъ въ Арменіи говорили и писали до нашествія Тамерлана въ XIV столѣтіи. Прежняя армянская литература состояла преимущественно изъ сочиненій по богословію, исторіи, метафизикѣ и грамматикѣ; теперь содержаніе ея объемлетъ болѣе разнообразные предметы. Армяне заботятся старательно объ образованіи своихъ дѣтей и нѣтъ общины, которая не имѣла-бы своей школы.

Въ національномъ характерѣ армянъ и нравахъ есть много общаго съ евреями. Они обладаютъ съ евреями въ

одинаковой степени религіозной устойчивостью, духомъ солидарности, торговой оборотливостью, страстью къ наживѣ и немного уступаютъ имъ въ предпріимчивости. Въ отличіе отъ евреевъ, армяне занимаются земледѣліемъ и промыслами, требующими затраты большой физической силы, какъ каменьщики и плотники. Въ противоположность грузинамъ, армяне обладаютъ твердой волей и настойчивостью въ преслѣдованіи поставленной себѣ цѣли. Грузины, считающіе занятіе торговлей и промышленностью ниже своего достоинства, еще въ XVII столѣтіи стали привлекать армянъ въ Тифлисъ, послѣ чего число ихъ и благосостояніе стали послѣдовательно увеличиваться. Шарденъ (Chardin) въ появившемся еще въ 1682 г. Voyage en Perse и Гунденштедъ въ 1772 г. свидѣтельствуютъ, что армяне въ Тифлисѣ занимаютъ господствующее положеніе [1]). Послѣ присоединенія Грузіи къ Россіи кавказскіе армяне не встрѣтили себѣ конкуренціи въ русскихъ промышленникахъ и торговцахъ. Теперь банки, нефтяные промыслы, всѣ выгодныя предпріятія, большія и малыя, находятся въ ихъ рукахъ. Смѣлая предпріимчивость этихъ людей растетъ съ ихъ успѣхомъ. Въ промышленной сферѣ армяне, на всемъ пространствѣ Закавказья не имѣютъ себѣ соперниковъ. При свойственномъ армянамъ стремленіи къ просвѣщенію и прирожденной даровитости, достигнутое ими матерьяльное обезпеченіе открываетъ имъ доступъ во всѣ интеллигентныя профессіи. Они завладѣли кавказскими городскими общественными управленіями и занимаютъ видныя положенія въ государственной службѣ.

Существуетъ мнѣніе, что успѣхъ вскружилъ армянамъ голову и вызвалъ въ ихъ средѣ стремленіе къ національному сепаратизму. Объ этомъ уже упоминаетъ и генералъ Фадѣевъ въ цитированной мною запискѣ. „Армянская народность“ писалъ онъ въ 1883 г. „не ограничивается русскими предѣлами, какъ грузинская; она распространяется въ Турціи до Средиземнаго моря, вслѣдствіе чего армяне считаютъ себя многочисленнымъ народомъ, а нѣкоторымъ

[1]) Pierre Morane. *Au seuil de l'Europe*. Paris. 1900, стр. 148—156.

это даетъ даже поводъ къ мечтаніямъ о политической самобытности. Я видѣлъ (не теперь, а прежде) карту будущаго армянскаго царства, напечатанную въ Константинополѣ на фуляровыхъ платкахъ, включавшую въ себѣ Астрахань и Крымъ. Понятно, что эти армянскія мечтанія, даже въ самомъ скромномъ размѣрѣ, ни что иное какъ бредъ; нѣтъ мѣстности въ свѣтѣ, гдѣ армянское населеніе составляло-бы болѣе трети и могло-бы, при своей невоинственности, повелѣвать $^2/_3$-ми мусульманъ, иначе какъ опираясь на русскіе штыки. Простой народъ конечно чуждъ этой затѣи,—и армянскій сепаратизмъ, какъ политическое направленіе, неосуществимъ, даже при поддержкѣ извнѣ, а потому не опасенъ".

Французскій путешественникъ П. Моранъ (Pierre Morane), изучавшій Кавказъ въ 1897 г., говоритъ, что въ то время пожеланія армянъ не шли далѣе равноправія, возможности безпрепятственно проявлять свою дѣятельность, вѣротерпимости и автокефаліи ихъ церкви. [1])

Въ запискахъ генерала Фадѣева (1882) имѣются слѣдующія указанія о существовавшихъ среди армянъ партіяхъ. „Между кавказскими интеллигентными армянами образовались въ текущее время двѣ партіи: такъ называемая „либеральная", полагающая будущность армянскаго племени въ прочномъ единеніи съ Россіею, проповѣдующая поэтому вѣрность общему отечеству; вторая партія исповѣдуетъ въ тайнѣ „сепаратизмъ", самостоятельную будущность племени. На эти партіи обращены теперь глаза всего разсѣяннаго по свѣту армянства, и хотя въ сущности онѣ не болѣе какъ литературные кружки, но отъ преобладанія той или другой зависитъ конечно въ извѣстной степени духъ, въ которомъ воспитывается молодое поколѣніе. Первая группа, казалось-бы, для насъ сподручнѣе; но по привычному складу нашей администраціи, она мало объ этомъ знаетъ; ее смущаетъ

[1]) „L'égalité civile, le droit de deployer sans entraves leur activité, et, si ce n'est pas trop exiger d'une sonveraine aussi peu tolérante que la Russie, l'autonomie de leur Eglise, la liberté réligieuse, voila ce que les Arméniens demandent à leurs maitres" (цит. соч. стр. 146).

названіе „либеральной партіи“, и если оказывалось до сихъ поръ какое-либо (въ сущности почти безсознательное) давленіе русской власти на обѣ стороны, то оно было скорѣе въ пользу второй... Вообще-же, по отношенію къ этимъ стремленіямъ и этимъ партіямъ, все зависитъ отъ разумнаго, сознательнаго дѣйствія мѣстной власти“.

Какъ-бы то ни было, со времени присоединенія Закавказья къ Россіи и до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, въ широкихъ кругахъ армянскаго населенія, среди вліятельныхъ, просвѣщенныхъ и сильныхъ его элементовъ, нетолько не обнаруживалось никакихъ сепаратическихъ тенденцій, но замѣтно было явное стремленіе къ ассимиляціи съ русскимъ интеллигентнымъ обществомъ. Болѣе образованные и состоятельные армяне стали мѣнять свои фамильныя прозвища на русскія или измѣнять на русскій ладъ окончанія своихъ фамилій на „янцъ“. При томъ значеніи, которое имѣла на Кавказѣ воинская профессія, умный и даровитый армянскій народъ далъ намъ такихъ военоначальниковъ, какъ Аргутинскій-Долгоруковъ, Лорисъ-Меликовъ, Лазаревъ, Мадатовъ, Бебутовъ, Шелковниковъ, Тергукасовъ. Армяне выдвигались своимъ талантомъ и въ первые ряды русскаго гражданскаго интеллигентнаго общества, и,—подобно Джаншіеву, даровитому исторіографу реформъ Александра II—соединяли свой племенной національнизмъ съ горячимъ русскимъ патріотизмомъ.

Всѣ бытописатели Кавказа, не исключая Э. Реклю, согласны и въ томъ, что за то же время,—до восьмидесятыхъ годовъ, — населяющія Закавказье народности жили, подъ сѣнью справедливой, безпристрастной и нейтральной русской власти, въ самыхъ мирныхъ и довѣрчивыхъ отношеніяхъ и къ армянамъ вражды не обнаруживали. Племенные раздоры и разбойные нравы дикихъ горцевъ, въ счетъ конечно не идутъ.

Реакція восьмидесятыхъ и послѣдующихъ годовъ, однимъ изъ элементовъ которой былъ искусственный и отвлеченный русскій національнизмъ, проявлявшійся въ грубыхъ вообще пріемахъ неумѣлой руссификаціи, не могла

не получить яркаго отраженія на Кавказѣ, съ его разноплеменнымъ населеніемъ.

Рьянымъ проводникомъ этой политики, въ качествѣ начальника края, былъ Князь Г. С. Голицынъ, а объектомъ своихъ обрусительныхъ вожделѣній онъ избралъ преимущественно армянъ. За время его управленія краемъ духомъ крайней національной нетерпимости проникло большинство русскаго чиновничества на Кавказѣ, а бардомъ этого направленія въ націоналистической литературѣ сталъ поэтъ Величко. Не сознавая того, что таже реакція вызывала экономическое безсиліе и неподвижность громаднаго большинства русскаго народа, армянамъ ставили въ вину ихъ успѣхи въ промышленности, которыми они обязаны, кромѣ своей природной даровитости, дѣятельности и предпріимчивости, ихъ демократическому народному строю, отсутствію въ ихъ средѣ всякихъ сословныхъ перегородокъ, исторически образовавшихся у грузинъ и искусственно насажденныхъ русскими администраторами у кавказскихъ татаръ.

Первый ударъ нанесенъ былъ армянамъ въ самое сердце. Ихъ поразили въ источникѣ всякаго матерьяльнаго и духовнаго преуспѣянія: закрыты были армянскія школы, содержавшіяся на цѣлыми поколѣніями собранные капиталы, вслѣдствіе отказа армянъ изгнать изъ нихъ преподаваніе на ихъ родномъ языкѣ, замѣнивъ его русскимъ. Армянскія школы закрыли, а средствъ на открытіе русскихъ училищъ не имѣлось. Тогда рѣшили отобрать у армянъ школьныя имущества, а когда оказалось, что имущества эти принадлежатъ церквамъ, и въ этомъ смыслѣ послѣдовали судебныя рѣшенія, то исходатайствовали въ порядкѣ высшаго управленія разрѣшеніе отобрать въ казенное вѣдѣніе церковныя имущества армяно-грегоріанской церкви. Въ этомъ смыслѣ послѣдовало положеніе Комитета Министровъ 12 Іюня 1903 г. въ явное нарушеніе учрежденія армяно-грегоріанской церкви, которое вошло въ XI томъ Свода Законовъ, статья 1213 котораго признаетъ имущества эти принадлежностью не однихъ русскихъ армянъ, а всей армяно-грегоріанской церкви, въ составъ которой входятъ армяне Персіи и Турціи, — а

статьи 1222—1236 опредѣляютъ порядокъ управленія этими имуществами духовными установленіями армяно-грегоріанской церкви подъ общимъ наблюденіемъ Эчміадзинскаго Синода.

Съ Синодомъ этимъ тоже не стѣснялись, признавъ канцелярію его состоящею въ подчиненіи синодскаго прокурора, безъ разрѣшенія котораго запрещено было давать католикосу даже справки по дѣламъ.

Кромѣ передачи школъ и церковныхъ имуществъ въ вѣдѣніе русской администраціи, закрыты были армянскія благотворительныя общества, библіотеки-читальни и издательскія общества. Цензурныя условія вызвали прекращеніе многихъ армянскихъ періодическихъ изданій.

Реакція—мать революціи. Послѣ такого режима литературные кружки армянскихъ „сепаратистовъ", о которыхъ писалъ Фадѣевъ измѣнили свою физіономію. Возникшія въ Турціи армянскія политическія организаціи „Дамнанцутюнъ" и „Гинчакистовъ", возникшія съ освободительными цѣлями въ Турціи, перенесли свою дѣятельность на Кавказъ и примкнули къ русской революціи, первая въ рядахъ нашихъ соціалъ-революціонеровъ, а вторая слилась съ россійской соціалъ-демократической рабочей партіей. Гинчакистами было уже организовано ранѣе того покушеніе на убійство Князя Г. С. Голицына.

Опредѣливъ такимъ образомъ этнографическій составъ Кавказскаго населенія, его культурный уровень, національныя, бытовыя и вѣроисповѣдныя особенности, и сопоставивъ эти мѣстныя условія этнографическаго характера со стратегическимъ и экономическимъ значеніемъ Кавказа для Россіи,—намъ уже не трудно будетъ разобраться въ вопросахъ управленія на этой окраинѣ нашего государства.

1. *Долженъ-ли остаться Кавказъ, какъ инородческая окраина, требующая особыхъ пріемовъ управленія, въ его настоящихъ границахъ?*

Отвѣчу на этотъ вопросъ словами уже упомянутой мною записки генерала Фадѣева.

„Соединеніе подъ одною властью Сѣвернаго и Южнаго Кавказа, т. е. русскаго края съ азіатскимъ, не было послѣдствіемъ какого-либо обсуженнаго правительствомъ рѣшенія. Въ то время, когда русскія войска вступили впервые въ Закавказье, предгорный Кавказъ былъ такою-же Азіей, занятый почти исключительно Ногайскою ордою. Край этотъ постепенно заселялся и сталъ русскимъ уже впослѣдствіи; но тогда внутренняя война, охватившая горы съ обѣихъ сторонъ, требовала единства дѣйствій, а потому нельзя было думать о раздѣленіи. Вопросъ этотъ выдвигается только теперь (1882), при назначеніи на Кавказъ перваго начальника, посылаемаго не для войны, а для управленія; но тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть, что онъ выдвигается силою обстоятельствъ, а не чьимъ-либо личнымъ усмотрѣніемъ. Не можетъ быть рѣчи покуда о выдѣленіи изъ-за закавказскаго управленія областей съ сплошнымъ азіатскимъ населеніемъ, даже на сѣверномъ склонѣ хребта, какова Чечня; но по какому поводу связывать въ одно съ чужеплеменнымъ краемъ чисто русскія земли: Ставропольскую губернію, Кубанское и Терское войско, когда между ними нѣтъ ничего общаго? Управленіе тамъ и здѣсь требуетъ совсѣмъ иныхъ пріемовъ, къ чему никакой человѣкъ не способенъ съ полною отчетливостью. Около 1.300.000 [1]) русскихъ людей находится до сихъ поръ на исключительномъ, безправномъ положеніи, ради поддержанія единства системы въ намѣстничествѣ,—что чувствуется очень живо, доводитъ уже теперь, а скоро доведетъ въ гораздо большей еще степени, до ропота и протестовъ со стороны населенія. Въ правительственной практикѣ обѣ половины намѣстничества, русская и инородческая, размежеваны уже между собою тою мѣрою, что бюджетъ Сѣвернаго Кавказа расписывается по смѣтамъ министерствъ, закавказскій-же составляетъ отдѣльную статью. Остается только признать въ принципѣ дѣленіе, признаваемое на практикѣ. Доводы поборниковъ цѣльности намѣстничества положительно не выдерживаютъ

[1]) 2.855.744—по переписи 1897 года.

критики. Соединеніе подъ однимъ начальствомъ войскъ, расположенныхъ по обѣ стороны горъ не имѣетъ ничего общаго съ гражданскимъ управленіемъ; корпуса дѣйствующей арміи, подчиненные намѣстнику Царства Польскаго, квартировали въ западныхъ губерніяхъ и Малороссіи; донскіе полки служили массою на Кавказѣ, какъ служатъ теперь Кубанскіе и Терскіе. Единственное усложненіе въ этомъ вопросѣ представляетъ размежеваніе Терскаго войска съ Чеченскимъ населеніемъ, но усложненіе легко устранимое: рѣка Сунджа служитъ естественною границею, отъ нея немудрено протянуть пограничную черту къ устью Малки. По эту сторону останется нѣсколько чеченскихъ ауловъ, которые сами собой войдутъ въ составъ казачьяго населенія; по эту сторону останется нѣсколько безземельныхъ станицъ 2-го Владикавказскаго полка, которыя будутъ рады выселиться. Пользы государства и права кореннаго русскаго населенія не могутъ подчиниться соображеніямъ о размежеваніи нѣсколькихъ деревень. Надобно замѣтить при этомъ, что разрывъ между Кубанскимъ и Терскимъ войскомъ, былъ въ собственномъ сознаніи ихъ дѣломъ совсѣмъ неудобнымъ, и что продолжать этотъ разрывъ еще далѣе, оставляя Терское войско при чужеземной окраинѣ, значило-бы подорвать одну изъ незамѣнимыхъ русскихъ силъ—силу кавказскаго казачества".

Къ этому мнѣнію умнаго знатока Кавказа, принимавшаго участіе въ его управленіи, мнѣ нечего прибавить. Дѣйствительно, если отъ Терской области отдѣлить Чечню, то въ настоящее время Кубанская область и земли занимаемыя Терскимъ казачьимъ войскомъ составятъ мѣстность въ которой, въ круглыхъ цифрахъ, на 3 милліона русскихъ приходится около 200 тысячъ инородцевъ. Здѣсь теперь уже не инородческая окраина, а коренная Россія, въ которой вопросы управленія должны быть обсуждаемы совсѣмъ подъ другимъ угломъ зрѣнія чѣмъ на Закавказьи. Съ другой стороны, съ выдѣленіемъ изъ кавказской инородческой окраины этихъ чисто русскихъ областей, Закавказье, съ присоединеніемъ прилегающей къ нему горной Чечни, пріобрѣтетъ, въ его племенномъ разнообразіи, большую однород-

ность, что представляетъ условіе весьма благопріятное для усвоенія въ управленіи этой окраиной цѣлесообразной и послѣдовательно проводимой системы.

Кавказъ предстанетъ тогда въ его истинномъ значеніи русской инородческой колоніи.

2. Нуженъ-ли на Кавказѣ, въ качествѣ главнаго начальника края, *намѣстникъ или генералъ-губернаторъ?*

Это означаетъ другими словами: слѣдуетъ-ли изъять управленіе Кавказомъ изъ вѣдѣнія имперскаго центральнаго правительства?

Уступаю опять слово генералу Фадѣеву: „Званіе намѣстника Кавказскаго было учреждено при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, которыхъ болѣе не существуетъ. (1882). Главнокомандующій арміей въ военное время, по учрежденію 1812 г., былъ законнымъ полномочнымъ распорядителемъ страны занятой арміей; но все это кончилось. Тѣмъ не менѣе азіатскія окраины до сихъ поръ отзываются для государства тяжелымъ дефицитомъ, нисколько не сокращающимся съ теченіемъ времени, единственно вслѣдствіе отсутствія строго-соображенной и незыблемой системы, положенной въ основаніе управленія ими. Но незыблемая система можетъ быть плодомъ только правительственнаго сознанія передаваемаго изъ поколѣнія въ поколѣніе; она невозможна, когда рѣшеніе дѣла предоставляется личному усмотрѣнію послѣдовательнаго ряда единичныхъ людей облекаемыхъ полномочіемъ. Даже самые проницательные и опытные государственные люди будутъ всегда смотрѣть на тотъ-же предметъ, хотя-бы и правильно, но съ различныхъ точекъ зрѣнія. Къ неуклонному проведенію системы чрезъ рядъ поколѣній способны только установленія, а не мѣняющіяся личности. Если упрощеніе системы управленія азіатскими окраинами признается своевременнымъ, то надо признать и то, что цѣль эта недостижима посредствомъ облеченныхъ постояннымъ полномочіемъ мѣстныхъ начальниковъ, отвѣтственныхъ исключительно предъ лицомъ Государя. Безъ сомнѣнія эти лица не могутъ обойтись безъ права на полномочіе, но полномочіе должно простираться только на дѣй-

ствіе въ виду текущихъ событій, съ принятіемъ на себя отвѣтственности за него, а не на установленіе системы управленія краемъ, которое есть дѣло правительственное. Но общее правительство можетъ сознательно блюсти только за тѣми сторонами дѣла, съ которыми лица его составляющія соприкасаются практически, которыя имъ знакомы изъ ежедневнаго движенія дѣлъ.

Министръ, отстраненный отъ завѣдыванія своимъ вѣдомствомъ на пространствѣ какой-либо окраины, судящій объ ея потребностяхъ не иначе какъ со словъ мѣстнаго начальника, ставится въ невозможность охранять обще-государственные виды въ томъ краѣ по своей части, вслѣдствіе чего мѣстные интересы берутъ немедленно перевѣсъ надъ государственными".

Мнѣніе Фадѣева о необходимости органической связи центральной власти съ управленіемъ на окраинахъ, справедливое и при нашихъ тогдашнихъ государственныхъ порядкахъ, представляется тѣмъ болѣе правильнымъ для настоящаго времени. Сатрапіи еще возможны при неограниченной личной центральной власти, но совсѣмъ не мыслимы при представительномъ образѣ правленія, когда центральное правительство дѣйствуетъ подъ извѣстнымъ контролемъ законодательнаго собранія, власть котораго распространяется на всю территорію государства со включеніемъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ, причемъ власти исполнительная и законодательная должны находиться между собою въ непрерывномъ общеніи. У насъ неудобства независимаго отъ министерства намѣстничества на Кавказѣ сказались тотчасъ-же послѣ созыва народнаго представительства и пришлось возложить на одного изъ членовъ Государственнаго Совѣта обязанности повѣреннаго по дѣламъ Кавказа. Эту политическую адвокатуру нельзя, однако, признать комбинаціей удачной, такъ какъ такой представитель окраины въ Совѣтѣ Министровъ и въ Государственной Думѣ, не знакомый съ общимъ ходомъ дѣлъ на мѣстѣ, а потому совершенно безотвѣтственный за все что тамъ творится, не можетъ замѣнить начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ центральнаго

правительства, у которыхъ на окраинахъ имѣются свои отвѣтственные органы власти. Кромѣ того и на самомъ Кавказѣ, со времени его завоеванія и послѣ введенія независимыхъ суда и контроля мѣстныя условія управленія измѣнились въ смыслѣ неблагопріятномъ для неограниченной власти намѣстника Монарха.

Намѣстникъ Кавказа Графъ Воронцовъ-Дашковъ, въ запискѣ поданной въ прошломъ году, отстаиваетъ сохраненіе намѣстничества, относя отсталость Кавказа отъ центра къ винѣ центральной власти. Главноначальствовавшіе, „имѣли возможность только возбуждать вопросы предъ подлежащими вѣдомствами, вести съ послѣдними длинную и почти всегда безплодную переписку и отказываться отъ своихъ проектовъ встрѣчая въ вѣдомствѣ явное несочувствіе своимъ намѣреніямъ“. Но спрашивается, не объясняется-ли это несочувственное отношеніе центральнаго правительства къ представленіямъ главноначальствующихъ свойствами ихъ предположеній. Мы знаемъ, напримѣръ, что Князю Голицыну было трижды отказано въ удовлетвореніи его представленій о противозаконномъ отобраніи въ казну армянскихъ церковныхъ имуществъ, и конечно жалѣть слѣдуетъ не объ этомъ, а о томъ, что четвертое по тому-же предмету представленіе удостоилось утвержденія.

Франція въ Алжирѣ и Англія въ Индіи имѣютъ правителями этихъ владѣній подчиненныхъ центральному правительству лицъ. Въ Великобританіи имѣется правда особое министерство (статсъ-секретаріатъ) по дѣламъ Индіи, но Индія, отдаленная отъ Англіи колонія, имѣетъ 300 слишкомъ милліоновъ населенія, а Кавказъ 9-ть, а потому не можетъ окупить роскошь намѣстничества въ Тифлисѣ и особаго министерства въ С.-Петербургѣ.

3. Въ дальнѣйшихъ своихъ соображеніяхъ относительно управленія Кавказомъ я буду исходить изъ того предположенія, что русскія области изъ него выдѣлены и что подчиняющійся центральному правительству Генералъ-Губернаторъ управляетъ Закавказьемъ, страной съ 6-ти милліоннымъ почти сплошь инородческимъ и разноплеменнымъ населеніемъ.

Предметомъ моихъ сужденій будетъ только *система управленія въ Закавказьи*, въ ея общихъ положеніяхъ, то есть въ предѣлахъ доступныхъ для лица, знакомаго съ этой страной только по научной и публистической литературѣ, статистическимъ даннымъ, отрывочнымъ офиціальнымъ документамъ и двукратному посѣщенію Кавказа въ качествѣ любознательнаго путешественника.

Система управленія Закавказьемъ должна быть строго соображена съ стратегическимъ и экономическимъ значеніемъ этой страны для Россіи и съ этнографическими и культурными особенностями ея населенія, то есть съ тѣми общегосударственными и мѣстными условіями, которыя въ возможныхъ подробностяхъ выяснены мною выше.

Въ соотвѣтствіи съ психологіей азіатъ и мусульманъ условія эти требуютъ прежде всего того, чтобы среди населенія Закавказья, значительную часть котораго составляютъ магометане или горцы, пребывающіе еще въ состояніи варварскомъ и въ сопредѣльномъ съ кавказскимъ краемъ мусульманскомъ мірѣ имя Россіи было грозно, а для этого въ Закавказьи должно быть тихо. Достигнуть этого нельзя грубой силой, произволомъ, преслѣдованіями извѣстныхъ національностей или вѣроисповѣданій. Миръ и тишина купленыя этими средствами были-бы непрочны. Нужна конечно твердая власть, безпощадная въ подавленіи всякихъ нарушеній общественнаго порядка и государственной безопасности, но дѣйствовать она должна въ предѣлахъ строгой законности. Со стороны русской власти въ этомъ инородческомъ краѣ требуется также справедливое, гуманное, доброжелательное и, въ особенности, одинаково безпристрастное отношеніе ко всѣмъ безъ исключенія населяющимъ Закавказье народамъ и племенамъ.

Безпристрастіе это, въ такой странѣ какъ Закавказье, гдѣ національное сознаніе неразрывно связано съ принадлежностью къ извѣстному вѣроученію, должно проявляться въ полной терпимости ко всѣмъ религіознымъ вѣрованіямъ, начиная отъ православныхъ христіанъ и кончая язычниками и огнепоклонниками. Государственный прозелитизмъ не со-

вмѣстимъ съ вѣротерпимостью, обезпеченной теперь въ Россіи всѣмъ иновѣрцамъ основными законами (изд. 1906 г. ст. 66—68). Такимъ образомъ страстныя домогательства грузинъ объ автокефальномъ устройствѣ ихъ древней церкви должны-бы быть по справедливости удовлетворены, конечно въ тѣхъ только мѣстностяхъ, гдѣ этого пожелаютъ сами прихожане. Такая оговорка имѣетъ потому практическое значеніе, что церковная, такъ же какъ національная связь собственной Грузіи, Карталиніи, съ Имеритинами, Мингрельцами, Сванетами и другими загорными грузинами была всегда, какъ мы видѣли, очень слаба.

Народамъ Закавказья, кромѣ вѣротерпимости, должна быть обезпечена и полная свобода національнаго общенія съ просвѣтительными, благотворительными и иными цѣлями, а также свобода печати на ихъ языкахъ и діалектахъ. Тѣмъ не менѣе *Закавказье*, при его разноплеменномъ населеніи, стоящемъ притомъ на различныхъ стадіяхъ развитія, *должно стать страной русской культуры.* Закавказье невозможно себѣ представить страной ни татарской, ни грузинской, ни армянской.

Отъ поглащенія мусульманскимъ міромъ Закавказье было спасено самостоятельно развившимся на почвѣ христіанскаго единенія національнымъ сознаніемъ грузинъ и армянъ, но во время присоединенія Грузіи, а затѣмъ и всего Закавказья къ Россіи, культура этихъ народовъ стояла на уровнѣ самаго глубокаго средневѣковья, а современной европейской культурѣ они пріобщены были Россіей.

Дальнѣйшее развитіе населяющихъ Закавказье племенъ и народовъ въ духѣ русской культуры должно продолжаться, но не путемъ грубой руссификаціи, а мѣрами направленными къ ассимиляціи инородцевъ господствующему племени въ условіяхъ равноправія и при отсутствіи всякаго насилія, при полной свободѣ для каждаго инородца уклониться отъ примѣненія къ нему тѣхъ мѣръ, которыя направлены къ ассимиляціи закавказскаго населенія народу русскому.

Самымъ могучимъ орудіемъ ассимиляціи служитъ усвоеніе инородцами языка господствующаго племени, а потому

русскій языкъ долженъ остаться въ Закавказьи языкомъ преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края, кромѣ училищъ содержимыхъ на частныя, общественныя и церковныя суммы, не дающихъ учащимся никакихъ правъ. Преподаваніе въ начальныхъ школахъ слѣдовало-бы допустить на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, но при обязательномъ преподаваніи въ нихъ русскаго языка. При отсутствіи обязательнаго обученія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, обязательное преподаваніе государственнаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ содержимыхъ на государственный или общественный счетъ и дающихъ учащимся извѣстныя права, не можетъ почитаться мѣрой принудительной. Родители сохраняютъ право не отдавать своихъ дѣтей въ государственныя или общественныя школы, въ которыхъ или преподаваніе производится на русскомъ языкѣ или государственный языкъ обязательно преподаегся рядомъ съ мѣстными нарѣчіями.

Одна изъ главныхъ заботъ управленія въ Закавказьи должна быть направлена къ устройству тамъ хорошо поставленныхъ и соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ организованныхъ учительскихъ семинарій. Сельскій учитель, изъ мѣстныхъ уроженцевъ, долженъ быть главнымъ проводникомъ русской культуры и русскихъ государственныхъ началъ въ глубокія массы инородческаго закавказскаго населенія.

Русскій языкъ долженъ остаться единственнымъ дѣлопроизводственнымъ языкомъ въ управленіи и судѣ, за исключеніемъ ихъ низшихъ народныхъ инстанцій.

Равноправіе мѣстныхъ инородцевъ съ русскимъ кореннымъ населеніемъ государства, не допускаетъ никакого законодательнаго ограниченія служебныхъ правъ этихъ инородцевъ какъ въ Закавказьи такъ и на всемъ пространствѣ Имперіи. Какъ вопросъ управленія *принципіально* онъ долженъ быть рѣшенъ въ смыслѣ допущенія кавказскихъ инородцевъ на должности во всѣхъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ края. Это представляется не только справедливымъ, но полезнымъ въ цѣляхъ ассимиляціи. Само собою разумѣется, что *практика* опредѣленія мѣстныхъ уроженцевъ на службу въ Закавказьи должна подчиняться

извѣстнымъ условіямъ: опредѣляемы тамъ на службу должны быть конечно только тѣ инородцы, относительно русскаго патріотизма которыхъ не можетъ возникать никакихъ сомнѣній; допускаемы на службу они могутъ быть въ извѣстномъ процентномъ отношеніи къ русскимъ служащимъ; не слѣдуетъ ихъ назначать на такія должности, на которыхъ ихъ національное происхожденіе не въ достаточной мѣрѣ обезпечиваетъ ихъ безпристрастіе и т. д. Право мѣстныхъ инородцевъ, безъ различія національностей, служить въ Закавказьи должно остаться не поколебленнымъ, а предоставленіе имъ пользоваться этимъ правомъ, желательное само по себѣ, не можетъ не быть поставлено въ зависимость отъ искусства правителей.

Въ смутное революціонное время возникалъ вопросъ объ *автономіи* Закавказья: армяне, разсѣянные по всему краю, настаивали на цѣлокупной автономіи всей страны, грузины предпочитали мѣстныя автономіи, за исключеніемъ впрочемъ профессора Марра, изъ грузинъ, который въ обширномъ воззваніи къ казказской молодежи, напечатанномъ въ трехъ ноябрскихъ номерахъ газеты „Разсвѣтъ“ за 1906 г., призывалъ къ объединенію всѣхъ населяющихъ Кавказъ народностей но подъ знаменемъ рабочей соціалъ-демократической пролетарской республики.

Объ автономіи Кавказа можно было мечтать только въ бреду революціоннаго психоза, и говорить объ этомъ серьезно въ настоящее время не стоитъ. Но и *вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи въ Закавказьи* возбуждаетъ основательныя сомнѣнія,—во всякомъ случаѣ относительно возможности предоставленія этому краю теперь-же самоуправленія въ объемѣ правъ принадлежащихъ коренному населенію Имперіи.

Основываясь на приведенныхъ выше данныхъ о разноплеменномъ населеніи Закавказья, его національныхъ особенностяхъ и культурномъ уровнѣ, реформу управленія въ немъ слѣдовало-бы провести съ осторожной постепенностью.

Статистика показываетъ, что только въ весьма немногихъ уѣздахъ этого края отмѣчается этнографическая однородность населенія, въ значительномъ-же большинствѣ ихъ жители или принадлежатъ къ различнымъ національностямъ

или-же отличаются крайнимъ разнообразіемъ бытовыхъ условій въ зависимости отъ того живутъ-ли они на равнинахъ, въ горныхъ долинахъ или трудно доступныхъ ущельяхъ. Мы видѣли, что исключенія въ этомъ отношеніи не составляетъ и та часть Закавказья, въ которой большинство населенія принадлежитъ къ грузинской расѣ. Юридическій бытъ значительной части этого сельскаго и горскаго населенія опредѣляется обычаемъ, у мусульманъ адатомъ, сохранившимъ здѣсь въ противуположность русскихъ крестьянъ, всю свою живучесть, совершенную опредѣленность и полное соотвѣтствіе міросозерцанію кавказскихъ поселянъ. На этой основѣ *должна быть организована или преобразована низшая единица народнаго самоуправленія и суда по обычному праву*, съ возможно широкой компетенціей, не расходящейся однако и для горцевъ съ христіанской заповѣдью „не убій“.

Такой судъ не допускаетъ аппеляціи, а самая народная община должна быть, въ лицѣ ея представителя, поставлена въ связь съ уѣздной администраціей. Община эта должна сама себя содержать. Хорошо поставленная школа должна внести въ эту инородческую среду знаніе русскаго языка и содѣйствовать естественной эволюціи закавказской сельской общины къ болѣе совершеннымъ формамъ общественнаго быта, соотвѣтственно послѣдовательно усложняющимся потребностямъ, постепенно измѣняющемуся міросозерцанію и увеличивающемуся матерьяльному благосостоянію.

Мѣстныя условія Закавказья не вызываютъ покуда необходимости уѣзднаго самоуправленія, которое безъ надобности усложнило-бы организацію мѣстнаго управленія и вызвало-бы напрасные расходы.

Въ губерніи уже могли-бы быть введены учрежденія земскаго самоуправленія, но съ ограниченными компетенціей и самостоятельностью.

Предметы вѣдѣнія ихъ должны исчерпываться устройствомъ и содержаніемъ народныхъ школъ, дорогъ и врачебной части.

Предсѣдательство въ Управѣ надо-бы возложить на вице-губернатора.

Школьные учителя и врачи должны-бы состоять въ вѣдѣніи правительственныхъ инспекторовъ.

Полнота правъ мѣстнаго самоуправленія, по общему для Имперіи положенію, можетъ быть впослѣдствіи предоставляема тѣмъ губерніямъ, въ которыхъ русская культура достигнетъ до такого уровня, при которомъ половина мужскаго населенія будетъ умѣть говорить, читать и писать порусски.

Въ совѣтъ управленія при Генералъ-Губернаторѣ полезно было-бы ввести, съ совѣщательнымъ голосомъ, выборныхъ представителей отъ трехъ главныхъ изъ населяющихъ Закавказье народностей—грузинъ, армянъ и татаръ.

Въ этомъ схематическомъ очеркѣ связной программы по нашимъ окраиннымъ вопросамъ, я не касаюсь нашихъ средне-азіатскихъ владѣній, потому что разбиралъ эти вопросы преимущественно съ точки зрѣнія проявившагося у нашего инородческаго населенія стремленія къ ихъ автономному обособленію отъ коренной Россіи, какъ одного изъ послѣдствій долго царившей у насъ реакціи и вызваннаго ею болѣзненнаго роста и развитія страны.

Ничего подобнаго въ средней Азіи не замѣчается и нашимъ тамъ владѣніямъ предстоитъ сохранить еще надолго чистый типъ инородческой колоніи.

Задачи управленія на этой окраинѣ гораздо проще чѣмъ на Кавказѣ, въ виду однородности мѣстнаго сплошь мусульманскаго населенія, за которымъ слѣдуетъ сохранить право жить по корану, управляться и судиться по обычаю (адату).

При этихъ условіяхъ главныя заботы русской власти въ нашихъ средне-азіатскихъ окраинахъ должны быть сосредоточены—на несложности формъ и дешевизнѣ управленія,—на установленіи прочной опредѣленности поземельныхъ правоотношеній, — на послѣдовательномъ приведеніи пустыни въ культурное состояніе, посредствомъ планомѣрной и цѣлесообразной системы орошенія,—и на поощреніи частной промышленной и торговой предпріимчивости способами указанными выше для Кавказа.

Ин-та русского языка
Библиотека
МО. яз. и Мышления АН.СССР

3-

ПРОВЕРЕНО
1936 г.